

АРМИЯ И ВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МОЛОДЫХ БЛИЖНЕВОСТОЧНИКОВ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ



21–23 ноября 2024 г.
Санкт-Петербург

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И АФРИКАНИСТИКИ НИУ ВШЭ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

**II Всероссийская научная конференция
молодых ближневосточников**

АРМИЯ И ВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

21–23 ноября 2024 г.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

**Санкт-Петербург
2025**

ББК 63.3(5/6)+68.01+68.4(4/8)+68.5+85.1+66.4(4/8)
УДК 355.01+355.3+355.4+355/359+327+7.044

СОСТАВИТЕЛИ

Т.А. Пан, М.Ю. Илюшина, С.А. Французов, Д.В. Зайцева

Печатается в авторской редакции

Армия и военные традиции на Ближнем Востоке. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции молодых ближневосточников. Сост. Т.А. Пан, М.Ю. Илюшина, С.А. Французов, Д.В. Зайцева. – СПб.: изд-во Арт-Экспресс, 2025. – 150 с.

В сборник вошли статьи участников 2-й Всероссийской научной конференции молодых ближневосточников «Армия и военные традиции на Ближнем Востоке». Тематика статей отражает исследования, связанные с военными традициями, историей армии в Средние века, ролью армии в политике, государстве и обществе на Ближнем Востоке в новое и новейшее время.

DOI 10.48612/IVRRAN/78du-5pta-m49h

ISBN 978-5-4391-1047-6

© Авторский коллектив, 2025
© ИВР РАН, 2025
© НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2025
Все права защищены

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
<i>Бабоев М.Х.</i> Черкесская гвардия на службе у Иорданского короля	8
<i>Беседина А.С.</i> Парадигма Кербелы и её влияние на идеологию и культуру Исламской Республики Иран в годы ирано-иракской войны (1980–1988)	20
<i>Долинин Д.С.</i> Роль вооруженных сил Египта в экономической сфере (1970–2024 гг.)	31
<i>Кабардов И.Б.</i> Отражение эволюции политической системы средневековой Кабарды в социо-политической терминологии	47
<i>Мосесов С.С.</i> Роль войны и насилия в жизни аравийского общества до зарождения ислама	56
<i>Никоян Ш.А.</i> Роль и место вооруженных сил в социально-политических процессах в Алжире в период Гражданской войны (1992–2002 гг.)	63
<i>Полякова А.А.</i> Фактор ирано-иракской войны в формировании современной внешнеполитической и военной стратегии Ирана	74
<i>Растворов В.А.</i> Цикл «История святого Стефана» Витторе Карпаччо в контексте мамлюко-венецианских отношений начала XVI века	93
<i>Суслова А.С.</i> Монгольская Армия на Ближнем Востоке	101
<i>Хорошеньков О.Г.</i> Формирование военной разведки Византийской империи как важного инструмента регулирования международных отношений	115
<i>Цховребова Д.Э.</i> Образ, инициация и жизненный путь идеального воина в нартском эпосе осетин	123
<i>Чучула М.Д.</i> Невоенные формирования армейского типа в Иране периода Белой революции 1963–1979 гг.	136

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

С 21 по 23 ноября 2024 г. в Санкт-Петербурге проходила II Всероссийская научная конференция молодых ближневосточников «Армия и военные традиции на Ближнем Востоке» – совместный проект Института восточных рукописей РАН и Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

На тематических панелях, работу каждой из которых предваряли выступления приглашенных лекторов и модераторов, было представлено 39 докладов студентов и аспирантов из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Бремена.

Первый день, 21 ноября, прошел в стенах Института восточных рукописей РАН. Директор ИВР РАН, д. и. н., чл.-корр. РАН И.Ф. Попова выступила с приветственным словом и рассказала об истории основания Азиатского Музея и его рукописной коллекции, одного из крупнейших собраний в мире, о деятельности Института восточных рукописей в новейшее время и о наиболее выдающихся ученых, заложивших основы востоковедения в России. Она пожелала всем докладчикам интересной работы на конференции и успехов в будущей научной деятельности.

С приветственным словом также выступили Т.А. Пан, к.и.н., заместитель директора ИВР РАН по науке, и М.Ю. Илюшина, д.и.н., профессор, заведующая Кафедрой ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Профильную панельную дискуссию открыл доклад Е.И. Малоземовой, к. и. н., научного сотрудника отдела «Арсенал», хранителя коллекции восточной конской упряжи Государственного Эрмитажа, на тему «Воинская и оружейная культура Ближнего

Востока: образ, идеи, контекст», в котором Елена Игоревна показала, как в военном деле и искусстве создания оружия, одних из основополагающих практик ближневосточного общества, проявились представления о миропорядке, модели социального поведения, этические нормы, эстетические предпочтения, а также идея сохранения и передачи знания как такового. После заседания участники конференции побывали в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, где для них провела экскурсию Е.С. Шерстенникова, заведующая отделом приема и экскурсионного обслуживания посетителей МАЭ РАН.

В этот день двадцать пять молодых исследователей-ближневосточников представили в Зеленем зале Ново-Михайловского дворца свои доклады на следующих тематических панелях: «Исследования армий и военных традиций в Средние века»; «Исследования оружия Ближнего Востока».

В завершение программы первого дня конференции прошла лекция и мастер-класс А.М. Ивановой, старшего преподавателя Кафедры ближневосточных и африканских исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, «Секреты мастерства: боевые искусства Арабского Средневековья». Все участники конференции получили редкую возможность воочию увидеть мамлюкские приемы владения мечом и самим попробовать их выполнить.

Следующие два дня конференция проходила на одной из площадок НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург и была посвящена преимущественно современной военной проблематике.

22 ноября конференция началась с панельного доклада Г.В. Лукьянова, научного сотрудника Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, заместителя заведующего базовой кафедрой ИВ РАН в НИУ ВШЭ, заместителя декана Восточного факультета ГАУГН, на тему «Некоторые историографические и методологические аспекты изучения роли армии в современных обществах Ближнего Востока и Северной Африки». Григорий

Валерьевич в своем докладе сделал акцент на том, как менялись взгляды и подходы к изучению армий в советской и российской академической традиции, в каком направлении стоит работать молодым исследователям и как дальше продолжать и развивать традиции, заложенные учеными старшего поколения.

В этот день работа шла на четырех профильных панелях: «Исследования армий и военных конфликтов в Северной Африке»; «Армия и военные традиции: персидская и иранская перспективы»; «Исследования военных группировок на Ближнем Востоке»; «Образы войны и армии в искусстве и литературе Ближнего Востока».

Заключительный день конференции, 23 ноября, начался с панельного доклада Л.Р. Хлебниковой, к.и.н., доцента Кафедры иудаики ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, на тему «Израиль после 7 октября: армия и общество». Луиза Романовна представила сложный процесс изменения гражданско-военных отношений в Израиле после начала войны 7 октября 2023 г. и их особенности, раскрыла понятия «этос конфликта» и «этос» израильского общества – «нации в военной униформе».

В этот день были представлены доклады, темы которых в полной мере отразили интерес молодых исследователей к военным конфликтам и политической ситуации на Ближнем Востоке в наши дни, также затронув важные темы вооружения и структуры вооруженных сил стран региона. Доклады были распределены по трем панелям: «Роль армии во внутренней политике государств Ближнего Востока»; «Израильская армия и результаты её деятельности»; «Роль армии во внешней политике государств Ближнего Востока».

Участникам конференции было предложено на основе сделанных докладов написать научные статьи, в которых они могли бы развернуто и полно представить результаты проведенных ими

исследований, и мы рады познакомить читателей с получившимся сборником избранных статей.

Всероссийская научная конференция молодых ближневосточников ориентирована на молодых исследователей, только начинающих свой путь на научном поприще, поэтому нам было особенно важно создать площадку для обмена знаниями, идеями, подходами, получить важные комментарии и замечания модераторов и гостей конференции, высказаться и быть услышанными, найти компаньонов для будущих проектов. Кажется, что все это в полной мере удалось, о чем говорят многочисленные положительные отзывы. Искренне надеемся, что конференция получит свое продолжение и достойное развитие в будущем, вовлекая в свою орбиту новых исследователей и партнеров!

Д.В. Зайцева

БАБОВЕВ МУРАТ ХЫЙСАЕВИЧ

Черкесская гвардия на службе у Иорданского короля

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва; Институт бизнеса и делового администрирования, Факультет международных отношений; бакалавриат, 2 курс

Baboev0911@gmail.com

Аннотация. Черкесская гвардия в Иордании является уникальным примером сотрудничества этнического меньшинства и правящей династии. Черкесы, переселившиеся в Иорданию в XIX веке после Кавказской войны, со временем стали ключевым элементом Хашимитского государства. В Иордании они не только сохранили свою этнокультурную идентичность, но и интегрировались в высшие государственные структуры.

Целью данной статьи является анализ исторической и современной роли черкесской гвардии в Иорданском королевстве. В работе освещены вопросы переселения черкесов в Османскую империю, формирования черкесской гвардии в Иордании, а также её участия в защите королевской власти и подавлении оппозиционных движений. Актуальность исследования обусловлена важностью понимания механизмов взаимодействия этнических меньшинств с государственной властью и их интеграции в политические и социальные структуры Ближнего Востока. Понимание механизмов интеграции этнических групп в политическую систему позволяет глубже осмыслить процессы формирования стабильности в многонациональных государствах региона, особенно с учетом актуальности этого вопроса в период недавнего обострения напряженности на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Хашимитская династия, черкесская гвардия, Кавказская война, Иордания, Абдалла ибн Хусейн, бедуины.

Научный руководитель: Эпштейн В.А., к. соц. н., доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и международных отношений, ИБДА РАНХиГС.

Кавказская война, длившаяся с 1817 по 1864 годы, считается одним из наиболее значительных и сложных конфликтов в истории Российской империи. Этот период характеризуется кардинальными социальными, культурными и политическими трансформациями,

повлиявшими на весь регион Кавказа. В этих событиях активно участвовали черкесы, чья борьба за сохранение своей независимости и традиционного образа жизни стала значимой частью общего контекста войны кавказских народов.

Черкесы (адыги) – автохтонный народ, проживающий в основном на территории Северного Кавказа, разговаривающий на абхазо-адыгских языках. В период Кавказской войны черкесы и другие кавказские народы сопротивлялись российскому наступлению, часто осуществляя партизанские действия, используя тактику неожиданных нападений и засад. С боями российские войска продвигались в глубь территории Кавказа, постепенно подрывая автономию горских народов. Следствием присоединения Северного Кавказа к Российской империи стала вынужденная эмиграция в Османскую империю части местного населения. Это явление называют мухаджирством.

Летом 1861 г. Александру II пришло прошение от черкесских племен абадзехов, убыхов и шапсугов с просьбой принять их в российское подданство при условии сохранения за ними земель, но они получили отказ. И 10 мая 1862 г. был издан указ «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», в этот же день внутри Кавказского комитета была образована Комиссия по делу о переселении горцев в Турцию. Она должна была выдавать денежные пособия и договариваться с владельцами транспортных судов о перевозке переселенцев [Ганич, 2007, с. 27]. Именно этот год принято считать началом мухаджирства. Хотя некоторые считают, что переселение началось еще раньше под видом паломничества к святым мусульманским местам [Иванов, 2019, с. 172].

В ответ на действия Российской империи Стамбул выдвинул свои требования: начать переселение не ранее мая 1864 года, отправлять людей небольшими партиями, переселять ежегодно не более 5000 семей. На практике же, и Турция, и Россия не раз

нарушали достигнутые соглашения, как из-за объективных обстоятельств, так и из-за стремления сэкономить. Это привело к катастрофическим последствиям: ожидая скорого переселения и рассчитывая на своевременное прибытие российских или турецких судов, черкесы не подготовили достаточных запасов продовольствия для путешествия. Когда же большое количество людей собралось около черноморских портов России, начали распространяться тиф и оспа, следствием этого стала боязнь большинства российских на противоположный берег Черного моря. А переполненные турецкие корабли, где люди находились в тесноте, создавали идеальные условия для распространения болезней [Ганич, 2007, с. 27]. Богатые представители диаспоры могли сами арендовать суда. Однако многие не могли позволить себе оплатить проезд из-за недостатка средств. Чтобы не оставлять их на берегу, в Российской империи было принято решение выдавать таким семьям денежное пособие, которое они могли бы использовать для оплаты проезда судовладельцам [РГВИА, ф. 14257, д. 534, оп. 3, л. 1–2].

Точные данные о числе переселенцев отсутствуют, что затрудняет определение масштаба миграции. В России выдавались так называемые «проходные билеты» и заграничные паспорта: один билет на старейшину для всего аула и один паспорт на всю семью. Эта система учета, наряду с высокой смертностью среди переселенцев в пути, усложняет подсчеты.

Согласно исследованиям черкесских авторов второй половины XX века А. Х. Касумова и Х. А. Касумова, в период с 1858 по 1864 гг. на турецкий берег переселились около 398 тысяч адыгов [Касумов, 1997, с. 157]. Однако турецкий историк Кемаль Карпат указывает более широкий временной промежуток (1859–1879 гг.) и приводит другие цифры: от 700 тысяч до 1,5 миллионов человек [Karpat, 1985, p. 68]. Абхазский просветитель С. Басария полагает, что общее число черкесских эмигрантов достигло 2 миллионов человек [Басария, 1923, с. 105]. Российский этнограф

Л.Г. Лопатинский также приводит значительную цифру, отмечая, что общее количество переселившихся до и после 1864 г. составляет более 500 тысяч человек [Лопатинский, 1891, с. 5]. Российский историк и этнограф Д. Е. Еремеев предполагает, что общее число переселившихся в Турцию достигает 1,8 миллиона человек, указывая при этом на высокую смертность среди мигрантов из-за болезней, тяжелых условий и непривычного климата, в результате чего к 1875–1876 гг. их число сократилось до около 1 миллиона человек [Еремеев, 1971, с. 113]. Российский историк-арабист Р.Г. Ланда, в своей работе «Ислам в истории России», оценивает общее число переселившихся всех северокавказцев в пределах от 1 до 3 миллионов человек [Ланда, 1995, с. 149].

В конце 19 века Османская империя, изнурённая постоянными восстаниями на Балканах и стремящаяся укрепить свои границы, приняла черкесов с относительным радушием. Султан особо не возражал притоку черкесов, так как видел в них воинственных и лояльных мусульман, которые могли бы стать солдатами и пограничниками на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Однако османские власти оказались не готовы к такому большому числу адыгов, в связи с чем стамбульские власти неоднократно просили Петербург приостановить переселение на некоторое время [РГВИА, ф. 38, д. 448, оп. 7, л. 47–49]. Из-за болезней, с которыми прибывали на турецкое побережье, большинство переселенцев нуждались в медицинской помощи. Чтобы предотвратить распространение болезней, черкесов размещали в карантинных лагерях. Из-за большой спешки не были созданы какие-либо элементарные условия проживания, что влекло за собой довольно высокую смертность [Иванов, 2019, с. 173].

Одним из основных направлений переселения черкесов стали Балканы, где Османская империя сталкивалась с национально-освободительными движениями христианских народов. Черкесы, обладая боевым опытом, играли ключевую роль в подавлении

восстаний и защите османских интересов. Другим, не менее важным направлением, переселения черкесов стал Ближний Восток в особенности современные территории Израиля, Сирии и Иордании. Османские власти активно использовали черкесов для охраны торговых путей, включая путь из Дамаска на Аравийский полуостров [Петрунина, 2021, с. 137]. Черкесские всадники участвовали в подавлении восстаний, например, в городе Эль-Карак [Бибикова, 2020, с. 327], где в 1910 году помогли Османам восстановить порядок. Во время Первой мировой войны черкесы служили в составе турецких дивизий, защищая интересы Османской империи. После прихода младотурецкого правительства положение черкесов значительно ухудшилось. Так по некоторым данным в период правления Абдул Хамида II (1876-1909) черкесы занимали около 35% офицерского состава в армии, но к началу 1914 года они составляли лишь 2% офицерского корпуса [Кушнир, 2013, с. 315].

Самобытность адыгов сумела сохраниться, так как они жили довольно компактно и автономно на всей территории Турции. Власть в общинах принадлежала народному собранию – хасэ, какие-либо конфликты, возникавшие внутри общины, разбирались согласно адыгскому морально-правовому кодексу «Адыгэ хабзэ». С конца XIX века черкесы начали оказывать влияние на развитие региона, который позже стал территорией Иорданского королевства. После переселения черкесские иммигранты восстановили древний город Амман, который стал столицей Иордании. Земли, на которых они обосновались, традиционно использовались бедуинами в качестве зимних пастбищ, что сразу привело к конфликтам между черкесами и местными племенами. Первые годы проживания черкесов в Иордании сопровождалось столкновениями с бедуинами. Они требовали от черкесов уплаты хуввы – сбора за защиту от нападения других племён, однако черкесы отказались платить дань, что привело к конфликту [Ганич, 2007, с. 78]. Несмотря на знание местности, военную подготовку и мобильность бедуинов, черкесы смогли удержать свои позиции. В конце 1890-х годов, для стабилизации ситуации, черкесы

заключили союз с влиятельным бедуинским племенем Бани Сахр, возглавляемым шейхом Талалом аль-Файезом. Это племя нуждалось в союзниках в борьбе с другими племенами, и шейх помог черкесам выстоять в многочисленных конфликтах с соседями [Rogan, 2002, p. 76].

После распада Османской империи Иордания оказалась под британским протекторатом. На власть в новообразованном государстве претендовал Абдалла ибн Хусейн, сын короля Хиджаза из рода Хашимитов. Весной 1921 года британские власти предложили ему трон нового государства Трансиордании. Этот жест был выражением признательности за его участие в организации Арабского восстания против Османской империи. Однако его кандидатура не была встречена с энтузиазмом местными племенами бедуинов, которые относились к нему враждебно. В этот критический момент черкесы сыграли решающую роль в защите будущего правителя. Когда бедуинские кочевники нашли Абдаллу и захотели его убить, на его защиту пришли сорок черкесских всадников под руководством Мирза-паши Комука. Собрав своих воинов из ближайших адыгских селений, они окружили Абдаллу плотным кольцом и успешно доставили его в Амман. Этот поступок укрепил доверие между Хашимитами и черкесами, что повлияло на дальнейшее сотрудничество [Бибикова, 2020, с. 327–329]. В знак благодарности за спасение своей жизни Абдалла, став королем Иордании, создал специальный отряд королевской гвардии, состоящий исключительно из черкесов. Он также перенес свою резиденцию в Амман, который в то время был известен как «Черкесский аул» благодаря большому числу черкесских жителей. В то же время, черкесы играли важную роль и в соседней Сирии, которая в июле 1920 года оказалась под французским мандатом после того, как король Фейсал ибн Хусейн был низложен, а территория оккупирована французскими войсками. После этих событий два черкесских офицера – Осман-бей и Тауфик-бей, бывшие османские военные, предложили свои услуги новой французской администрации. Осман-бей и Тауфик-бей

сформировали небольшой отряд из пятидесяти черкесских всадников, который взяли на себя охрану дорог в окрестностях Алеппо. В условиях нестабильности и присутствия многочисленных банд бедуинов, они достаточно успешно справлялись с задачей обеспечения безопасности в регионе, охраняя важные транспортные пути от грабежей [Бадерхан, 2001, с. 75].

В 1923 году для защиты первого короля Иордании Абдаллаха ибн Хусейна была организована специальная охрана, состоящая из 40 черкесов. Черкесы не только занимали высокие посты в военной и государственной структуре возникшего государства, но и являлись ключевыми союзниками королевского режима в борьбе против оппозиционных движений. Когда в том же 1923 году бедуинские шейхи подняли мятеж, черкесы объявили мобилизацию и заняли оборонительные позиции вокруг резиденции эмира, эффективно защищая его от нападений. В конце 1940-х годов черкесы продолжили укреплять свои позиции в иорданской государственной структуре. Как пример, черкес по происхождению Саид аль-Муфтий несколько раз становился премьер-министром страны, а первым министром юстиций Иордании стал представитель черкесской диаспоры – Омар Хикмет [Бибикова, 2020, с. 32].

В 1956 году, когда Иордания столкнулась с внутренними оппозиционными настроениями в связи с начавшимся Суэцким кризисом, черкесы оставались одной из основных опор королевского режима. Саид аль-Муфти, лидер иорданских черкесов, был назначен на пост премьер-министра, что свидетельствует о доверии королевской семьи к черкесской общине. В ноябре 1968 года в Аммане прошли демонстрации палестинцев в связи с 51-й годовщиной декларации Бальфура. Протесты постепенно перерастали в серьёзную угрозу существованию Иорданского Хашимитского королевства. Палестинские группировки, возглавляемые Ясиром Арафатом, вошли в столкновение с иорданской армией, что привело к вооружённым конфликтам

и дальнейшему обострению ситуации в стране. Кульминацией противостояния палестинских боевиков и иорданских властей стали события «Черного сентября» 1970 года. Палестинские боевики контролировали крупные города на севере Иордании, и Амман оказался в зоне военных действий. На этом фоне король Хусейн бин Талал ввёл военное положение и назначил бригадного генерала Мухаммада Дауда главой военного правительства. И вновь черкесы сыграли ключевую роль в защите королевского режима, будучи вместе с бедуинами направлены на подавление восставших. В это время участились покушения на членов королевской семьи. В одном из нападений на кортеж короля палестинцы убили водителя короля и многих черкесских гвардейцев. Из 60 сопровождавших короля черкесов 40 погибли: они окружили короля и создали живой щит из своих тел, тем самым сумев вывести Хусейна в безопасное место. В ответ палестинские боевики атаковали черкесский квартал Шапсуг в Аммане, но черкесы смогли успешно отразить нападение [Мирзоев, 2021, с. 30].

Ближе 1980-м годам, когда в стране провели курс на арабизацию кадров, черкесская диаспора начала терять свои места в органах власти. Бедуины и палестинцы все чаще стали привлекаться к управлению государственными структурами, а черкесы потеряли часть своих ключевых позиций. В настоящее время, хотя количество представителей черкесской диаспоры в высших кругах власти и снизилось, они все равно остаются важной частью иорданской политики. Королевская гвардия Иордании состоит из двух пехотных подразделений, одного подразделения церемониальной гвардии и конного отряда. Сами бригады делятся на бронепехотные и батальоны поддержки. В данный момент численность черкесской гвардии составляет 14 человек, которые служат внутри королевского дворца. Молодые люди, которые хотят вступить в ряды гвардии, должны пройти восьмимесячную подготовку по самообороне, дворцовом церемониалу и основам королевской безопасности [McNeil, 2016].

Черкесская гвардия Иордании представляет собой уникальный пример интеграции этнического меньшинства в систему государственной власти. Особую значимость гвардия приобрела в периоды региональной нестабильности, включая арабо-израильские войны и кризис «Чёрного сентября». Её участие в обеспечении безопасности государства демонстрирует, как этнические меньшинства могут играть решающую роль в поддержании политической стабильности. Этот феномен важен не только для понимания истории Иордании, но и для более широкого анализа механизмов взаимодействия власти и меньшинств в многоэтнических государствах Ближнего Востока.

Таким образом, исследование показывает, что черкесская гвардия служит не только символом лояльности короне, но и фактором, способствующим устойчивости монархического режима Иордании. Это позволяет пересмотреть традиционные представления о роли этнических меньшинств в государственном управлении и раскрывает перспективы для дальнейшего изучения подобных примеров в других странах региона.

Список сокращений / Abbreviations

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
RGVIA – Russian State Military Historical Archive.

Список литературы / References

Бадерхан Ф. *Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века)*. М.: ИВ РАН, 2001 [Baderkhan F. *North Caucasian Diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the XIX – first half of the XX century)*. Moscow: IV RAN, 2001 (in Russian)].

Басария С.П. *Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении*. Сухум-Кале: Наркомпрос С.С.Р. Абхазии, 1923 [Basaria S.P. *Abkhazia in geographical, ethnographic and economic respect*. Sukhum-Kale: Narkompros S.S.R. of Abkhazia, 1923 (in Russian)].

Бибикова О.П. Проблема национальной идентичности в Иорданском Хашимитском королевстве. *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2020. № 3. С. 315–336 [Bibikova O. P. The problem of national identity in the Hashemite Kingdom of Jordan. *Economic, socio-political, ethno-confessional problems of Afro-Asian countries*. 2020. No 3. Pp. 315–336 (in Russian)].

Ганич А.А. *Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития*. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Издательский Дом Типография, 2007 [Ganich A.A. *Circassians in Jordan: peculiarities of historical and ethno-cultural development*. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University, Publishing House Typography, 2007 (in Russian)].

Еремеев Д.Е. *Этногенез турок: (Происхождение и основные этапы этн. истории)*. М.: АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.: Наука, 1971 [Eremeyev D.E. *Ethnogenesis of the Turks: (Origin and main stages of ethnical history)*. Moscow: The Institute of Anthropology and Ethnography, Nauka, 1971 (in Russian)].

Иванов Е.А., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Миграционное эхо сирийского конфликта в регионах юга России (На примере Карачаево-Черкесской Республики). М.: *Журнал политической философии, социологии и политики «Политика. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2019. №. 1 (92). С. 167–185 [Ivanov E. A., Isaev L. M., Korotaev A. V. Migration echo of the Syrian conflict in the regions of southern Russia (On the example of the Karachay-Cherkess Republic). Moscow: *Journal of Political Philosophy, Sociology and Politics "Politic. Analysis. Chronicle. Prognosis"*. 2019. No. 1 (92). Pp. 167–185 (in Russian)].

Касумов А.Х., Касумов Х.А. *Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке*. Нальчик: Логос, 1992 [Kasumov A.H., Kasumov H.A. *Genocide of the Adygs. From the history of the struggle of the Adygs for independence in the XIX century*. Nalchik: Logos, 1992 (in Russian)].

Кушнир М.В. Основные этапы эволюции адыгской (черкесской) диаспоры в регионе Ближнего Востока. Нижний Новгород: *Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского*. 2013. №. 1–1. С. 313-318 [Kushnir M. V. Main stages of the evolution of the Adyge (Circassian) diaspora in the Middle East region. Nizhny Novgorod: *Vestnik of*

The National Research State University of Nizhny Novgorod. 2013. No. 1–1. Pp. 313–318 (in Russian)].

Ланда Р.Г. *Ислам в истории России*. М. РАН, Ин-т востоковедения.: Изд. фирма «Восточная литература», 1995 [Landa R. G. *Islam in the History of Russia*. Moscow: RAS, Institute of Oriental Studies: Izdatelstvo Oriental Literature, 1995 (in Russian)].

Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. *Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XII. Тифлис, 1891. С. 1–10 [Lopatinsky L. G. Notes on the Adyge people in general and Kabardians in particular. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. Tiflis, 1891. Vol. XII. Pp. 1–10 (in Russian)].

Магомеддадаев А.М. *Эмиграция дагестанцев в Османскую империю*. Махачкала: 2001 [Magomeddadaev A. M. *Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire*. Makhachkala: 2001 (in Russian)].

Мирзоев А.С. Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов. *Электронный журнал «Кавказология»*. Нальчик, 2021. С. 26–66 [Mirzoev A. S. Institute of departure for service and military deviation as part of the military culture of Circassians. *Electronic Journal "Kavkazology"*. Nalchik, 2021. Pp. 26–66 (in Russian)].

Петрунина О. Е. «Русские Эмигранты в Сирии»: М. И. Самсонов о положении выходцев с Кавказа в начале XX в. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 89. С. 132–137 [Petrulina O.E. “Russian Emigrants in Syria”: M. I. Samsonov on the situation of natives of the Caucasus in 20th. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2021. No. 89. Pp. 132–137 (in Russian)].

Karpat K. *Ottoman Population, 1830–1914: Demographic and Social Characteristics*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.

McNeil Sam. “Jordan royals’ Circassian guards a symbol of thriving minority”, 2016 <https://www.timesofisrael.com/jordan-royals-circassian-guards-a-symbol-of-thriving-minority/amp/> (accessed: 03.02.2025).

Rogan E. L. *Frontiers of the State in the Late Ottoman Empire: Transjordan, 1850–1921*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

MURAT BABOEV

Circassian Guard in the service of the King of Jordan

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow*

Baboev0911@gmail.com

Abstract. The Circassian Guard is a unique example of cooperation between an ethnic minority and a ruling dynasty. The Circassians who migrated to Jordan in the nineteenth century after the Caucasian War eventually became a key element of the state. In Jordan, they not only retained their ethno-cultural identity but also integrated into the highest structures of the state.

The purpose of this article is to analyze the historical and contemporary role of the Circassian Guard in the Kingdom of Jordan. The work covers the resettlement of Circassians in the Ottoman Empire, the formation of the Circassian Guard in Jordan, as well as its participation in the defense of royal power and suppression of opposition movements.

The relevance of the study is due to the importance of understanding the mechanisms of interaction of ethnic minorities with the state power and their integration into the political and social structures of the Middle East. Understanding the mechanisms of integration of ethnic groups into the political system allows for a deeper understanding of the processes of stability formation in multi-ethnic states of the region, especially given the relevance of this issue during the recent escalation of tensions in the Middle East.

Keywords: Hashemite dynasty, Circassian Guard, Caucasian War, Jordan, Abdullah ibn Hussein, Bedouins.

БЕСЕДИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

**Парадигма Кербелы и её влияние на идеологию и культуру
Исламской Республики Иран в годы ирано-иракской войны
(1980–1988)**

Санкт-Петербург, независимый исследователь

ryokakoehler@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу, как парадигма Кербелы влияла на идеологию и официальную культуру Исламской Республики Иран в годы ирано-иракской войны (1980–1988). Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений высшего руководства Ирана: верховного руководителя Рухоллы Хомейни (1900/1902–1989), председателя маджлиса Хашеми Рафсанджани (1934–2017), а также депутата маджлиса и президента Али Хаменеи (р. 1939). В ходе исследования текстов удалось установить, что перечисленные политики, как правило, использовали язык парадигмы Кербелы для мобилизации населения Ирана и Ирака на войну с правительством Саддама Хусейна (1937–2006), при этом влияние парадигмы Кербелы на милитаристский дискурс Ирана нельзя назвать всеобъемлющим.

Ключевые слова: Иран, ирано-иракская война, парадигма Кербелы, политический ислам, шиизм.

I. Введение

В 1980 г. в книге «Иран: от религиозного спора до революции» М.М.Дж. Фишер впервые вводит в науку понятие парадигмы Кербелы [Алонцев, Смагин, 2022, с. 126]. Согласно определению автора, парадигма Кербелы – это одна из «риторических и символических парадигм, задействованных, чтобы запустить и ускорить революционный процесс, развивавшийся в течение четырнадцати месяцев с ноября 1977 г. по февраль 1979 г.». Как следует из названия этой парадигмы, она черпает свой язык из религиозного иранского театра-та'зийе и традиции чтения житий мучеников за веру – рауза-хани, в центре

которых находится сюжет о мученичестве имама Хусейна (626–680) [Fischer, 2003, p. xiv].

Главный риторический приём парадигмы Кербелы – это идентификация говорящего и его сторонников с союзниками имама Хусейна. В рамках дискурса, заданного парадигмой Кербелы, все исторические события интерпретируются через призму истории жизни и гибели имама Хусейна и членов его семьи. При этом согласно Х. Раму внутри этого дискурса борьба между войсками правоверных, выступающих на стороне прямых потомков пророка Мухаммада (570–632), и армией неверных, воюющей на стороне халифа Язида ибн Муавийи (646–683; халиф с 680 г.), мыслится как длящееся событие: иными словами, с точки зрения говорящего, она разворачивается здесь и сейчас [Aghaie, 2004, p. xi; Ram, 1996, p. 70].

Хотя труд М.М.Дж. Фишера был издан в 1980 г. и описывает в первую очередь генезис и эволюцию парадигмы Кербелы в период Исламской революции (1978–1979) и в предшествующие ей эпохи, новые поколения исследователей иранской культуры продолжили использовать этот концепт, чтобы описывать изменения в официальной и неофициальной культуре Ирана в последующие годы [Gölz, 2019; Szanto, 2021].

Задача данного исследования – выявить, как и в какой мере парадигма Кербелы влияла на официальную риторику, идеологию и культуру Исламской Республики Иран в годы ирано-иракской войны (1980–1988). Для того чтобы выполнить эту задачу, мы рассмотрели тексты выступлений трёх руководителей Исламской Республики Иран в указанный период: Рухоллы Хомейни (1900/1902–1989), Хашеми Рафсанджани (1934–2017) и Али Хаменеи (р. 1939) – которые хронологически совпадают с ключевыми датами этого конфликта, такими как начало войны (22 сентября 1980 г.), освобождение Хорремшахра (24 мая 1982 г.), вторжение иранских войск в Ирак (13 июля 1982 г.), окончание битвы за Басру (14 апреля 1987 г.) и принятие резолюции 598 Совета безопасности ООН (18 июля 1988 г.) – или же состоялись в течение

месяца после них¹. В ходе дискурсивного анализа этих текстов мы пришли к выводу, в какой мере и с какими целями перечисленные политики обращались к языку парадигмы Кербелы, освещая упомянутые события.

II. Начало войны

22 сентября 1980 г. вооружённые силы Ирака атаковали авиационные базы Исламской Республики Иран. Эта дата считается официальным началом одного из самых крупных военных конфликтов XX в. Высшее руководство Ирана отреагировало на нападение незамедлительно [Pelletiere, 1992, p. 35].

В тот же день, 22 сентября 1980 г. Али Хаменеи обратился к гражданам Ирана, чтобы оповестить их о начале войны с Ираком. Его короткое выступление преследовало три цели: оповестить иранцев о нападении иракских войск на Иран, дать гражданам Ирана инструкции, как вести себя в условиях военного времени, и убедить их, что государство и армия способны защитить их. В силу того, что, выступая перед иранцами, Хаменеи преследовал исключительно практические цели, в его сообщении почти отсутствуют лексические маркеры, характерные для языка парадигмы Кербелы; исключением можно посчитать лишь обращение «нация мусульман и революционеров» [Xāmenei, 1980].

В таком же нейтральном стиле выдержано интервью Хашеми Рафсанджани новостному агентству «Парс» от 23 сентября 1980 г.: «Армия повсюду приведена в состоянии боевой готовности, и в некоторых частях [страны] она прямо сейчас отражает атаки врага. Вооружённые силы Исламской революции наносят тяжёлый урон противнику, и вскоре все граждане обязательно смогут узнать о результатах атак нашей армии...» [IRNA, 1980].

Совершенно иначе выглядит обращение имама Хомейни к гражданам Ирана и Ирака от 22 сентября 1980 г. Во-первых, адресатом Хомейни выступало международное сообщество. Во-вторых, именно в этом обращении конфликт между двумя странами

впервые за историю освещения ирано-иракской войны интерпретируется с точки зрения парадигмы Кербелы, т. е. как универсальная битва между силами добра и зла, веры и безверия: «Армии Ирака стоит знать: эта война – война против ислама и за безбожие... Господь не простит тех, кто восстаёт против ислама и воюет за безбожие... Он [Саддам Хусейн] говорит, что мы огнепоклонники. Мы, те, кто распространяет [ценности] Корана в своём государстве, те, кто вместо старых законов устанавливает законы, основанные на мусульманском праве – он считает нас огнепоклонниками, а сам, выступая против ислама и воюя против мусульман, считает, будто он на одной стороне с Али ибн Абу Талибом и сподвижниками посланника Господа?.. Я призываю народ Ирака бросить все силы на борьбу с человеком, который восстал против ислама. Он поднял восстание против Ирана; его восстание – это восстание неверных против правоверных, восстание армии безбожии против армии ислама. Вы должны бросить все силы на борьбу с этим человеком» [Хомейни, 1980].

Как можно увидеть из приведённого фрагмента, Хомейни использует язык парадигмы Кербелы, чтобы достичь двух целей: во-первых, чтобы, убедив адресатов своего послания в моральной правоте Ирана в этом конфликте, склонить их симпатии на сторону Ирана, а во-вторых, чтобы мобилизовать их на борьбу с режимом Саддама Хусейна.

III. Освобождение Хорремшахра

Освобождение Хорремшахра 24 мая 1982 г. стало первой крупной победой иранских вооружённых сил за первые два года ирано-иракской войны. Именно после успеха операции «Бейт ал-мукаддас» военная инициатива в этом конфликте перешла в руки иранцев [Razoux, 2015, p. 215].

В послании по случаю освобождения Хорремшахра от 24 мая 1980 г. Хомейни продолжает описывать иранских военнослужащих как защитников ислама и мирового порядка: «Я благодарю детей

ислама и наши доблестные вооружённые силы... Им несомненно суждено стать спасителями человечества и вершителями божественной справедливости во всей вселенной – ибо, как гласит хадис, “моя душа – жертва за прах перед Ним”». Как и прежде, в соответствии с парадигмой Кербелы, аятолла Хомейни представляет иранских солдат как праведников, воюющих на одной стороне с пророком Мухаммадом, имамом Али и имамом Хусейном² [Хомейни, 1982(1); Хомейни, 1989/1990, pp. 87, 148].

25 мая 1982 г. Рафсанджани также выступил с речью о возвращении иранской армии Хорремшахра. Подчёркивая высокий статус защитников Хорремшахра, он отдельно говорит о феномене мученичества в исламе: «Всё, что у нас есть – [даровано нам] от Бога, от ислама, от веры, от тайной помощи. Даже мученическая смерть – это тайная помощь [Бога]...» [Rafsanjāni, 1982(1)].

Что же касается публичных обращений Хаменеи, то в единственном его выступлении за период с 24 мая по 24 июня 1982 г., а именно в пятничной проповеди от 4 июня 1982 г., посвящённой годовщине восстания пятого хордада, события ирано-иракской войны не занимают центрального места [Xāmenei, 1982].

IV. Вторжение иранских войск в Ирак

13 июля 1982 г. вооружённые силы Ирана пересекли границу страны с Ираком. Операция «Рамадан», в ходе которой Иран планировал захватить третий по величине город Ирака – Басру и которая продолжалась до 3 августа 1982 г., закончилась поражением иранцев. Несмотря на тяжёлые потери, им удалось захватить лишь небольшой участок территории Ирака [Pelletiere, 1992, p. 64].

В начале этой операции, 14 июля 1982 г. Хомейни вновь обратился к гражданам Ирака. Как и прежде, он использовал язык парадигмы Кербелы, чтобы призвать их поднять восстание против правительства Саддама Хусейна [Хомейни, 1982(2)].

В пятничной проповеди от 30 июля 1982 г. Рафсанджани, как и Хомейни, прибегает к языку парадигмы Кербелы, но с другой целью: сравнивая борьбу иранцев против режима Саддама Хусейна с борьбой имама Али против Муавии, он оправдывает вторжение иранских войск в Ирак: «Разногласия между Али ибн Абу Талибом и Муавиейе проистекли из того, что Али не хотел совершать поступки, противоречащие человечности... Мы тоже не хотим так воевать. У нашей войны есть цель: защита и, в конечном счёте, наказание тирана» [Rafsanjāni, 1982(2)].

Что же касается Хаменеи, то он, вероятно, или воздержался от выступлений в период с 13 июля по 13 августа 1982 г. – в исследуемом разделе сайта нет ссылок на тексты выступлений за этот временной промежуток – или же тексты его выступлений за этот период не сохранились.

V. Окончание битвы за Басру

Битва за Басру стала одной из самых кровопролитных кампаний ирано-иракской войны. Она продолжалась с 24–25 декабря 1986 г. по апрель 1987 г. Из-за внушительных человеческих жертв и провала осады Басры считается, что иранцы потерпели поражение в этой кампании. Она серьёзно подорвала военный потенциал иранцев [Razoux, 2015, pp. 389, 400].

В выступлениях Хомейни, Рафсанджани и Хаменеи за апрель 1987 г. нет прямых указаний на тяжёлые потери иранской армии в этот период. С точки зрения изучения парадигмы Кербелы, интерес представляют два сообщения: речь Хомейни перед представителями вооружённых сил от 14 апреля 1987 г., где Хомейни приравнивает Саддама Хусейна к грешникам в аду, и речь Рафсанджани от 28 апреля 1987 г., где он сравнил известного героя ирано-иракской войны, Мохаммада Хосейна Фахмиде (1967–1980), подорвавшего вражеский танк ценой своей жизни, с мучениками Кербелы [Homeyni, 1987; Rafsanjāni, 1987].

VI. Окончание войны

После ряда поражений 12–14 июля 1988 г. в Иракском Курдистане руководители Исламской Республики согласились, что война истощила ресурсы страны, и Иран больше не способен продолжать войну с Ираком. 18 июля Иран официально признал резолюцию 598 Совета Безопасности ООН о прекращении огня между двумя странами [Razoux, 2015, pp. 463–464].

20 июля 1988 г. Хомейни выступил со знаменитой речью, посвящённой годовщине гибели паломников в Мекке в 1987 г. и принятию резолюции 598. Как видно из его сообщения, поражение в войне не заставило высшее руководство Ирана отказаться от языка парадигмы Кербелы: «Да видит Бог, что если бы того не требовало сохранение ислама и мусульман, я бы никогда не пожертвовал ни нами [самими], ни нашей честью и достоинством. Вместо этого я бы предпочёл умереть как мученик... Господи! Оставь открытой эту книгу мученичества для тех, кто жаждет стать мучеником, и не лишай нас права [прикоснуться к ней]. Господи, наша страна и наша нация только вступили на путь борьбы, мы нуждаемся в факеле мученичества. Защити же и сохрани этот ярко сияющий светильник... Да будет благословенна наша нация! Благословенны вы, женщины и мужчины! Благословенны ветераны, военнопленные, пропавшие без вести и семьи мучеников! И горе мне: я не в их числе. Я пью отравленную чашу принятия этого решения [Совета Безопасности ООН]... Горе тем, кто не присоединился к этому каравану! Горе тем, кто не принял участия в этой великой войне, кто остался равнодушен перед лицом мученичества и кто не прошёл это божественное испытание – или же в ярости критиковал их!..» [Хомейни, 1988]. Рассуждая о вынужденном окончании войны с Ираком, Хомейни вновь обращается к языку и логике парадигмы Кербелы: признавая, что прекращение войны с Ираком – это зло, он истолковывает этот шаг как акт самопожертвования, необходимый для сохранения страны и истинного ислама, близкий к личному мученичеству. Тем самым ему удаётся сохранить целостность и непротиворечивость

государственной идеологии даже после признания резолюции 598 и отказа от тотальной войны с режимом Саддама Хусейна.

VII. Выводы

В ходе данного исследования нам удалось прийти к следующим выводам. Во-первых, как правило, руководители Исламской Республики Иран использовали риторические приёмы, характерные для языка парадигмы Кербелы, чтобы мобилизовать граждан Ирана и Ирака на борьбу с режимом Саддама Хусейна. Во-вторых, влияние парадигмы Кербелы на милитаристский дискурс Ирана в годы ирано-иракской войны нельзя назвать всеобъемлющим. Хотя элементы языка парадигмы Кербелы часто встречаются в выступлениях Хомейни, они, по-видимому, менее характерны для посланий, проповедей и заявлений Хаменеи и Рафсанджани. Кроме того, если трактовать парадигму Кербелы как набор образов и символов, связанных исключительно с сюжетом мученичества имама Хусейна, вынося за скобки детали биографии имама Али или пророка Мухаммада, область использования языка Кербелы окажется ещё более узкой, чем это описано в нашем исследовании. Наконец, в-третьих, на примере пятничной проповеди Рафсанджани от 30 июля 1982 г., а также на примере выступления Хомейни от 20 июля 1988 г., нам удалось продемонстрировать, что парадигма Кербелы является достаточно гибким инструментом для интерпретации реальности и позволяет говорящему толковать в свою пользу даже неоднозначные политические решения.

Примечания

1. Поиск текстов выступлений выполнен по базам данных, доступных на официальных сайтах политиков: <http://www.imam-khomeini.ir/>, <http://www.rafsanjani.ir/>, <http://khamenei.ir/>.
2. В более явном виде это сопоставление присутствует в речи Хомейни от 27 мая 1982 г., посвящённой празднику третьего числа месяца ша'бан (дню рождения имама Хусейна): «О, милые, вы – те, чьи молитвенные собрания, где вы читаете

зикр, ду‘а и мунаджат, светят в ночи обитателям небес, подобно ночи Ашуры, они сияют на фронте, как звёзды, а ваши дни, когда вы стойко сражаетесь с последователями Язида, подобны дню Ашуры...» [Xomeyni, 1990, pp. 153–154].

Список сокращений / Abbreviations

ООН – Организация Объединённых Наций [UN – United Nations].

Список литературы / References

Алонцев М., Смагин Н. «Каждый день – Ашура»? Трансформация нарратива мученичества в общественно-политическом дискурсе современного Ирана. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2022. № 40(1). С. 119–149 [Alontsev, M., Smagin, N. “Every Day Is Ashura?”: Transformation of Martyrdom Narrative in Iranian Socio-Political Discourse. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2022. No. 40(1). P. 119–149 (in Russian)].

Aghaie K.S. *The Martyrs of Karbala: Shi‘i Symbols and Rituals in Modern Iran*. Seattle: University of Washington Press, 2004.

Fischer M.M.J. *Iran: From Religious Dispute to Revolution*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2003.

Gölz O. Martyrdom and Masculinity in Warring Iran: The Karbala Paradigm, the Heroic, and the Personal Dimensions of War. *Behemoth: A Journal on Civilisation*. 2019. Vol. 12. Iss. No. 1. P. 35–51.

IRNA. Yekom-e mehr-e 1359. Goft-o-gu-ye xabargozāri-ye pārs bā āyatollah-e hāšemi rafsanjāni (23.09.1980). <https://www.irna.ir/news/84049643/>-گفت‌وگوی یکم‌مهر-۱۳۵۹ خبرگزاری پارس-با آیت‌الله‌هاشمی-رفسنجانی (accessed: 10.02.2025).

Pelletiere S.C. *The Iran-Iraq War: Chaos in a Vacuum*. New York: Praeger, 1992.

Rafsanjāni H. Notq piš az dastur-e riyāsat-e majles-e šurāvi-ye eslāmi-ye āyatollah-e hāšemi rafsanjāni (25.05.1982). <https://rafsanjani.ir/records/>-نطق‌پیش‌از‌دستور‌ریاست‌مجلس‌شورای‌اسلامی-آیت‌الله‌هاشمی-رفسنجانی-101 (accessed 13.02.2025).

Rafsanjāni H. Namāz-e jom‘e-ye tehrān be emāmat-e āyatollah-e hāšemi rafsanjāni (30.06.1982). <https://rafsanjani.ir/records/>-نماز‌جمعه‌تهران‌به‌امامت‌آیت‌الله‌هاشمی-رفسنجانی-37 (accessed: 12.02.2025).

Rafsanjāni H. Soxanrāni-ye āyatollah-e hāšemi rafsanjāni dar jam‘-e mas‘ulin-e setād-e poštibāni-va emdād-e āmuzeš-o parvareš, (28.04.1987). <https://rafsanjani.ir/records/>-سخنرانی‌آیت‌الله‌هاشمی‌رفسنجانی‌در‌جمع‌مسئولین‌ستاد‌پشتیبانی‌و‌امداد‌آموزش‌و‌پرورش (accessed: 12.02.2025).

Ram H. *Mythology of Rage: Representations of the “Self” and the “Other” in Revolutionary Iran. History and Memory*. 1996. Vol. 8. No. 1. P. 67–87.

Razoux P. *The Iran–Iraq War*. Cambridge Massachusetts, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015 [Razoux, P. *La Guerre Iran–Irak*, 1980–1988: Première guerre du Golfe. Paris: Perrin, 2013].

Szanto E. Gender and The Karbala Paradigm: on Studying Contemporary Shi‘i Women. *The Routledge Handbook of Islam and Gender*. Ed. Justin Howe. New York: Routledge, 2020. P. 180–192.

Xāmenei A. Payām-e rādyoyi be mellat-e irān dar pey-e tajāvoz-e režim-e ba‘s-e ‘erāq (22.09.1980). <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=43570> (accessed: 10.02.2025).

Xāmenei A. Bayānat dar xotbe-hā-ye namāz-jom‘e-ye tehrān (04.06.1982) <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=1518> (accessed: 10.02.2025).

Xomeyni R. Noxostin vākoneš-e emām-e xomeyni (s) be āğāz-e jang-e tahmili (22.09.1980) <http://www.imam-khomeini.ir/fa/n23072> سرویس های اطلاع رسانی/تاریخ/روزنگار_آغاز_جنگ_تحمیلی_و_پیام_راد (accessed: 10.02.2025).

Xomeyni R. Payām-e emām be monāsebat-e āzādi-ye xorramšahr (24.05.1982) http://www.imam-khomeini.ir/fa/c17_22403 وقایع نگار/فتح_خرمشهر/پیام_امام_به_مناسبت_آزادی_خرمشهر (accessed: 10.02.2025).

Xomeyni R. Da‘vat az mardom-e ‘erāq be qiyām-e ‘aleyh-e režim-e ba‘s (14.06.1982) http://www.imam-khomeini.ir/fa/C207_43791/ علیه رژیم بعث دعوت از مردم عراق به قیام (accessed: 12.02.2025).

Xomeyni R. Payām be mellat-e irān-o mosalmanān-e jahān dar ruz-e quds (jenāyat-e esrā‘il dar lobnān), (16.06.1982) http://www.imam-khomeini.ir/fa/C207_43793/ جنایتهای رژیم اشغالگر قدس در لبنان - سستی و فتور سران دو / قدا (accessed: 12.02.2025).

Xomeyni R. Soxanrāni dar jam‘-e goruhi az mas‘ulin-e nezām (qadāsāt-e mäh-hā-ye ša‘bān-o ramazān), (14.04.1987) http://www.imam-khomeini.ir/fa/c207_51382/ سخنرانی در جمع گروهی از مسئولین نظام / قدا (accessed: 12.02.2025).

Xomeyni R. Sālgard-e koštār-e xunin-e makkah va qabul-e qat‘nāme-ye 598 (20.06.1988) http://www.imam-khomeini.ir/fa/c207_51382/

salگرد_کشتار_خونین_مکه_و_قبول_قطعننامه_598_44577/_C207/fa/khomeini.ir (accessed: 13.02.2025).

Xomeyni R. Dafā'-e moqaddas (jang-e tahmili) dar andiše-ye emām-e xomeyni (s). Tehrān: Mo'assese-ye tanzim-o našr-e āsār-e emām-e xomeyni (rh), 1989/1990.

ALEKSANDRA BESEDINA

**The Karbala Paradigm and its' Impact
on the Ideology and Culture of the Islamic Republic of Iran
during the Iran-Iraq War (1980–1988)**

Saint-Petersburg, Independent Researcher

ryokakoehler@gmail.com

Abstract. This article examines how the Karbala paradigm influenced the ideology and official culture of the Islamic Republic of Iran during the Iran–Iraq War (1980–1988). The study is based on the public speeches by Iran's top leaders: Supreme Leader Ruhollah Khomeini (1900/1902–1989), the chairman of the Majlis Hashemi Rafsanjani (1934–2017), and the Majlis member and President Ali Khamenei (b. 1939). The study that the above-mentioned politicians typically used the language of the Karbala paradigm to mobilize the population of Iran and Iraq to wage war against the government of Saddam Hussein (1937–2006), although the influence of the Karbala paradigm on Iran's militaristic discourse cannot be called comprehensive.

Keywords: Iran, Iran–Iraq War, the Karbala Paradigm, political Islam, Shi'i Islam.

Долинин Данила Степанович

**Роль вооруженных сил Египта
в экономической сфере (1970–2024 гг.)**

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва,
бакалавриат, 4 курс*

dolininds@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-1541-7610

Аннотация. Вторая половина XX в. характеризуется становлением в целом ряде ближневосточных государств военных режимов, в том числе и в Египте, где армия традиционно играла значимую роль во внутривнутриполитических процессах. События Июльской революции 1952 г. лишь укрепили положение военных в обществе. Выходцы из армейской среды заняли важные позиции, в том числе и в экономике страны. В контексте рассмотрения роли военных в экономической сфере АРЕ особое внимание уделяется периодам правления трех египетских президентов – Анвара Садата (1970–1981 гг.), Хосни Мубарака (1981–2011 гг.), Абдель Фаттаха ас-Сиси (2013–н.в.). Годы правления названных президентов отличаются заметными изменениями в экономической стратегии государства, что, в свою очередь, непосредственно отразилось на положении военных. Целью представленной работы является выявление причин и особенностей трансформации роли представителей египетских вооруженных сил в экономической сфере. В качестве основного метода исследования был выбран историко-хронологический, позволяющий выстраивать историческую канву изучаемой проблемы в объективной последовательности и выявлять логическую связь фактов, событий и процессов на основе проведенного анализа источников и литературы.

Ключевые слова: египетская армия, экономика, инфраструктура, льготы, законодательство, конкуренция, приватизация.

Научный руководитель: Савичева Е.М., к. и. н., доцент кафедры востоковедения и африканистики, РУДН.

Институт армии в Египте играет крайне важную роль в общественно-политической жизни страны. Помимо выполнения своей основной функции – защиты отечества от внутренних и внешних угроз, вооруженные силы также оказывают

значительное влияние на все сферы жизни египетского общества. Подобное положение дел стало возможным после событий Июльской революции 1952 г., когда тайная организация «Свободные офицеры», возглавляемая Гамалем Абделем Насером, совершила военный переворот и свергла поддерживаемую британцами египетскую монархию. Говоря непосредственно об экономической сфере, важно отметить, что за 70 с лишним лет военным удалось создать весьма обширную «бизнес-империю», управление которой осуществляется при помощи целого ряда агентств и организаций, владеющих сотнями предприятий и компаний по всей стране. Наиболее активные из них изображены на рис. 1.



Рис. 1. Схема экономически активных ведомств, организаций, агентств, управляемых выходцами из вооруженных сил.

Однако для понимания того, как египетским военным удалось добиться такого успеха, необходимо детально рассмотреть процесс эволюции «военной экономики» Египта и те факторы, которые коренным образом повлияли на ее становление.

В контексте рассмотрения процесса трансформации роли военных в экономической жизни Египта отдельного упоминания достоин период правления Насера (1954–1970 гг.), так как именно

в эти годы были заложены основы, которые впоследствии позволят армии занять столь значимое положение в экономике страны. При реализации своей политики, нацеленной на укрепление суверенитета молодой республики, Насер большой упор делал на поддержку вооруженных сил – главной опоры государства и новых властей.

В этой связи хотелось бы выделить ряд важных моментов, которыми характеризовался данный период в истории Египта:

- Активное участие военных в процессе национализации иностранных и местных предприятий и компаний с последующим назначением выходцев из вооруженных сил на руководящие посты;
- Создание Министерства военного производства в 1954 г., ответственного за управление и эксплуатацию военных заводов в Египте;
- Предоставление ведомствам, организациям и агентствам, связанным с Министерством обороны, льгот для ведения экономической деятельности.

Положение военных заметно изменилось в период правления Анвара Садата (1970–1981 гг.). В рамках провозглашенной им в 1974 г. политики «открытых дверей» («инфитах») происходили: приватизация государственных предприятий, либерализация банковской системы, создание свободных экономических зон и т. д. Целью данной политики было привлечение иностранного капитала в Египет, прежде всего из стран Запада и Персидского залива, для оживления частного сектора и ослабления государственного контроля над экономикой [Hamed, 1981, p. 3]. Согласно данным World Bank в период с 1975 по 1979 гг. объем прямых иностранных инвестиций вырос с 8 млн долл. США до 1,2 млрд долл. США¹. Наибольшей популярностью у инвесторов пользовались следующие сферы: туризм, строительство (инфраструктурные проекты), недвижимость, а также нефтегазовая отрасль [Hamed, 1981, p. 4].

Номер закона/указа	Дата	Описание
Постановление Премьер-министра № 263	1956	Исключение активов Министерства обороны, имеющих секретный характер, из сферы контроля Бухгалтерии и Министерства финансов и экономики.
Закон №204	1957	Освобождение военных ведомств от необходимости платить налоги, таможенные пошлины, сборы, связанные с контрактами на поставку вооружений.
Закон №147	1964	Внесение поправок к закону №204. Распространение льгот на контракты на выполнение работ и оказание услуг для оборонно-промышленного комплекса Египта, а также импорт и поставки на внутренние рынки необходимого оборудования и техники, связанной с этими контрактами.

Рис 2. Законодательная база в отношении экономической деятельности вооруженных сил в период правления Гамаль Абдель Насера (1954–1970 гг.)².

Для выходцев из армейской среды, которые в период Насера смогли заметно обогатиться благодаря назначению на руководящие посты на национализированных предприятиях и льготам, данная политика представляла существенную угрозу и заметно ослабляла их позиции в экономической сфере [Springborg, 1987, p. 5], в то время как позиции новой «инфитаховской буржуазии» заметно укрепились.

Однако несмотря на все негативные моменты новой политики, важно упомянуть о том, что в годы правления Садата был основан ряд структур, которые в будущем сыграют важнейшую роль в процессе становления «бизнес-империи» военных.

Так, в 1975 г. была основана Арабская организация индустриализации (АОИ), представлявшая собой проект Египта, КСА, ОАЭ и Катара, в котором значимую роль играли представители вооруженных сил первого. Целью создания АОИ было совместное развитие арабской оборонной промышленности для противостояния израильской угрозе. Однако в 1979 г. на фоне подписания Египтом Кэмп-Дэвидских соглашений, положивших конец конфронтации с Израилем, государствами Персидского залива было принято решения о выходе из проекта. Таким образом, в 1979 г. полный контроль над АОИ был передан египетскому правительству [Бочаров, 2022, с. 39].

Номер закона/указа	Дата	Описание
Президентский указ №12	1975	Ратификация соглашения о создании Арабской организации индустриализации (АОИ).
Президентский указ №150	1976	Освобождение АОИ от налогов, таможенные пошлин, сборов, а также предоставление ей возможности открывать счета в местных или иностранных банках.
Президентский указ №32	1979	Создание Национальной организации сервисных проектов (НОСП).

Рис. 3. Законодательная база в отношении экономической деятельности вооруженных сил в период правления Анвара Садата (1970–1981 гг.).

Отдельного упоминания достойна Национальная организация сервисных проектов (НОСП), созданная в 1979 г. с целью достижения самообеспеченности вооруженных сил. Для этого НОСП была наделена правом создавать собственные компании и предприятия, открывать банковские счета, сотрудничать с местными и иностранными компаниями. Часть товаров, производившихся на предприятиях НОСП, шла на нужды армии, в то время как остальная часть отправлялась на египетские рынки, что позволяло армии получать дополнительные средства в свой бюджет. По изначальному замыслу создание данной организации должно было способствовать снижению государственных расходов на армию и стать фундаментом для экономического развития Египта [Abul-Magd, 2017, p. 93–94]. Впоследствии организация станет ключевым элементом в структуре «бизнес-империи» военных.

Экономика Египта образца 1980-х гг. характеризовалась своей неопределенностью. С одной стороны, все еще проводилась политика «открытых дверей», направленная на либерализацию экономических отношений. С другой, присутствовали элементы, характерные для стран социалистической ориентации. Наиболее предприимчивые представители египетского общества пытались воспользоваться этой неопределенностью и получить выгоду из сложившегося положения, среди них было и командование вооруженных сил. Важную роль в этом процессе играл Абд аль-Халим Абу Газала, назначенный в 1981 г. на пост министра

обороны. Новый глава оборонного ведомства старался укрепить позиции армии в экономической сфере, в том числе при помощи упомянутых выше структур.

Одной из первых сфер, куда устремились военные, стало производство продуктов питания. С этой целью была организована рекультивация земель вблизи таких крупных городов как Каир, Александрия, Файюм и т. д. Для курирования всех проектов НОСП в этой сфере было создано подразделение продовольственной безопасности (ППБ), превратившееся к середине 1980-х гг. в крупнейшую агропромышленную организацию страны. Одним из наиболее приоритетных направлений данной организации было выращивание пшеницы для производства хлеба. Однако деятельность ППБ не ограничивалась пшеницей, строились автоматизированные пекарни и точки продажи хлеба по всей стране, птицефабрики, скотобойни, молочные заводы, цехи по производству яиц, комбикормовые заводы, рыбные фермы и т. д. [Springborg, 1989, p. 112–113].

Также военные проявляли большой интерес к сфере бытовых товаров. В 1983 г. НОСП открыла ряд предприятий, специализировавшихся на производстве одежды, обуви, изделий из дерева и металла, а также изготовлении мебели. Для реализации этой продукции строились торговые центры, обслуживанием которых также занималась НОСП. В данных торговых центрах продавалась как отечественная, так и иностранная продукция, в том числе бытовая техника, электроника, автозапчасти и т. д. [Springborg, 1989, p. 105].

Стоит также упомянуть об инженерном управлении вооруженных сил (ИУВС), ставшем в годы правления президента Хосни Мубарака (1981–2011 гг.) главным подрядчиком в области строительства. Данное подразделение вооруженных сил занималось строительством всей инфраструктуры Египта, начиная с дорог и заканчивая аэропортами. ИУВС строило школы для министерства образования, опреснительные установки для министерства

водоснабжения, дома культуры для министерства культуры, силами подразделения была обновлена телефонная инфраструктура для министерства связи [Abul-Magd, 2017, p. 95]. Таким образом, к концу 1980-х гг. инженерное управление вооруженных сил превратилось в фактического монополиста в области строительства в Египте.

Под эгидой департамента медицинского обслуживания вооруженных сил строились новые медицинские центры, больницы и поликлиники, посетить которые могли и простые граждане Египта. Однако в отличие от военных, для рядового гражданина многие услуги предоставлялись на платной основе [Abul-Magd, 2017, p. 99].

Активной экономической экспансии военных способствовало наличие огромных людских ресурсов в лице солдат-срочников. Часть призывников, не пригодная к несению воинской службы, была задействована в гражданских проектах. Помимо этого, армия активно инвестировала в образование, открывая профессионально-технические училища (ПТУ), колледжи и академии по всей стране, тем самым, подготавливая кадры, которые в будущем могли быть задействованы не только в вооруженных силах, но и при реализации государственных и гражданских проектов [Springborg, 1987, p. 8].

За годы своей службы на посту министра обороны Абу Газала приобрел колоссальное политическое влияние, что сделало его способным конкурировать с Мубараком. Однако, несмотря на данное обстоятельство, в 1989 г. Абу Газала был уволен с поста министра обороны из-за череды скандалов, затрагивавших не только его работу в министерстве, но и личную жизнь. Временной заменой стал Абу Талиб, которого уже в 1991 г. сменил Мухаммед Хусейн Тантави, занимавший этот пост вплоть до событий «арабской весны».

В отличие от Абу Газалы Тантави абстрагировался от политики и предпочел сконцентрировать свои усилия на укреплении позиций в различных отраслях экономики. 1990-е гг. в Египте характеризовались масштабным переводом военных производств на гражданские рельсы ввиду потери крупных рынков сбыта: Ирака, Афганистана и стран Персидского залива. Поначалу этот процесс характеризовался неорганизованностью. Однако за счет поддержки со стороны государства военные смогли пережить этот сложный переходный период и к концу 1990-х гг. даже преумножить свое «состояние». Этому также активно способствовала политика либерализации экономики, начатая Мубароком в 1990-х гг. В рамках проводимой политики также была запущена программа приватизации государственных предприятий. Присутствие ряда генералов и самого министра обороны в Высшем комитете по приватизации позволило военным присвоить огромное количество производств в жизненно важных для Египта сферах: машиностроении, металлургии, кораблестроении, производстве стройматериалов и т. д. [Abul-Magd, 2020, p. 11–12].

Процессу укрепления позиций военных в экономической сфере активно способствовало законодательство. В период правления Мубарака была принят целый ряд законов, упростивших деятельность военных предприятий и организаций.

Поддерживая военных в этих начинаниях, Мубарак укреплял свою власть и усиливал контроль над обществом, так как политика, проводимая президентом в этот период, характеризовалась ростом социального неравенства, что в перспективе могло привести к общественным беспорядкам и кризису в стране. В этой связи интеграция военных в гражданские сферы деятельности становилась просто необходимостью, без которой Египет давно бы впал в анархию.

Номер закона/указа	Дата	Описание
Президентский указ №224	1982	Создание Организации земельных проектов Вооруженных сил, в обязанности которой входило управление, продажа и освоение земли, принадлежавшей вооруженным силам Египта.
Закон №186	1986	Расширение таможенных льгот для военных ведомств, которые включают в себя все импортируемое ими оборудование, транспортные средства, медикаменты и другие предметы невоенного назначения, в дополнение к оружию.
Закон №7	1991	Предоставление президенту полномочий по определению пустынных районов как стратегических и имеющих военное значение.
Закон №11	1991	Освобождение Министерства обороны и всех подведомственных агентств и организаций от налога с продаж.
Закон №89	1998	Расширение полномочий по заключению контрактов до определенной стоимости на неконкурсной и неконкурентной основе с Министерством обороны и Министерством военного производства.
Президентский указ №152	2001	Предоставление Министерству обороны права блокировать продажу земли, задействовать ее в военных целях, предоставлять ее для коммерческого использования и устанавливать критерии для любого гражданского строительства на или под землей, дорогах и побережье вблизи военных зон.
Президентский указ №153	2001	Требование согласования использования всех государственных земель с Министерством обороны.
Закон №91	2005	Повторное освобождение военных ведомств от таможенных пошлин.
Закон №196	2008	Освобождение всех объектов ВС Египта, предоставляющих коммерческие услуги (отели, клубы, больницы, кинотеатры, супермаркеты) от налога на недвижимость.

Рис. 4. Законодательная база в отношении экономической деятельности вооруженных сил в период правления Хосни Мубарака (1981–2011 гг.).

Однако, как показали события «арабской весны», и этих усилий было недостаточно. Армия не оказала значимой поддержки режиму Мубарака, и вскоре тот был вынужден покинуть свой пост, передав руководство страной Высшему совету Вооруженных сил (ВСВС) [Чайко, 2013].

Новым президентом стал Абдель Фаттах ас-Сиси – председатель ВСВС. Как и его предшественники, ас-Сиси опирался на военных, в том числе и в экономической сфере.

Важно также отметить и тот факт, что в 2010-е годы экспансия военных в экономической сфере возобновилась с новой силой и характеризовалась проникновением в новые секторы экономики:

– 2015 г. – НОСП объявила о создании Национальной компании по рыболовству и аквакультуре, специализировавшейся на разведении, выращивании и вылове рыбы;

– 2015 г. – была основана Национальная компания по производству аккумуляторных батарей;

– 2016 г. – были созданы Национальная компания по производству мрамора и гранита и Египетская компания по производству черного песка;

– 2018 г. – была основана Национальная цементная компании в Бени-Суэфе;

– 2019 г. – создание Национальной компании телекоммуникационных услуг [Sayigh, 2019, p. 261–273].

Однако наиважнейшую роль военные играют в строительной отрасли, большинство инфраструктурных проектов курируются или осуществляются лично военными, либо подконтрольными им структурами. Среди наиболее значимых проектов нового президента, к реализации которых были привлечены военные компании и предприятия, можно назвать расширение Суэцкого канала, строительство новой административной столицы Египта, возведение ряда новых технологичных городов в пустыне и т. д. [Sayigh, 2019, p. 11].

Номер закона/указа	Дата	Описание
Президентский указ №82	2013	Введение верхних пороговых значений при заключении контрактов, в частности, с гражданскими государственными учреждениями. Министерство обороны, Министерство военного производства и их филиалы являлись исключением.
Президентский указ №48	2014	Освобождение Арабской организации индустриализации от действия верхних пороговых значений при заключении контрактов.
Президентский указ №136	2014	Перевод жизненно важных объектов инфраструктуры (электростанции, нефтяные и газовые месторождения, железные дороги, дорожные сети и мосты) и неуказанные общественные объекты под юрисдикцию военных сроком на 2 года.
Закон №5	2015	Освобождение военных ведомств от соблюдения требования отдавать предпочтение египетским промышленным товарам в контрактах на государственные закупки.
Указ премьер-министра №1657	2015	Требование согласования добычи природных ресурсов в любой точке Египта с Министерством обороны, а также наделение последнего правом взимать плату со всей продукции на производственных площадках.
Указ министра обороны и военного производства №68	2015	Освобождение объектов, предлагающих коммерческие услуги (отели, клубы, курорты и дома отдыха, парки, спортивные сооружения, кинотеатры и сцены, супермаркеты), принадлежащие подразделениям и департаментам Вооруженных сил Египта и Министерства обороны, от уплаты налогов, а также инвентаризации и оценки стоимости.
Указ министра финансов №66	2017	Освобождение военных ведомств от уплаты налога на добавленную стоимость.

Рис. 5. Законодательная база в отношении экономической деятельности вооруженных сил в период правления Абдель Фаттаха Ас-Сиси (2014 – н.в.).

Отдельного упоминания достоин тот факт, что с приходом ас-Сиси к власти в 2013 г. вновь активизировался процесс законотворчества. Новые законы оказали значительное влияние на экономическую экспансию военных в период с 2013 по 2020 гг.

Такое положение дел не могло не сказаться на экономике Египта. В 2023 г. в стране разразился финансовый кризис, одним из факторов возникновения которого стало растущее влияние военных в экономической сфере страны. Прежде всего стоит упомянуть о льготах для военных предприятий и компаний, которые лишают руководство Египта дополнительных налоговых поступлений в бюджет страны. Имея представление о масштабах

«бизнес-империи» военных логично предположить, что речь идет о весьма больших суммах, которые могли бы заметно изменить ситуацию в экономике страны. Важно подчеркнуть, что существование налоговых льгот создает условия для возникновения недобросовестной конкуренции в современном Египте [Ибрагимов, 2023]. Данное обстоятельство не только снижает эффективность частного сектора, не способного конкурировать с военными на равных, но и делает страну менее привлекательной с точки зрения инвестиций.

Предвидя ухудшение экономического положения, руководством страны в октябре-декабре 2022 г. были приняты меры, направленные на стабилизацию ситуации. Речь идет о соглашении между Египтом и МВФ, которое предусматривало выделение первому кредита в размере 3 млрд долл. США (впоследствии в марте 2024 г. эта сумма будет увеличена до 8 млрд долл. США). Одним из условий сделки стал пункт о проведении широкомасштабных структурных реформ, направленных на сокращение влияния государства в экономике, создание равных условий для всех экономических агентов, содействие росту частного сектора и повышению прозрачности в государственном секторе [Abdallah, Jirankova, 2024, p. 17]. Как не сложно догадаться, данный пункт напрямую касался военных и будущего их «бизнес-империи». Однако отмена льгот с большой долей вероятности значила бы потерю лояльности вооруженных сил, что в условиях кризиса и растущего социального недовольства могло привести к повторению событий 2011 г. Но и игнорировать условия МВФ руководство страны не могло. В этой связи в 2023 г. был принят закон № 159 «Об отмене налоговых льгот, установленных для государственных органов, осуществляющих инвестиционную и хозяйственную деятельность»³, а уже в 2024 г. в качестве дополнения к закону № 159 был издан закон № 242. Данные акты предусматривали ликвидацию преференциального режима для всех государственных органов, осуществляющих экономическую деятельность. Сделано это было с целью обеспечения равенства

и продвижения честной конкуренции. Однако наибольший интерес представляют исключения, перечисленные во второй статье закона № 242. Речь шла о сохранении льгот, предоставленных для выполнения военных работ и задач, связанных с обороной государства и защитой национальной безопасности, а также предоставлением основных коммунальных услуг⁴. Столь расплывчатые формулировки, не содержащие в себе никакой конкретики касательно того, что именно относится к задачам, связанным с защитой национальной безопасности, оставляют определенный простор для интерпретации данных положений, тем самым предоставляя различным структурам возможность использовать данные исключения в своих интересах.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что на современном этапе египетские вооруженные силы и выходцы из армейской среды в целом играют крайне важную роль в экономике страны. Военные через разные структуры и организации представлены во множестве отраслей экономики, начиная с сельскохозяйственного сектора, заканчивая индустрией развлечений и туризмом. Однако достичь таких высот «бизнес-империя» военных смогла лишь пройдя длительный процесс эволюции, сопровождавшийся различными трудностями. Возвышению вооруженных сил также способствовала их особая роль в общественно-политической жизни Египта. Каждый из египетских режимов существовал в условиях полной зависимости от военных, что создавало необходимость поддерживать их лояльность, в том числе путем предоставления им различных льгот, которые также можно отнести к факторам укрепления «военной экономики». Различные налоговые, таможенные и прочие послабления, принятые в промежуток с 1956 по 2024 гг., позитивно сказались на экономической экспансии военных, позволив им создать весьма обширную и разветвленную систему, во владении которой находятся сотни предприятий и компаний. Поэтому сложно представить, что в будущем положение армии в экономической сфере существенно изменится. Любая попытка ограничить влияние военных станет актом

политического самоубийства для руководства страны. До тех пор, пока сохраняется зависимость руководства страны от вооруженных сил, позициям последних ничего не угрожает.

Примечания

1. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). The World Bank: Data.
2. На рис. 2, 3, 4, 5 представлена часть законодательных актов, изданных в период с 1956 по н. в. Для более детального изучения нормативно-правовой базы в отношении экономической деятельности вооруженных сил рекомендуется ознакомиться с работой Sayigh Y. *Owners of the Republic: An Anatomy of Egypt's Military Economy*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. 360 p.
3. [Il-ghā' i'afā'āt ad-ḍarā'ib wa al-rusūm al-muqarrara li-jihāt ad-dawla fī al-anshiṭa al-istithmāriyya wa al-iqtisādiyya...].
4. [Al-lā'iḥa at-tanfīdhyya li-qānūn il-ghā' i'afā'āt ad-ḍarā'ib wa al-rusūm al-muqarrara li-jihāt ad-dawla fī al-anshiṭa... al-istithmāriyya wa al-iqtisādiyya...].

Список литературы / References

- Бочаров И.А. Роль армии в экономической системе Египта. *Восток в лабиринте социально-экономических проблем: коллективная монография*. Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Центр араб. и ислам. исслед.; [отв. ред. А.О. Филоник; сост. Л.Н. Руденко, З.А. Соловьева]. М.: ИВ РАН. 2022 [Bocharov I.A. The Role of the Army in Egypt's Economic System. *The Arab East in the Labyrinth of Socio-Economic Problems: A Collective Monograph*. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Center for Arab and Islamic Studies; [Ed. A.O. Filonik; Comp. L.N. Rudenko, Z.A. Solovyova]. Moscow: IOS RAS, 2022 (in Russian)].
- Ибрагимов И.Э. *Египет сползает в кризис*. Российский совет по международным делам. 2023 [Ibragimov I.E. *Egypt is Sliding into Crisis*. Russian International Affairs Council. 2023 (in Russian)].
- Чайко И.А. Роль вооруженных сил в политической системе Египта. *Вестник МГИМО*. 2013. № 3 (30). С. 50-56 [Chayko I. A. The Role of the Armed Forces in the Political System of Egypt. *Vestnik MGIMO*. 2013. No. 3 (30). P. 50-56 (in Russian)].

Abdallah K.I., Jirankova M. State capitalism and the role of the armed forces in Egypt: In the historical context, the current government and 2016-2023 IMF reforms. *World Economy and Policy*. 2024, no. 1.

Abul-Magd Z. *Militarizing the Nation: The Army, Business, and Revolution in Egypt*. Columbia University Press, 2017.

Abul-Magd Z., Akça I., Marshall Sh. *Two Paths to Dominance: Military Businesses in Turkey and Egypt*. The Malcolm H. Kerr Carnegie Middle East Center. 2020.

Al-lā'iḥa at-tanfīdhyya li-qānūn il-ghā' i'afā'āt ad-darā'ib wa al-rusūm al-muqarrara li-jihāt ad-dawla fī al-anshiṭa al-istithmāriyya wa al-iqtisādiyya [The Executive Regulation of the Law on the Elimination of Tax Exemptions and Fees for State Entities in Investment and Economic Activities (in Arabic)] <https://manshurat.org/content/llyh-ltnfydhy-lqnwn-lg-ft-ldryb-wlrswm-lmqrr-ljht-ldwl-fy-lnsht-lstthmry-wlqtsdy> (accessed: 04.11.2024).

Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). The World Bank: Data. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?view=map&year=1975> (accessed: 05.11.2024).

Hamed O. Egypt's Open Door Economic Policy: An Attempt at Economic Integration in the Middle East. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 13. No. 1. 1981. Pp. 1–9.

Il-ghā' i'afā'āt ad-darā'ib wa al-rusūm al-muqarrara li-jihāt ad-dawla fī al-anshiṭa al-istithmāriyya wa al-iqtisādiyya [Elimination of Tax Exemptions and Fees for State Entities in Investment and Economic Activities (in Arabic)] <https://manshurat.org/content/lg-lft-mn-ldryb-wlrswm-lmqrr-ljht-ldwl-fy-lnsht-lstthmry-wlqtsdy> (accessed: 04.11.2024).

Sayigh Y. *Owners of the Republic: An Anatomy of Egypt's Military Economy*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2019.

Springborg R. The President and the Field Marshal: Civil-Military Relations in Egypt Today. *MERIP Middle East Report*. No. 147. 1987. Pp. 4–42.

Springborg R. *Mubarak's Egypt: Fragmentation of the Political Order*. London: Westview Press. 1989.

DANILO DOLININ

The role of the armed forces in the economic sphere of Egypt 1970–2024

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

dolininds@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-1541-7610

Abstract. The second half of the 20th century was characterized by the establishment of military regimes in a number of Middle Eastern states, including Egypt, where the army traditionally played a significant role in domestic political processes. The events of the July Revolution of 1952 only strengthened the military's position in society. People from the army have taken important positions, including in the country's economy. In the context of considering the role of the military in the economic sphere of Egypt, special attention is paid to the periods of the rule of three Egyptian presidents – Anwar Sadat (1970–1981), Hosni Mubarak (1981–2011), Abdel Fattah Al-Sisi (2013 – present). The years of the rule of these presidents are characterized by noticeable changes in the economic strategy of the state, which, in turn, directly affected the situation of the military. The purpose of the presented work is to identify the causes and features of the transformation of the Egyptian armed forces' role in the economic sphere. The historical-chronological method was chosen as the main research method, which makes it possible to build the historical outline of the problem under study in an objective sequence and identify the logical connection of facts, events and processes based on the analysis of sources and literature.

Keywords: Egyptian army, economy, infrastructure, exemptions, legislation, competition, privatization.

КАБАРДОВ ИНАЛ БЕСЛАНОВИЧ

**Отражение эволюции политической системы
средневековой Кабарды в социо-политической терминологии**

Институт востоковедения РАН, Москва; аспирантура, 3 курс

inal-kabart@mail.ru, ORCID: 0009-0004-3802-4099

Аннотация: изучение происхождения терминологии социально-политических концептов, ознаменовавших переход политической системы средневековой Кабарды на новый этап исторической эволюции, воплощенный в общеизвестных институтах публичной власти кабардинцев, а также в корпоративной культуре военного сословия уорков, привели к выдвижению научной гипотезы культурной диффузии в области социально-политического устройства восточных адыгов. В докладе рассматриваются результаты корреляции терминологии политических концептов Кабарды с терминами государственного управления Султаната черкесских мамлюков (1382–1517).

Ключевые слова: Мамлюкский султанат, средневековая Кабарда, Уэлиипщ, Уэръкъ, Хасэ

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>.

Научный руководитель: Дружинина И.А., к. и. н., старший научный сотрудник центра византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН.

Важнейшим результатом сближения мамлюковедения и кавказоведения стало расширение круга исторических источников для каждого из этих научных направлений, что позволило сформировать новую парадигму в осмыслении вопросов генезиса и этапов развития социально-политических институтов отдельных народов на Северном Кавказе [Кабардов, 2022, с. 233–246].

Захват власти в Султанате аз-Захиром Баркуком, ставшим первым черкесским султаном в 1382 г., привел к массовому заполнению аппарата управления Султаната выходцами с Кавказа

с целью закрепления и удержания власти в противовес тюркскому блоку внутри поляризовавшейся по критерию этнической принадлежности корпорации мамлюков.

Сама связь черкесов с Султанатом до недавнего времени не являлась в кавказоведении предметом специального исследования. Лишь в качестве иллюстрации их переезда в Мамлюкский султанат приводились сведения из изданного в Венеции в 1502 г. этнографического очерка генуэзского путешественника Джорджо Интериано под названием «*La vita et sito de sichi, chiamati circassi*».

Благодаря же арабским источникам, привлеченным к решению вопросов средневековой истории народов Северного Кавказа [Дружинина, 2022, с. 201–232; 2023, с. 153–163; Дружинина, Илюшина, 2024; Дружинина и др., 2024, с. 772–782], стало возможным научное обоснование гипотезы культурного влияния Мамлюкского султаната на развитие политических систем в рамках ряда племен внутри адыгского этноса.

Раскрывая модель влияния более развитой в культурном отношении политической организации на менее развитую, необходимо иметь ввиду, что проводниками влияния являются конкретные лица, которые к тому же имеют социальную позицию, обеспечивающую процесс поступательной диффузии самых разных культурных форм (от моды до политической организации). В этом отношении особенно ценным источником в исследовании политической эволюции Кабарды XV–XVI вв. является анонимная арабская рукопись *al-‘Uqd al-jawharyya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiyya al-Ghawīyya* (Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури) [Дружинина, Илюшина, 2024; Дружинина и др., 2024]. В рамках источника представлена информация о кровнородственной связи двух последних султанов Мамлюкского султаната с племенной знатью Кабарды, что само по себе является подтверждением прочного канала взаимосвязей — через родственные отношения, через представителей Султаната в Кабарде (торговцев, мамлюков) и т.д.

В этом отношении данные источника позволили концептуализировать проблему влияния политической, правовой и даже делопроизводственной культуры Султаната на появление фундаментальных в рамках политической организации Кабарды терминов: *Уэлиипиц*, *Уэркъ*, *Хасэ*.

Термин *Уалиипиц* в кабардинской политическо-правовой терминологии означал верховного князя, утверждаемого собранием Хасы пожизненно. Необходимо отметить, что власть *Уалиипица* уже с XV в. передавалась в соответствии с лествичным принципом престолонаследия по боковой линии и по старшинству лет [Дружинина и др., 2024, с. 779], что, в рамках данного института, по всей вероятности, является выражением традиционного адыгского права *Адыгэ хабзэ*, основанного на родоплеменных представлениях первородства. Однако морфологический анализ слова, состоящего из двух корней – арабского *уалий* (наместник, покровитель, куратор, протектор, господин, владелец, собственник) [Radtke et al., 2002, p. 109] и кабардинского *пицы*, дает основание для постановки вопроса о ближневосточном культурном влиянии, отразившемся в номинации высшего властного лица конкретной политической системы. Вторая корневая основа термина *Уалиипиц* – *пицы*, условно переводимая в российской традиции как *князь*, имеет значение «старейшина», затем «глава семьи, дома» [Шагиров, 1977, с. 34].

Таким образом, иноязычный корень *уалий*, соединившийся с наличным в языке адыгов термином *пицы* и явивший собой некий новый культурный концепт, дает основание для конструирования хронологической модели, отражающей вектор политическо-правовой эволюции в отношении изначального статуса субъекта, номинированного термином *пицы*, к более сложной политической форме *уалиипиц*.

При этом известен адыгский аналог званию *уалиипиц* – *пицыыхуэ*, дословно переводимый как *большой князь*, наличие которого свидетельствует о более продолжительном существовании

иерархии среди князей, но в то же время подтверждает гипотезу ближневосточного влияния, так как с какого-то исторического момента номинация *уалииц* вытеснила номинацию *пицыихуэ*. Подобная культурная тенденция необъяснима вне соотнесения политической системы Кабарды с определенной культурно-политической традицией. Отсутствие четкой информации в письменных источниках о времени и историческом контексте появления термина *уалииц*, а также долгое невнимание кавказоведов к проблеме мамлюкско-черкесских взаимоотношений, стало причиной осмысления этого термина в контексте культурно-политического влияния Османской империи на Северный Кавказ XVIII–XIX вв. Подобная априорная интерпретация образования термина *уалииц* сильно омолаживает в историческом смысле данный институт. Однако впервые привлеченная информация из корпуса арабских источников убеждает в более длительной истории данных институтов в рамках кабардинской политической культуры.

Вторым примером отражения эволюции политической системы средневековой Кабарды является появление в ее терминосистеме такого стержневого понятия, как Уэркъ. Его социально-политическими слагаемыми были, собственно, *Пицы* – сословие, соотносимое в русской историографии с княжеским, *Ллакъуэльэц* – представители сословия высшей знати из ограниченного круга родов, номинация которого состоит из корней *лакъуэ* в переводе род (дословно *сыновья одного мужчины*, *л1ы+къуэ*) и *лэц* – сильный, мощный, *Дыжъыныгъуэ* (корень слова включает «серебро», что принято связывать с аллюзией на благородное происхождение) – пришлые под покровительство князя, княжеские дети от неравных браков *тумэ* и представители знатных фамилий соседних народов, поступивших на службу к кабардинским *пицы*, *Беслъэн-уэркъ* (дословно переводится как *уорки Беслана*) – личное войско сословия *пицы*, а также *Уэркъ-щауэл1ыхъугъусэ* (дословно переводится как *уорк – спутник доблестного мужа*, *щауэ+л1ыхъу+гъусэ*) – данная

категория составляла личное войско сословия *лIакъуэльэц* (сильных родов) [Гарданов, 1967; Налоева, 2015; Кушхабиев, 2014; Кабардов, 2022].

Важно подчеркнуть, что все эти перечисленные страты, являвшиеся составными частями военно-политической корпорации *уорков*, жили в строгом соответствии с правовым и морально-этическим учением *Уэркъ хабзэ* – *обычаем* или *кодексом уорка*, отличного от традиционного адыгского права *Адыгэ хабзэ*.

Но если название каждой из перечисленных слагаемых страт корпорации *уорков* этимологически полностью концептуализируется в рамках адыгского языка, само понятие *уорк* не имеет какого-либо адекватного осмысления или перевода с адыгского. Иными словами, системообразующий термин, ознаменовавший переход от системы родовых отношений к корпоративным, никак не представлен в адыгском языке и имеет очевидное иноязычное происхождение.

В рамках разработки нового направления мамлюкско-кавказских исследований обратило на себя внимание сообщение арабского хрониста Ибн Тагри Бирди (ум. в 1469 г.) о конфликте между султаном ал-Ашрафом Иналом (1453–1461) и отказывающимися подчиняться ему мамлюками султана аз-Захира Баркука (1382–1389; 1390–1399) [Кабардов, 2022, с. 236]. Ибн Тагри Бирди приводит аргумент мамлюков: «Мы – освобожденные рабы ал-Малика ал-Захира и обучались у него. Я не могу быть освобожденным рабом ал-Ашрафа Инала (только) по листу бумаги» [Ibn Taghrī Birdī, 1990, II, 538]. Слово *бумага* в приведенном сообщении источника является прямым переводом слово *warak*, и в данном конкретном контекстуальном значении означает *документ*. Арабское слово *waraka* оно же *warak* и по сей день является синонимом слова *wathika* и используется даже в быту в значении *документ*.

Хорошо известно, что делопроизводство в Египте было на высочайшем уровне [Закиров, 1966, с. 99–143]. Принимая во внимание, что количество мамлюков султанов и эмиров могло исчисляться тысячами, то их учет на бумаге, выражаясь современным языком, в реестре, был необходим, поскольку таким образом фиксировалась информация не только об именах мамлюков, но также об их наделах (*iqta*), должностях, жаловании, карьерном росте и т. д., что в отсутствии систематизированного свода информации было бы невозможно, как и невозможен сам аппарат власти одного из самых развитых государств своего времени. В рамках нашего исследования мы предполагаем трансляцию арабского слова *warak*, концепта делопроизводства Султаната черкесских мамлюков, в лингвокультурное пространство средневековой Кабарды, где оно претерпело семантическую адаптацию к местным социально-политическим реалиям, для которых до определенной исторической фазы развития были не известны отношения вне племенного осмысления общества (*лIакъуз, пцы*).

Интересную аналогию описанного исторического процесса многовековой «смысловой седиментации» уже в лоне русской истории, можно провести со словом *blutt*, переводимым с немецкого как *лист бумаги* и попавшим в период Российской империи в терминологическом значении вида учетной документации с известной до нынешних дней семантической трансформацией.

Таким образом, анализ основополагающих понятий военно-политической системы средневековой Кабарды позволяет проследить ее эволюцию и сделать вывод о значительном культурном влиянии на этот процесс Султаната черкесских мамлюков.

Список литературы / References

Гарданов В.К. *Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.)*. М.: Наука, 1967 [Gardanov V.K. *Social structure of adigha tribes (XVIII – the first half of XIX в.)*. Moscow: Nauka 1967 (in Russian)].

Дружинина И.А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI вв. *ByzantinoCaucasica*. Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022. С. 201–232 [Druzhinina I.A. Mamluks in the North Caucasus the 14th–early 16th century. *ByzantinoCaucasica*. Ed. V.N. Chkhaidze. Vol. 2. Moscow: IOS RAS. Pp. 201–232 (in Russian)].

Дружинина И.А. Бадр ад-Дин ал-‘Айни о черкесах. *ByzantinoCaucasica*. Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. Вып. 3. М.: ИВ РАН, 2023. С. 153–163 [Druzhinina I.A. Badr al-Din al-Ayni about Circassians. *ByzantinoCaucasica*. Ed. V.N. Chkhaidze. Vol. 3. Moscow: IOS RAS. Pp. 153–163 (in Russian)].

Дружинина И.А., Илюшина М.Ю. Новый источник по истории Кабарды XV века: сведения из анонимной арабской рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» 1515 г. *Вестник архивиста*. 2025. № 1. В печати [Druzhinina I.A., Iliushina M.Yu. A new source on the history of 15th century Kabarda: “Precious necklaces concerning merits of the state of al-Ashraf al-Ghawri”. *Herald of an Archivist*. 2025. No. 1. In press (in Russian)].

Дружинина И.А., Илюшина М.Ю., Кабардов И.Б. Знать и власть в Кабарде XV столетия по сведениям рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства аль-Ашрафа аль-Гаури» *История, археология и этнография Кавказа*. 2024. Т. 20. № 4. С. 772–782 [Druzhinina I.A., Iliushina M.Yu., Kabardov I.B. Nobility and power in 15th-century Kabarda according to the source “Precious necklaces concerning merits of the state of al-Ashraf al-Ghawri”. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. Vol. 20. № 4. 2024. Pp. 772–782 (in Russian)].

Закиров С. *Дипломатические отношений Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.)*. М.: Наука, 1966 [Zakirov S. *Diplomatic relations of the Golden Horde with Egypt (XIII–XIV)* Moscow: Nauka, 1966 (in Russian)].

Кабардов И.Б. Влияние Султаната мамлюков Бурджи на генезис политической элиты Кабарды: постановка научной проблемы. *ByzantinoCaucasica*. Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022. С. 233–246 [Kabardov I.B. The influence of the Mamluk Sultanate of Burji on the genesis of Kabarda's political elite: problem statement. *ByzantinoCaucasica*. Ed. V.N. Chkhaidze. Vol. 2. Moscow: IOS RAS, 2022. Pp. 233–246 (in Russian)].

Кушхабиев А.В. Эволюция фактора принадлежности к феодальным сословиям в традиционной системе ценностей кабардинцев. *Известия Кабардино-*

Балкарского научного центра РАН. № 5. 2014. С. 199–205 [Kushhabiev A.V. The evolution of factor of belonging to the feudal estates in traditional system of values of the kabardins. Izvestiya of Kabardin-Balkar Scientific Center of the RAS. No. 5. 2014. Pp. 199–205 (in Russian)].

Налоева Е.Д. *Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории.* Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015 [Naloeva E.D. *Kabarda in the first half of XVIII century: the genesis of adigh feudal society ant problems of social and political history.* Comp. A.S. Mirzoev. Nalchik: ООО Pechatni dvor, 2015 (in Russian)].

Наумкин В.В. К вопросу о хасса и ‘амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве). *Ислам в истории народов Востока.* Отв. ред. И.М. Смилянская, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1981. С. 40–50 [Naumkin V.V. Hassa and amma (traditional conception of «elite» and «masses» in islam. *Islam in the history of the peoples of the East.* Ed. I.M. Smilyanskaya, S.Kh. Kyamilev. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 40–50 (in Russian)].

Терских Н.В. Особенности образования терминосистем. *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей.* Ред. Шарифуллин Б.Я. Вып. 4. Красноярск: Сибирский федеральный университет (СФУ), 2013. С. 86–89 [Terskikh N.V. *Peculiar properties of term systems development. Man and language in the communicative space: a collection of scientific articles,* edited by Sharifullin B.Ya. Iss. 4. Krasnoyarsk: Siberian Federal University (SFU), 2013. Pp. 86–89 (in Russian)].

Цаголова Р.С. *Лексико-семантические особенности политико-экономической терминологии.* М.: Изд-во МГУ, 1985 [Tsagolova R.S. *Lexical and semantic features of political and economic terminology.* Moscow: MSU, 1985 (in Russian)].

Шагиров А.К. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Том 2.* М.: Наука, 1977 [Shagirov A.K. *Etymological dictionary of circassian languages. Vol. 2.* Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Ibn Taghrī Birdī Abū al-Maḥāsin Yūsuf. Ḥawādith al-duhūr fī madā al-ayyām wa'l-shuhūr [Events of centuries over the course of days and months]. Ed. by Mu'ammad Kamāl al-Dīn 'Izz al-Dīn, Cairo, Dār al-Kutub al-Miṣrīyah, 1990, Vols. I–II (in Arabic).

Radtke B., Lory P., Zarcone Th., DeWeese D., Gaborieau M., Denny F.M., Françoise Aubin, J. O. Hunwick and N. Mchugh, “Walī”, in: *Encyclopaedia of Islam*, Second Edition, Ed. by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. 2002. Vol. XI. W–Z. P. 109–125.

INAL KABARDOV

**Reflection of the evolution of the political system
of medieval Kabarda in socio-political terminology**

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

inal-kabart@mail.ru, ORCID: 0009-0004-3802-4099

Abstract: The study of the problem of the origin of the terminology of socio-political concepts that caused the transition of the political system of medieval Kabarda to a new stage of historical evolution, embodied in the institutions of public power of Kabardians, as well as the corporate culture of the military class of the Warks, led to the scientific hypothesis of cultural diffusion in the field of the socio-political structure of the eastern Adygs. The report provides the results of the correlation of the terminology of Kabarda's political concepts with the terms of public administration of the Circassian Mamluk Sultanate (1382–1517).

Keywords: Mamluk Sultanat, medieval Kabarda, Weliipsch, Werk, Hase.

МОСЕСОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Роль войны и насилия в жизни аравийского общества до зарождения ислама

ИСАА МГУ, г. Москва, бакалавриат, 3 курс

mosesov.ser@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье автор рассуждает о роли, которую занимали война и насилие в жизни аравийского общества до зарождения ислама, основываясь на доисламской поэзии и прозе, предполагая, что эти явления оказали прямое влияние на успех арабо-мусульманских завоеваний. Особое внимание уделяется причинам, которые могли приводить к племенным войнам. Приводится характеристика наступательного и защитного вооружения, рассматривается участь военнопленных. В заключении подчёркивается, что война и насилие являлись неотъемлемой частью жизни аравийского общества до зарождения ислама: они подготовили обитателей Аравийского полуострова к арабо-мусульманским завоеваниям, которые обеспечил распространение исламского вероучения на обширные территории, далеко за пределами привычной для арабов среды обитания.

Ключевые слова: джахилийя, доисламская Аравия, арабские завоевания, племенные войны, кочевники.

Научный руководитель: Владимир В.О., д. и. н., профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, ИСАА МГУ.

Арабо-мусульманские завоевания за относительно короткий в исторических масштабах период привели к культурному единению обширной территории, простиравшейся на более, чем 10 млн. км² от Пиренейского полуострова на западе до Средней Азии на востоке и получившей в научной литературе устойчивое название *дар аль-ислам*. С одной стороны, стремительные темпы арабских завоеваний объясняются мощным религиозным фактором, который смог сплотить ранее разрозненные аравийские племена. С другой стороны, нельзя не учитывать изначально воинственный характер аравийских племён уже к началу века ислама. Будущие

носители исламской культуры существовали в постоянном противостоянии между собой. Понимание роли войны и насилия в жизни аравийского общества до зарождения ислама поможет лучше понять причины столь стремительного роста арабско-мусульманского государства, возникшего в первой половине VII в.

Говоря о причинах, которые могли вызывать племенные войны, следует отметить, что набеги были естественным источником получения прибавочного продукта в аравийском обществе [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 208]. В период *джахилийи* основным мотивом для военных конфликтов была военная добыча, которая могла включать в себя верблюдов, финики, скот, масло, военнопленных [Шидфар, 1983, с. 84]. Однако существовали и иные причины, провоцировавшие столкновения между аравийскими племенами.

К таковым можно отнести кровную месть, которая порождала бесконечный круг насилия. Яркий пример такого явления можно найти в «Книге песен» аль-Исфакхани, где рассказывается об арабском поэте аш-Шанфаре. Однажды люди из его племени убили представителя племени аль-фахми, за что последний жестоко отомстил, убив отца аш-Шанфары. Поэт посвятил всю свою жизнь мести, в результате чего от его руки погибло около ста человек. В конце концов, его самого постигла ожидаемая участь: он был убит в ходе жестокого ночного нападения [аль-Исфакхани, 1980, с. 109]. Мотивы аш-Шанфары ясны: кровная месть – дело чести, и проявление снисходительности считалось позором. В стихах Тарафы ибн аль-Абда можно найти следующие строчки, подтверждающие этот факт:

*Но я не таков, никому не спускаю обид,
Будь я послабей, на меня бы с презреньем глядели,
Меня б затравили всей стаей и по одному,
Но щит мой – отвага, воспитанная с колыбели.*

В то же время, конфликты не должны были наносить ущерб демографическому потенциалу племен. Потери в сражениях были незначительны, поскольку арабы стремились избегать излишнего кровопролития [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 209].

Среди другим причин, из-за которых разгорались племенные войны, нельзя не упомянуть оскорбление личности как один из самых значимых факторов. Например, в одном из рассказов цикла «Дни арабов» можно встретить Бишра ибн Аби Хазима, который, за триста верблюдиц решил высмеять Ауса ибн Хариса. Он «сложил непристойные стихи, упомянув мать его Суду». Это привело к новой вражде между двумя племенами. Бишр искал защиты у племени бану асад, и его приняли с честью. Выдать его соратникам Ауса стало бы позором для представителей племени. Так между сторонниками Ауса и племенем бану асад разгорелся новый конфликт, который привёл к очередному кровопролитию [Шидфар, 1983, с. 111].

Характеризуя формы военных действий, следует заметить, что арабские предводители были искусными тактиками, мастерами партизанской войны, которая включала в себя засады (ярким примером служит история Аш-Шанфары из «Книги песен» [аль-Исфгани, 1980, с. 108]), внезапные нападения и отступления. Они могли успешно уклоняться от атак регулярных войск, но не могли одержать победу над организованной армией [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 209]. Военные действия могли принимать форму как открытых сражений, так и набегов. Примером последних могут служить действия мусульманской общины пророка Мухаммада перед битвой при Бадре. Арабские военные отряды периода *джахилийи* состояли из кавалерии, в которую входили и верблюжьи контингенты. Однако основную часть племенных «армий» составляла пехота [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 208].

Что касается наступательного и защитного вооружения, то немаловажную роль в наступательном вооружении аравийского общества до зарождения ислама играют лук и стрелы. Это оружие

активно использовалось поэтом аш-Шанфарой, чья история описана в «Книге песен», легендарным поэтом Имруулькайсом, чьи подвиги описаны в «Днях арабов», а также стало причиной гибели поэта Антары, описанная в «Книге песен».

Однако самым распространённым оружием всё же были мечи. Практически каждый мужчина имел меч. В источниках упоминания о мечах встречаются постоянно [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 205]. Например, их использовали убийцы аш-Шанфары [аль-Исфгани, 1980, с. 109], мечом Антару избивает его отец Шаддад [аль-Исфгани, 1980, с. 118], а прославленный арабский поэт Хатим ат-Таи именно с помощью меча отсекает кончик носа своим обидчикам [аль-Исфгани, 1980, с. 141].

Верблюды часто фигурируют в текстах именно в контексте военной добычи и крайне редко используются для боя. Во время военных кампаний арабы совершали на верблюдах дальние переходы, немногих коней вели на поводу. Непосредственно перед сражением пехота спешила, а всадники пересаживались на коней [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 208], хотя сам конь являлся роскошью и либо не фигурирует в текстах, либо появляется лишь непосредственно во время сражения. Таким образом, коней старались использовать преимущественно в военных целях и лишь изредка как престижное верховое животное.

Что касается защитного вооружения, то анализ источников позволяет сделать вывод, что кольчуга или шлем не являлись частым явлением в арабийском доисламском обществе. Можно встретить единичный случай, когда человек мог иметь достаточно серьёзное защитное вооружение: в «Книге песен» упоминается человек «закованный в броню, так что видны только глаза» [аль-Исфгани, 1980, с. 142]. Кольчуга была далеко не у каждого. Только авторитетные вожди могли иметь две и более кольчуги. Шлемы были ещё большей редкостью, чем кольчуги [Кириллина, Кораев, Панченко, 2022, с. 206]. Большинство боевых травм приходилось на икры и ступни, значительно реже – на руки, плечи и область

торса, что свидетельствует об использовании арабами больших щитов от бедра до плеча [Кириллина–Кораев–Панченко, 2022, с. 207].

Отвечая на вопрос о роли насилия в аравийском обществе до зарождения ислама, следует заметить, что анализ текстов из цикла «Дни арабов» позволяет сделать вывод, что бедуин весьма легко мог пойти на убийство. Так, например, «День Айн Убаг» повествует о противостоянии царя арабов в Хире и царя арабов Сирии, в ходе которого два пожилых правителя приняли решение столкнуться в сражении своих сыновей, чтобы не гибнуть самим. Данный эпизод иллюстрирует нам, что ради победы аравийские вожди могли заплатить даже самую высокую цену, включая собственных сыновей [Шифдар, 1983, с. 87].

Ещё один не менее занимательный случай описан в «Дне Манъидж». Поводом для убийства стала ревность. Сын вождя племени кайс айлан по имени Шас мылся у источника, принадлежащего вождю Рияху аль-Ганави. За ним начала подглядывать жена вождя, и её муж, не выдержав потенциальной измены, пронзил юношу стрелой из лука [Шифдар, 1983, с. 121]. Таким образом, даже такое незначительное чувство, как ревность, могло стать для вождя племени причиной убийства сына другого вождя.

Немаловажным сюжетом аравийского эпоса *джахилийи* занимает и участь военнопленных, чья судьба разнится от одной истории к другой. Антара ибн Шаддад был невольником по рождению, так как его мать эфиопской рабыней. Тем не менее, аль-Исфгани сообщает нам, что для детей от рабынь имелся весьма эффективный социальный лифт:

«Арабы в то время поступали так: они держали сыновей своих невольниц как рабов, а если те совершали доблестные поступки, то признавали их» [аль-Исфгани, 1980, с. 117–118].

Именно это и произошло с Антарой, когда он проявил себя, отбив нападение на собственное племя, чем заслужил признание отца и получение статуса свободного. Но даже будучи рабом, Антара, если верить цитатам приведённым аль-Исфгани, считал себя более достойным, чем его соплеменники:

Мой отец – один из благороднейших людей Бану Абс – это с одной стороны, а благородное происхождение со стороны матери мне заменяют удары мечом, вот и оказывается, что я в своем племени достойнее тех, кто имеет родичей и с материнской и с отцовской стороны, и они не стоят меня [аль-Исфгани, 1980, с. 120].

Иная судьба постигла поэта аш-Шанфару. Будучи военнопленным, он не смог найти своё место в обществе. Это привело к тому, что его жизнь была посвящена мести. И, как было описано ранее, такая жизнь привела его к неизбежной гибели от своих кровников [аль-Исфгани, 1980, с. 111].

Таким образом, война и насилие были постоянной составляющей жизни аравийского общества в доисламский период. Эти явления формировали социальные структуры и отношения между многочисленными племенами, между которыми регулярно происходили конфликты. Часто причиной столкновений были прочные основы социальной солидарности. Основные мотивы войн включали месть, защиту чести. Военные действия могли принимать форму как открытых сражений, так и рейдов. Важную роль в конфликтах играли племенные вожди, чей авторитет зависел от их военных успехов и способности защищать интересы своего племени. Честь и доблесть воина имели большое значение, а убийство считалось неотъемлемой частью племенной культуры. Война и насилие существенно повлияли на развитие и структуру аравийского общества. Понимание этих аспектов позволяет раскрыть сложные механизмы взаимодействия между аравийскими племенами, ведь они способствовали формированию уникальной

идентичности и сплоченности, которые одним из важнейших факторов успеха арабо-мусульманских завоеваний VII–VIII вв.

Список литературы / References

Абу-ль-Фарадж аль-Исфагани. *Книга песен*. М.: 1980 [Abul-Faraj al-Isfahani. *Book of songs*. Moscow: 1980 (in Russian)].

Аравийская старина. Пер. с арабского А.А. Долининой и В.В. Полосина. Отв. ред. Б.Я. Шидфар. М.: Наука, 1983 [*Arabian Antiquity*. Translated from Arabic by A.A. Dolinina and V.V. Polosin. Ed. B. Ya. Shidfar. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Кириллина С.А., Кораев Т.К., Панченко К.А. *Аравия и ее соседи до зарождения ислама: учебное пособие*. М.: Издательство Московского университета, 2022 [Kirillina S.A., Koraev T.K., Panchenko K.A. *Arabia and its neighbors before the emergence of Islam: a textbook*. Moscow: Moscow University Publishing House, 2022 (in Russian)].

SERGEY MOSESOV

The Role of War and Violence in the Life of Arabian Society before the Birth of Islam

MSU IAAS, 3rd year, bachelor's degree

mosesov.ser@gmail.com

Abstract. In this article, the author discusses the role that war and violence played in the life of Arabian society before the birth of Islam, based on pre-Islamic poetry and prose, suggesting that these phenomena had a direct impact on the success of the Arab-Muslim conquests. Particular attention is paid to the reasons that could lead to tribal wars. The characteristics of offensive and defensive weapons are given. The fate of prisoners of war is also considered. In conclusion, it is emphasized that war and violence were an integral part of the life of Arabian society before the birth of Islam: they prepared the inhabitants of the Arabian Peninsula for the Arab-Muslim conquests, which ensured the spread of Islamic doctrine to vast territories, far beyond the ecumene familiar to the Arabs.

Keywords: jahiliyya, pre-Islamic Arabia, Arab conquests, tribal wars, nomads.

НИКОЯН ШАЛИКО АГАСИЕВИЧ

**Роль и место вооруженных сил
в социально-политических процессах в Алжире
в период Гражданской войны (1992–2002 гг.)**

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва,
Россия; бакалавриат, 4 курс*

1032210059@pfur.ru, ORCID: 0009-0003-4403-3314

Аннотация: Целью данной работы является выявление роли алжирской армии в социально-экономической и политической жизни страны в период гражданской войны 1992–2002 гг. Алжирские вооруженные силы внесли существенный вклад в движение арабского освобождения XX в.

На протяжении всего периода после получения независимости вооруженные силы Алжира были ключевым фактором внутренней и внешней политики Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР), сыграв определяющую роль в становлении и развитии алжирской государственности. Вооруженные силы, а также подведомственные им структуры оказывали огромное влияние на политическую обстановку в стране, особенно в годы гражданской войны, которая стала серьезным вызовом для алжирского общества. Поколение революционеров и сторонников светской власти столкнулось с нарастающим в арабском мире радикализмом, который стал настоящей угрозой для АНДР.

Для анализа и изучения процессов, происходящих в Алжире в годы гражданской войны, применялся исторический метод, позволяющий установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и многомерном анализе событий периода гражданской войны в Алжире (1992–2002), а также роли армии в рассматриваемый период. В период гражданской войны произошла трансформация военных от судей в акторов политических событий.

Ключевые слова: вооруженные силы, АНДР, гражданская война, исламизм, ФНО, переворот, кризис.

Научный руководитель: Савичева Е.М., к. и. н., доцент кафедры востоковедения и африканистики, РУДН.

В борьбу алжирского народа за независимость внес большой вклад Фронт Национального Освобождения (ФНО), который стал центром, объединившим вокруг себя представителей алжирской интеллигенции, предпринимателей, рабочих и крестьян. ФНО стал символом борьбы алжирского народа за свою независимость. После того, как 1 июля 1962 г. 99% населения Алжира проголосовало за независимость, именно ФНО стал главной и единственной партией в стране.

После получения независимости опорой государства являлась Национальная Народная Армия. Благодаря вооруженным силам правительство страны боролось с беспорядками, при этом представители ВС Алжира привлекались к экономической деятельности, так, например, участвовали в сборе урожая, управляли целыми предприятиями [Ланда, 1999, с. 151]. Таким образом представители вооруженных сил постепенно получали все больше финансовых ресурсов и политической власти и считались наиболее влиятельными людьми в стране. В период президенства Ахмеда Бен Беллы (1963–1965) и Хуари Бумедьена (1963–1976) армия Алжирской Народной Демократической Республики получила финансовые, социальные и политические рычаги влияния на ситуацию в стране [Boutrig, 2011, p. 22].

При Хуари Бумедьене, бывшем министре обороны, армия стала еще более влиятельной, чем при первом алжирском президенте. В начале своего президенства в 1965 г. Х. Бумедьен сформировал «триаду Бумедьена» – дисциплинированность, компетентность, эффективность, которую претворяли в жизнь офицеры алжирской армии в сельском хозяйстве, промышленности, в экономике и торговле. Говоря о влиянии армии на внутреннюю политику Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР), стоит сказать, что 27–31 января 1979 г. состоялся 4-й съезд ФНО. В нем участвовали 3296 делегатов, из которых 1216 представляли местные организации партии, 491 массовые общественные организации, 640 – армию, 537 – администрацию

и госаппарат, 354 – депутатов Национального собрания, народных собраний коммун и вилай [Ланда, 1999, с. 181].

Тут стоит отметить, что большую часть делегатов составляли представители местных организаций партий. При этом военные становятся многочисленнее представителей госаппарата и общественных организаций, что показывает нарастающее влияние, которое получили представители алжирской армии в системе управления страны.

При Бумедьене армия стала лицом алжирского общества. Действительно, в этот период армия принимала участие в амбициозных строительных проектах президента, таких как «Транссахарская магистраль» и «Зеленая плотина», а также в строительстве многочисленных гидравлических плотин [Nemar, 2010, p. 20].

Таким образом, можно сказать, что первые 20 лет независимости армия была опорой государственного устройства, гарантом безопасности. При этом представители вооруженных сил Алжира имели свои интересы в экономической сфере, занимались и сугубо политической деятельностью через членство в партии ФНО. На смену Хуари Бумедьену в 1978 г. пришел Шадли Бенджадид (1979–1992), который столкнулся с рядом серьезных политических и экономических проблем. Одним из шагов нового президента стало проведение в 1988 г. референдума, об отмене однопартийной системы. Отказ ФНО от однопартийности привел к тому, что исламисты, которые уже долгое время находились под государственным давлением, получили возможность отстаивать соблюдение религиозных прав и бороться за власть в стране.

После начала демократических преобразований в стране при Шадли Бенджадиде начался процесс дестабилизации в экономике, социальной сфере и в сфере безопасности. В 1980-х гг. произошло резкое падение мировых цен на нефть, что негативно сказалось на экономике страны, так как основные доходы поступали именно

от экспорта нефти и газа [Saoud, 2017, p. 42]. В 1986 г., когда цена на нефть упала до рекордно низких уровней, Алжир оказался в экономическом кризисе, который привел к росту инфляции, а коррупция, которая была нормой в алжирской армии, перестала быть скрытой [Cook, 2007, p. 24].

Ухудшение социального и экономического положения алжирского населения стало почвой для формирования оппозиционных идей в обществе. В алжирском обществе активно набирала обороты идея возвращения к основам ислама. Партия Исламского Фронта Спасения (ИФС) выступила с требованием проведения коренных преобразований в Алжире и быстро набирала популярность среди молодого населения, а также среди недовольных текущей обстановкой в стране. После смягчения государственного контроля над религиозными объектами и легализации партий ИФС стал основным политическим соперником ФНО.

Широкомасштабная пропаганда партии исламистов привела к тому, что в 1990 г. по итогам выборов в местные народные собрания представители ИФС набрали 55% голосов в стране [Ланда, 1999, с. 199]. В 1991 г. после первого тура президентских выборов исламисты оказались в лидерах. В ответ на это ФНО распустил парламент и приостановил президентские выборы, что вызвало протест у сторонников исламистов. Затем Шадли Бенджадид объявил о своей отставке, передав управление страной Совету национальной безопасности, что вызвало еще большие недовольства со стороны ИФС.

Тем не менее, нельзя сказать, что большинство населения поддерживало исламистов и их идеи. Люди требовали перемен в социально-экономической сфере, среди которых повышение заработной платы, снижение безработицы, а также поддержка молодежи. Были случаи, когда в округах, где члены ИФС одерживали вверх, вводились нормы шариата. Для алжирского общества это было настоящим шоком. Происходившие в стране

акты насилия со стороны исламистов в отношении как алжирского населения, так и иностранных граждан, привели к тому, что армия оказалась единственным актором, способным повлиять на ситуацию. Тем более что, согласно 24 статье конституции АНДР, именно армия несет ответственность за «защиту национальной независимости и единства страны» [Constitution de la République Algérienne Démocratique et Populaire, 1963].

Находящаяся в «спящем состоянии» алжирская армия отреагировала на попытки свержения ФНО довольно быстро. Хорошо подготовленные спецслужбы объявили режим контртеррористической операции в стране. Армия стремилась не допустить падения власти и выдвинутого ею президента, поэтому 3 июня 1991 г. в столицу были введены войска, итогом стали потери с обеих сторон, погибли 201 и были ранены 200 человек [Ланда, 1999, с. 213].

Довольно быстро представители ВС Алжира взяли под контроль власть в стране, главой Совета национальной безопасности стал Мухаммед Будиаф (1919–1992), глава вооруженных сил. После переворота 1992 г. и прихода к власти Высшего Государственного Совета (ВГС) Алжира, военные продолжили фактически управлять страной, хотя формально правительство оставалось гражданским. Именно в этот период военное руководство ВС Алжира, состоящее в ВГС, получило неограниченную свободу и стало вести независимую от президента и других органов политику [Ланда, 1999, с. 218].

В попытках сформировать новую конструкцию безопасности в стране представители вооруженных сил стали занимать ключевые позиции во всех сферах жизни общества, в частности, в стратегически важных отраслях экономики, здравоохранения и культуры. Жесткий контроль над профсоюзами, различными организациями и учебными заведениями привел к увеличению арестов, преследований и убийств. Так, например, в 1992 г. в семи центральных провинциях был введен комендантский час, а суды

стали рассматривать дела касательно критики ситуации в стране, что свидетельствовало об ужесточении цензуры. Согласно мнению ряда экспертов, наивысший уровень насилия в гражданской войне произошел в 1994–1995 гг. [Василенко, 2010, с. 180].

В ходе войны алжирское общество раскололось на тех, кто поддерживал вооруженные силы и действия военных, и тех, кто стал сочувствовать исламистам. Уровень коррупции также оказался рекордным в этот период, в армии активно процветала практика дачи взяток. Согласно мнению С.А. Кука, алжирские предприниматели и представители промышленности должны были спонсировать армию, чтобы иметь право продолжать работу, эти условия привели к складыванию настоящего «военного анклава» в Алжире [Cook, 2007, p. 22].

Высший Государственный Совет еще с 1992 г. начал вести активную пропагандистскую политику. Власти давили на различные журналы и средства массовой информации. Так, например, в августе 1992 г. Высший государственный совет (ВГС) закрыл три газеты, критиковавшие его действия, а также развернули широкую пропаганду на телевидении. В 1994 г. в Алжире появляется второй государственный телеканал TV2 (Algerie), активно поддерживавший правительство ВГС и осуждавший исламистов [Nemar, 2010, p. 16].

Стоит отметить, что действия алжирского руководства в начальный период гражданской войны являлись скорее реакционными, чем спланированными. В попытках удержать ситуацию в стране армейские подразделения стали занимать ключевые объекты инфраструктуры, а специальные службы АНДР арестовывали последователей партии ИФС. Армия, находясь в авангарде борьбы против исламистов, стала отделять себя от народа, который был вынужден считаться с возросшими требованиями военных. Были случаи, когда вооруженные силы приватизировали больницы и школы [Kapil, 1998, p. 156].

Уровень экономики падал, росли безработица, милитаризация и коррупция в стране. Алжирский народ оказался между двумя противоборствующими лагерями. Вследствие этого большое количество алжирцев мигрировало из страны, преимущественно во Францию. Произошла еще одна крупная волна переселения алжирцев во Францию в период с 1993 по 2003 гг. было подано более 100 000 заявлений о предоставлении статуса политического беженца, из которых были одобрены лишь 19 000 [Деминцева, 2008, с. 47].

В 1995 г. на президентских выборах одержал вверх Ламин Зеруаль (1994–1999), кандидатуру которого поддерживала армия. Благодаря деятельности руководства страны, а также из-за внутренних разногласий исламисты раскололись на более радикальных и на сторонников диалога с ВГС. Зеруаль воплощал идею порядка и безопасности, так как, наряду с террором исламистов и ответными репрессиями властей, широкий размах в Алжире получили и чисто криминальные действия банд грабителей, вымогателей и никем не контролируемых фанатиков, убивавших католических священнослужителей, а также просто иностранцев и «плохих» мусульман [Ланда, 1999, с. 238].

С приходом более прогрессивного политика, который понимал всю трудность положения в Алжире, ситуация постепенно стала нормализовываться. При Зеруале армия отходила на второй план, постепенно отказываясь от ручного управления государством. В 1996 г. в Алжире прошел референдум по новой Конституции которой [Constitution de la République Algérienne Démocratique et Populaire, 1996]. Согласно которой все природные ресурсы, недра и богатства страны являются общественной собственностью, а президент ответственен и за национальную безопасность. Именно усиление роли президента стало ярким символом новой конституции [Ланда, 1999, с. 208].

Важно сказать, что несмотря на появившиеся в армии тенденции к узурпации власти, алжирская политическая элита после

стабилизации обстановки в стране сумела вернуть под свой контроль ВС Алжира. Армия в Алжире всегда была ключевой опорой власти, однако управление страной велось местной бюрократией. Армия сыграла одну из важнейших ролей во время гражданской войны; она являлась стабилизатором ситуации в период, когда правительство страны находилось в состоянии анархии. Именно с целью недопущения победы радикальных течений, армия Алжира и ВГС взяли под контроль экономические, социальные и политические сферы.

В период 1995–1999 гг. правительство Зеруаля активно боролось с разрозненными группами исламистов. Авторитет вооруженных сил всегда был на высоком уровне в Алжире, но после гражданской войны, в ходе которой вскрылись проблемы, связанные с коррупцией, кумовством, жестокостью по отношению к своим гражданам, этот авторитет значительно упал.

Приведем мнение эксперта Радиджы Немара, который отмечал, что после прихода Зеруаля политика армии значительно изменилась и трансформировалась в политику «фасадной игры», согласно которой она научилась управлять политической властью Алжира «на расстоянии» [Nemar, 2010, p. 16].

В 1999 г. новый президент Алжира Абдельазиз Бутефлика (1999–2019) объявил о проведении референдума по новому проекту «Закона о гражданском согласии», по которому повстанцы получали право на амнистию [Concorde civile, 1999]. Считается, что гражданская война в АНДР закончилась в 2002 г., однако разнообразные террористические организации появлялись в стране еще долгое время. Вооруженные силы Алжира получили дополнительную поддержку как со стороны алжирского общества, так и мирового сообщества, особенно после целого ряда террористических актов по всему миру. Статус военных вновь был на высоком уровне, а их привилегированное положение в алжирском обществе стало только устойчивее.

Армия, по мнению алжирского исследователя Маджида Бенчихи, использует принцип «видеть, не будучи видящим», то есть вооруженные силы всегда сохраняют косвенный контроль над государственными компаниями, такими как национальная нефтегазовая компания Sonatrach, а также над стратегически важными объектами и позициями в администрации, например, через отставных военных [Saoud, 2017, p. 45]. С этой точки зрения, ситуация в Алжире сильно отличается от других милитаризованных государств, например, Египта, в котором армия часто брала на себя все рычаги управления страной. Алжир в данном случае обладает армией, которая влияет на другие институты власти и указывает направление развития, которому следует гражданское руководство.

Подводя итоги, можно сказать, что алжирская армия является важнейшим стержнем алжирской государственности. Вовлеченность вооруженных сил в экономическую, политическую и социально-культурную жизнь страны всегда была значительной, особенно в годы гражданской войны, которая привела в движение алжирское общество. Армия в рассматриваемый период сыграла ключевую роль стабилизатора и медиатора настроения алжирского общества. Армия также сыграла важную роль в урегулировании внутривнутриполитического конфликта, стабилизации ситуации и восстановлении нормальной жизни в Алжире. Армия восстановила легитимность гражданской власти, сохранив при этом свое влияние в ключевых отраслях экономики, в политике и в алжирском обществе в целом.

Список литературы / References

Василенко А.И. Долгое эхо конфликта: память о «Черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира. *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 2. С. 171–200 [Vasilenko A.I. Long echo of the conflict: the memory of the “Black Decade” of the 1990s in the modern political culture of Algeria. *Bulletin of Moscow*

University. Series 25. International relations and world politics. 2019. No. 2. Pp. 171–200 (in Russian)].

Деминцева Е. *Быть «арабом» во Франции*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 1–192 [Demintseva E. *To be an “Arab” in France*. Moscow: New Literary Review, 2008. Pp. 1–192 (in Russian)].

Ланда Р.Г. *История Алжира. XX век*. М.: Институт востоковедения РАН, 1999 [Landa R.G. *History of Algeria. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 1999 (in Russian)].

Bourrar F. L’armée algérienne: un État dans l’État? Les Champs de Mars. *La Documentation française, Paris*. 2011. No. 23. Pp. 21–37.

Constitution de la République Algérienne Démocratique et Populaire. Secretariat general du government <https://www.joradp.dz/trv/fcons.pdf> (accessed: 30.09.2024).

Cook S. Ruling But Not Governing: The Military and Political Development In Egypt, Algeria, and Turkey. 2007. The Johns Hopkins University Press, Baltimore. En particulier. Pp. 14–31.

Kapil A. The Algerian Civil War: A Review Essay. Middle East Studies Association Bulletin. 1998. No. 32. Pp. 155–160.

Nemar R. Au-delà des casernes. Le rôle de l’armée en Algérie. Les Cahiers de l’Orient. 2010. No. 00(4). Pp. 19–32.

Projet de loi sur le rétablissement de la concorde civile. El-Moudjahid. Alger, 2 aout 1999 https://archive.wikiwix.com/cache/index2.php?url=http%3A%2F%2Fwww.el-mouradia.dz%2Ffrancais%2Falgerie%2Fhistoire%2FDossier%2Floi_sur_la_concorde_civile.htm#federation=archive.wikiwix.com&tab=url (accessed: 30.09.2024).

Saoud T. The algerian military on the Midst of transition. *Siyasat Arabiya*. Doha University. 2017. Pp. 29–50.

SHALIKO NIKOYAN

Role and Place of the Armed Forces in Social and Political Processes in Algeria During the Civil War (1992–2002)

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

1032210059@pfur.ru, ORCID: 0009-0003-4403-3314

Abstract: The purpose of this work is to identify the role of the Algerian army in the socio-economic and political life of the country during the civil war of 1992-2002. The Algerian armed forces made a significant contribution to the Arab liberation movement of the 20th century.

Throughout the period after independence, the armed forces of Algeria were a key factor in the domestic and foreign policy of the Algerian People's Democratic Republic (ANDR), playing a decisive role in the formation and development of Algerian statehood. The armed forces, as well as the structures subordinate to them, had a huge impact on the political situation in the country, especially during the civil war, which became a serious challenge for Algerian society. The generation of revolutionaries and supporters of secular power faced the growing radicalism in the Arab world, which became a real threat to the Algerian Democratic Republic.

To analyze and study the processes occurring in Algeria during the Civil War, a historical method was used, which allows establishing cause-and-effect relationships in the process of historical change of the phenomenon or process being studied.

The scientific novelty of the study lies in the complex and multidimensional analysis of the events of the civil war in Algeria (1992-2002), as well as the role of the army in the period under consideration. During the civil war, the military was transformed from judges into actors in political events.

Key words: armed forces, Algerian Democratic Republic, civil war, Islamism, FLN, coup, crisis.

ПОЛЯКОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

**Фактор ирано-иракской войны в формировании
современной внешнеполитической и военной стратегии Ирана**

МГИМО (У) МИД России, Москва; магистратура, 1 курс

polyakovaannaa@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-7245-2575

Аннотация. Ирано-иракская война (1980–1988) – не единственный, но важный фактор влияния на внешнеполитическую и военную стратегию Ирана. В статье рассматриваются последствия войны для стратегического мышления иранского руководства: развитие «стратегической глубины», оборонного комплекса, ракетной и ядерной программ, прокси-сетей, асимметричных военных тактик и усиление роли Корпуса стражей Исламской революции (КСИР).

Цель исследования – выявить роль данной войны в формировании современного внешнеполитического дискурса и военной стратегии Ирана. Новизна исследования заключается в комплексном анализе темы с применением конструктивистских, теоретико-игровых и структурных подходов, теории операциональных кодов и контент-анализа. Значимость исследования обусловлена его актуальностью для понимания долгосрочного влияния войны на поведение Ирана как важного актора на Ближнем Востоке.

Исследование опирается на различные источники, в т. ч. публичные выступления Р. Хомейни и А. Хаменеи, официальные документы и заявления органов власти Ирана, материалы иранских, российских и западных СМИ.

Ключевые слова: ирано-иракская война, внешняя политика Ирана, военная стратегия Ирана, государственная идеология Ирана.

Научный руководитель: Маркедонов С.М., к. и. н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД России.

Ирано-иракская война (1980–1988) стала ключевым этапом в формировании идеологических основ Исламской Республики Иран, в т. ч. культа шахидов, «Священной обороны» и самодостаточности. Данные концепции были задействованы Ираном в последующих конфликтах, например, в Ливане, Сирии,

Ираке и после убийства К. Сулеймани. В условиях изоляции Иран укрепил риторику противостояния с Западом, опираясь на идеи «мостазефин – мостакберин» («обездоленные – высокомерные») [Чикризова, 2017, с. 282–285] и «гарбзадеги» («поражение Западом») [Але-Ахмад, 1962], изображающие Запад внешним врагом.

Историческая память о «Большой игре» и «холодной войне», также усилила восприятие угрозы со стороны великих держав. Это отразилось в культуре, например, в романе И. Пезешк-зода «Дядюшка Наполеон» [Пезешк-зод, 1981], где выживающий из ума главный герой хранит ружье, ожидая вторжения англичан. В окружении шаха бытовала шутка о Р. Хомейни, якобы «сделанном в Британии»¹. Идеологи Исламской революции поддерживали слухи о внешних заговорах, изображая Запад и его агентов как угрозу, что стало частью официального дискурса разделения мира на «мы» и «они», где США, СССР и Израиль были названы «сатанами»².

Поляризацию усиливали действия мирового сообщества, особенно во время ирано-иракской войны. Резолюция № 514 СБ ООН (1982), призывавшая к прекращению огня, стала в Иране символом бездействия международных организаций, хотя сам Тегеран ее не поддержал, и выставлена в тегеранском музее «Священной обороны» в качестве экспоната [Виноградова, 2021, с. 113]. Химическая атака в Халабдже (1988), совершенная иракскими войсками, долго игнорировалась Западом, не хотевшим ослаблять Ирак³. Лишь в 2010 г. двоюродный брат С. Хусейна, А. аль-Маджид («химический Али»), непосредственно руководивший атакой, был осужден и казнен по результатам трибунала над Хусейном и его сподвижниками, который, хотя и был формально иракским по составу, находился под сильным влиянием Временной коалиционной администрации, контролируемой американскими дипломатами и военными деятелями⁴. В 2023 г. пострадавшие иранцы подали в суд на нидерландские компании

за поставку Ираку химикатов в 1982–1984 гг., которые применялись в т. ч. в одной из самых разрушительных атак в Сардаште⁵. Иран регулярно напоминает об этом, указывая на лицемерие Запада, который до сих пор игнорирует факт атаки⁶.

Страхи служат инструментом управления обществом, а разделение мира на «мы» и «они» – простой и эффективной объяснительной моделью. Из этой логики вытекают заявления президента М. Ахмадинежада (2005–2013) о необходимости уничтожения «оккупационного сионистского режима»⁷, обвинения аятоллы А. Хаменеи в адрес реформаторов за доверие к Америке⁸ и лозунги «Смерть Америке» на демонстрациях в годовщину Исламской революции⁹. Данная риторика не только связана с внешнеполитической и военной стратегией Ирана, но и способствует устойчивости теократического режима.

Иран использовал войну 1980–1988 гг. для укрепления патриотизма, легитимации власти и внешнеполитических решений. Каждое государство создает свой дискурс о героях и мифах, формирующий чувство национальной гордости и солидарности как основу идеологии. Иран – один из самых успешных тому примеров на Ближнем Востоке. Культ шахидства, возникший из памяти о мучениках войны, значительно повлиял на национальное самосознание и подходы к безопасности в Иране и продолжает расширяться, охватывая три столпа идеологии мученичества: национально-военный, гражданский и международно-военный [Алонцев, Смагин, 2022, с. 133, 146]. Герои войны символизируют мужество и самопожертвование, а мученичество также связано с гражданской ответственностью и служит важным элементом внешней политики.

На улицах Ирана можно увидеть фотографии и портреты героев войны, в их память проводятся выставки и издаются книги. Например, в Тегеране есть мурал 15-летнего добровольца А. Сахеба Хонара¹⁰, а в 2018 г. в Иране вышла книга «Фарангис» о подвиге

крестьянки Ф. Хейдапур, в 18 лет в одиночку отразившей нападение двух иракских солдат [Фаттахи, 2020].

Память о мучениках ирано-иракской войны крайне важна для Ирана, и власти продолжают финансировать программы поиска тел погибших и их ДНК-опознавание¹¹. Тех, кого удастся опознать, хоронят с почестями¹²: в 2020 г. в Исфахане с широкой оглаской была проведена церемония похорон армянского солдата, погибшего в 1987 г., несмотря на ограничения из-за пандемии COVID-19¹³.

Ежегодно 22 сентября в Иране проходят военные парады в честь Недели Священной обороны – годовщины начала войны. Данные мероприятия чествуют память погибших и демонстрируют военную мощь страны. На парадах в 2022–2024 гг. были представлены новые ракеты, дроны-камикадзе и системы ПВО: Rezvan¹⁴, Shahed-136B, Jahad¹⁵, Mohajer-10¹⁶, Fattah¹⁷ и др.

Ирано-иракская война подтолкнула Иран к более прагматичной внешней политике, поскольку углубила ирано-арабские противоречия [Кузнецов, 2020, с. 169] и возродила концепцию Ирана как страны «третьего пути» [Сченснович, 2019, с. 174] с уникальной культурно-исторической идентичностью. Война актуализировала и шиитско-суннитское противостояние: конфессиональный раскол Ирака укрепил влияние Ирана на Ближнем Востоке, особенно после «арабской весны», позволив Ирану создать в Ираке лояльные прокси-силы: ВСИРИ¹⁸, «Бадр», «Катаиб Хезболла» и «Асаиб Ахль аль-Хакк». Однако шиитско-суннитское противостояние обострило внутренние угрозы для Ирана, как показал теракт, по разным сведениям, боевиков суннитской ИГИЛ^{19, 20} либо арабских суннитов-сепаратистов²¹ на военном параде в Ахвазе в 2018 г.

Нарратив ирано-иракской войны помогает Ирану формировать имидж на международной арене и вести информационные кампании устрашения. Так, освобождение Хорремшехра в 1982 г. в ходе операции «Байтуль Мукаддас»

(«Священный дом»), названием символически отсылающей к Иерусалиму, применяется в антиизраильской риторике²². После убийства главы политбюро ХАМАС И. Хании в Тегеране в 2024 г. иранское телевидение транслировало песню времен данной войны как сигнал Израилю²³.

Память об ирано-иракской войне также способствует внутренней консолидации и работе властей с этническими меньшинствами в Иране. Так, военные проводят церемонии в честь еврейских мучеников²⁴, при этом подчеркивается отличие антиизраильской риторики от уважения к иранским евреям как части нации. Главный раввин Ирана также отмечает разницу между сионизмом и иудаизмом²⁵. Другие примеры – вышеупомянутые похороны армянского мученика и названия улиц в Тегеране в честь армянских солдат²⁶.

Ирано-иракская война способствовала переходу иранской внешнеполитической идеологии от панисламизма к Ирану как государству-цивилизации. Рассмотрим эволюцию данного процесса через четыре аспекта, предложенные М.А. Хрусталевым: селективный, компаративный, релятивный и нормативный [Хрусталев, 2015, с. 143–144].

Селективный аспект: выбор идеала

Во время войны Иран сочетал теократию с авторитарной практикой, изначально делая ставку на панисламизм. Однако конфликт выявил ограничения такого подхода, и страна переориентировалась на свою уникальность как государства-цивилизации, претендующего на роль не только политического, но и культурного лидера.

Компаративный аспект: соотношение идеала с реальностью

Иран адаптировал идеалы к жестким условиям международных отношений, осознав необходимость сочетания идеологии с прагматизмом. Вместо тотального подрыва мирового

порядка Тегеран сосредоточился на его постепенном преобразовании в своих интересах. Ключевым элементом внешнеполитической идеологии стало шахидство как высшая форма служения, символизирующая готовность к самопожертвованию во имя исламских ценностей и борьбы с «угнетателями».

Релятивный аспект: выбор субъекта реализации

Иран остался центральным субъектом идеологии, но вместо панисламизма сосредоточился на поддержке шиитских сообществ и прокси-сил, используя их для расширения влияния в регионе. Одновременно укрепилось восприятие Ираном себя как страны-цивилизации, объединяющей богатое религиозное и культурное наследие. Политика Ирана стала направленной не только на борьбу за исламские идеалы, но и на утверждение своей модели цивилизационного лидерства.

Нормативный аспект: выбор метода реализации

Во время войны Иран перешел от радикализма к прагматичному использованию силы. Культ шахидства и оправдание насилия оставались важными, но в дипломатии проявилась гибкость, например, в переговорах с ООН. Параллельно развивались асимметричные методы, в т. ч. прокси-группы и управляемый хаос в зонах конфликтов, что позволило сохранить влияние при минимальных издержках.

Таким образом, ирано-иракская война радикально изменила внешнеполитическую идеологию Ирана, превратив ее в синтез теократического мессианства, национальной исключительности и прагматизма. Осознание провала панисламизма и переход к концепции Ирана как уникальной цивилизации позволили адаптировать цели к международным реалиям, при этом культ шахидства и готовность к самопожертвованию остались ключевыми элементами политики.

Современная иранская элита, в т. ч. А. Хаменеи, М. Галибаф и А. Лариджани, в значительной степени состоит из людей, прошедших ирано-иракскую войну, что сформировало их мировоззрение и подход к решениям. Согласно А. Джорджу, операциональные коды включают убеждения политического лидера о природе политики и политического конфликта, его взгляды на степень возможности влияния на исторические процессы и представления о надлежащей стратегии и тактике [George, 1969, p. 197]. По классификации, впервые разработанной А. Джорджем и дополненной С. Уокером [Progress in International Relations Theory, 2003, p. 245–276], ирано-иракская война способствовала развитию у иранских политических элит операционального кода, сочетающего черты типов В и DEF. Подобно представителям типа В, они воспринимают конфликты как результат враждебных действий противников. Современная внешнеполитическая стратегия Ирана сочетает сдержанность с готовностью применить силу при приемлемом уровне риска. В то же время элементы типа DEF проявляются в пессимистичном взгляде на предсказуемость международной среды, настороженности в отношении Запада, стратегической гибкости и решимости прибегнуть к крайним мерам при исчерпании дипломатических вариантов.

Одним из главных уроков ирано-иракской войны для Ирана стало развитие ракетной программы. Отсутствие у Ирана ракет малой и средней дальности в 1980-х гг. мешало обороне в условиях «войны городов», когда Ирак обстреливал Тегеран и другие иранские города ракетами, в т. ч. ракетами «Эль-Хусейн», модификацией советских ракет ОТРК «Эльбрус». Хотя удары не были эффективны с сугубо военной точки зрения, удары оказывали сильное психологическое воздействие на иранцев из-за неспособности ПВО их перехватить²⁷. Иран убедился на собственном опыте, что международное сообщество не защитит его даже от химического оружия. Этим объясняется позиция Ирана в защиту своей региональной политики и ракетной программы как ключевых элементов его безопасности²⁸. После войны Иран также

возобновил ядерную программу как инструмент экономического восстановления, сдерживания внешних угроз и статуса лидера на Ближнем Востоке и в исламском мире [Бадретдинова, 2017, с. 503], а за реализацию данной программы, наряду с ракетной, отвечает КСИР. Кроме того, Иран участвует в прокси-конфликтах, избегая прямых войн, уклоняясь от столкновений с США и Израилем и ограничиваясь опосредованным противостоянием с ними (до недавнего времени – и с Саудовской Аравией).

До 1979 г. Иран получал современное вооружение с Запада, иногда даже раньше, чем оно ставилось на поток в странах-производителях: например, американские истребители Grumman F-14 Tomcat²⁹ и эскадренные авианосцы типа «Кидд» (вторые шах получить не успел)³⁰, британские боевые танки «Чифтен»³¹. Исламская революция ослабила армию Ирана: репрессии против командования снизили боеспособность, а ирано-иракская война усугубила потери. Новое руководство Ирана создало армию нового типа, опираясь на религиозные ценности. Приоритетами стали сбор и изучение военных технологий и производство вооружений, развитие НИОКР и импортозамещение в военной сфере [Сажин, 2019]. Иран наладил военное сотрудничество с СССР, странами КНР, КНДР и Бразилией, а также получал вооружение из ФРГ, Швейцарии и Японии [Cordesman, 2003, р. 8–9]. В условиях эмбарго Иран использовал различные способы закупок оружия, приобретя его на сумму более 15,7 млрд долл. США у 26 стран в 1979–1986 гг. [Сажин, 2019]. Одновременно Иран активизировал разработку собственного вооружения. К 1985 г. число военных предприятий выросло на 50%, а занятых в ВПК – вдвое. Была восстановлена Организация оборонной промышленности, объединившая 40 заводов и 12 тыс. частных предприятий [Сажин, Бондарь, 2014, с. 77]. После прихода к власти исламское руководство Ирана прекратило деятельность американских военных советников в иранской армии, аннулировало оружейные контракты с США, вышло из СЕНТО, вывело силы из Омана и рассекретило американские базы на своей территории [Сажин, 2019].

Ирано-иракская война ускорила военное строительство в Иране, но духовенство не доверяло армии, связанной с шахским режимом. В 1979 г. из отдельных дивизий революционных комитетов был создан КСИР, следовавший принципам хомейнизма. В 1980 г. были созданы Силы «Аль-Кудс», а КСИР получил контроль над ополчением «Басидж». КСИР занялся реорганизацией военной промышленности, получив инвестиции в ракетные технологии [Воскресенский, 2023]. В 1985 г. состав КСИР расширился до 250 тыс. человек, и он стал одной из двух главных военных структур страны, имея сухопутные, военно-воздушные (с 2012 г. — аэрокосмические) и военно-морские силы³². Примечательно, что карьера многих высокопоставленных офицеров КСИР, в т. ч. генерала К. Сулеймани и его преемника на посту командующего спецподразделением КСИР «Аль Кудс» И. Каани, началась в период ирано-иракской войны.

В ходе ирано-иракской войны началась исламизация ВС Ирана, что привело к реорганизации армии и КСИР. Усилилась религиозная пропаганда в армии: в нее внедряли исламских представителей, выполнявших функции замполитов [Сажин, 2019].

Таким образом, после ирано-иракской войны развитие ВС Ирана шло по трем направлениям: модернизация и исламизация армии, усиление КСИР и укрепление «Басидж». Эволюция ВС была связана с модернизацией ВПК, который сегодня способен производить разнообразное оружие, в т. ч. ракеты и БПЛА, которые играют важную роль в иранских военных операциях, особенно против Израиля. Численность регулярных ВС Ирана составляет до 755 тыс. человек, из которых до 500 тыс. — в сухопутных войсках, около 100 тыс. — в ВВС, до 40 тыс. — в ВМС, порядка 90 тыс. — в «Басидж» и около 25 тыс. — в спецподразделении «Аль Кудс». Данные могут варьироваться из-за секретности информации, однако, для сравнения, в начале ирано-иракской войны численность ВС Ирана составляла 220-240 тыс. человек³³.

Секьюритизация [Buzan et al., 1998] военной безопасности Ираном после ирано-иракской войны включает несколько элементов: субъектом является иранская элита, сформировавшая свое мировоззрение на основе военного опыта; объектом – безопасность Ирана (на восприятие которой сильно повлияли угрозы со стороны Ирака); аудиторией – иранское общество и международные игроки (в т.ч. США, Израиль и арабские страны); секьюритизирующие действия заключаются в развитии ракетной программы, ядерных технологий, собственных вооружений, укреплении КСИР и прокси-сетей.

Взаимодействие Ирана и Ирака в ходе войны может быть представлено через матрицу игры «ястребы и голуби», где «ястребиная» позиция означает военную агрессию, а «голубиная» – стремление к мирному решению конфликта (табл. 1).

Ирано-иракская война привела к тяжелым потерям для обеих сторон, которые свидетельствуют о нарушении условий Парето-оптимальности (улучшение положения одного из игроков невозможно без ухудшения положения другого) и о дестабилизации равновесия по Нэшу (наличие такой конфигурации стратегий, при которой ни один из игроков не заинтересован в одностороннем изменении собственной стратегии при неизменном поведении другого) [Дегтерев, Дегтерев, 2011, с. 80]. Обе страны применяли «ястребиные» стратегии, стремясь к одностороннему военному превосходству, но продолжение боевых действий увеличивало издержки, не приближая к целям.

	Ирак – ястреб	Ирак – голубь
Иран – ястреб	(-10; -10)	(5; -5)
Иран – голубь	(-5; 5)	(0; 0)

Табл. 1 – Взаимодействие между Ираном и Ираком в ходе ирано-иракской войны в рамках матрицы игры «ястребы и голуби».

В результате конфликта обе стороны оказались в худшем положении, чем до войны. Реализованные стратегии привели к взаимному истощению ресурсов и неспособности достичь целей. Несмотря на достижение локальной Парето-оптимальности на поздних этапах войны – когда ни одна из сторон уже не могла улучшить свое положение без нанесения дополнительного ущерба противнику, – общий исход был Парето-неэффективным, поскольку компромиссное урегулирование на ранних этапах могло бы привести к меньшим издержкам. И Иран, и Ирак завершили конфликт в худшем положении, чем до его начала.

Равновесие по Нэшу не было достигнуто, т. к. стратегии сторон изменялись на протяжении конфликта из-за ошибочных оценок мотивации, ресурсов и готовности к эскалации со стороны противника. Высокая цена компромисса, связанная с репутационными потерями в глазах внутренней и внешней аудитории и идеологическим поражением, препятствовала переходу к взаимоприемлемой стратегии. Вынужденное перемирие, достигнутое в 1988 г., не воспринималось ни Ираном, ни Ираком как оптимальный или приемлемый исход конфликта.

После войны Иран вышел за пределы классической теории игр: он принял оборонительную доктрину, сосредоточился на предотвращении внешних угроз и сохранении суверенитета, в т. ч. в связи с возможной конфронтацией с США и Израилем. Иран нарастил военный потенциал, разработал асимметричные подходы к ведению войны, инвестировал в ракетную и ядерную программы. Несмотря на краткосрочные потери, Иран превратил последствия конфликта в долгосрочное преимущество, укрепив позиции в региональной системе. Ирак, напротив, столкнулся с внешней интервенцией и распадом государственных институтов.

Краткосрочные поражения с точки зрения теории игр не исключают стратегической победы в долгосрочной перспективе, поскольку классические модели теории игр обычно ограничены временными рамками. В международных отношениях конфликты

часто имеют пролонгированные последствия, и международная система характеризуется замедленными или отсутствующими циклами обратной связи, т. к. государства могут извлекать геополитические выгоды ретроспективно.

В речи аятоллы Хаменеи на 40-летие ирано-иракской войны (2020) основная тема – победа Ирана в конфликте как важный этап борьбы за независимость против внешнего вмешательства. Иран представлен как страна, сохраняющая территориальную целостность вопреки давлению мировых держав; США, СССР и НАТО упоминаются как поддержавшие Ирак. Хаменеи обращает внимание не только на военную, но и моральную силу Ирана, поддерживаемую народом и наследием лидерства Хомейни. Также упоминается К. Сулеймани, чья судьба символизирует продолжение борьбы угнетенных и сакральность шахидства³⁴.

Ирано-иракская война продолжает оказывать влияние на коллективную память иранцев, мифологию и современную идеологию, политико-военные процессы внутри страны и за ее пределами. Война способствовала развитию культа мученичества и концепции «Священной обороны», ставших основой государственной идеологии и внешнеполитических и военных действий Ирана.

Мемориализация героев войны и военные парады играют важную роль в государственной политике Ирана по поддержанию внутренней сплоченности и демонстрации силы на международной арене. После войны Иран сосредоточился на развитии военной промышленности, ракетной и ядерной программ для укрепления обороноспособности и суверенитета. Современная военная стратегия включает укрепление КСИР, народного ополчения и развитие собственных вооружений, а также расширение военного присутствия через сеть прокси.

Примечания

1. Azarmehr P. Opinion: Is the British Government Supporting the Ayatollahs? KAYHAN LIFE, 2022. <https://kayhanlife.com/views/opinion-is-the-british-government-supporting-the-ayatollahs/> (accessed: 14.02.2025).
2. Хомейни Р. (خمینی روحالله). Тутэ'хай-е Амрика алейхе Иран (Заговоры Америки против Ирана (توطئه‌های آمریکا علیه ایران). Пайгах-е джаме' эмам Хомейни рахматуллахе алейх – маталеб (Всеобъемлющий портал имама Хомейни, да пребудет с ним милость Аллаха – Мате р и а л ы; پایگاه جامع امام خمینی رحمة الله علیه; 1979. [Khomeini R. Tote'ehaye Amrika aleihe Iran (American Plots against Iran). Paygah-e Jame' Imam Khomeini Rahmatullahi Alayh – Matabeb (The Comprehensive Portal of Imam Khomeini, May Allah's Mercy Be Upon Him – Materials). 1979 (in Persian)] <https://web.archive.org/web/20160522133828/http://emam.com/posts/view/15718/Speech/> (accessed: 14.02.2025).
3. Воронцов А. ЦРУ обеспечило Саддаму «железное алиби» Защита Хусейна может развалить его дело, опираясь на материалы американской разведки. Lenta.ru, 2004 [Vorontsov A. The CIA provided Saddam with an “ironclad alibi.” Hussein's defense could dismantle his case by relying on American intelligence materials. Lenta.ru, 2004 (in Russian)] <https://lenta.ru/articles/2004/07/05/cia/> (accessed: 14.02.2025).
4. «Это был суд победителя над побеждённым»: судья и врач о процессе над Саддамом Хусейном. РТ на русском, 2016 [“It Was the Trial of the Victor over the Vanquished”: A Judge and a Doctor on the Trial of Saddam Hussein. RT Russian, 2016 (in Russian)] <https://russian.rt.com/article/157965> (accessed: 14.02.2025).
5. Dutch court orders company to compensate 5 Iranians for supplying Iraq with mustard gas. Reuters, 2023. <https://www.reuters.com/world/middle-east/dutch-court-orders-company-compensate-5-iranians-supplying-iraq-with-mustard-gas-2023-11-15/> (accessed: 14.02.2025).
6. Суд Ирана обязал США выплатить \$245 млн за химатаки армии Саддама Хусейна. РБК, 2017 [Iran's court ordered the U.S. to pay \$245 million for the chemical attacks by Saddam Hussein's army. RBC, 2017 (in Russian)] <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2017/5999e3629a79472d6da2bd5d> (accessed: 14.02.2025).
7. Charbonneau L. In New York, defiant Ahmadinejad says Israel will be “eliminated”. Reuters, 2012. <https://www.reuters.com/article/world/in-new-york-defiant-ahmadinejad-says-israel-will-be-eliminated-idUSBRE88N0HG/> (accessed: 14.02.2025).

8. Burns J.F. Ayatollah Rebukes Iran Liberals and U.S. The New York Times, 1999. <https://www.nytimes.com/1999/11/04/world/ayatollah-rebukes-iran-liberals-and-us.html> (accessed: 14.02.2025).
9. «Смерть Израилю», «Смерть Америке»: В Иране празднуют годовщину исламской революции. ИА Регнум, 2013 [“Death to Israel”, “Death to America”: In Iran, the anniversary of the Islamic Revolution is being celebrated. Regnum, 2013 (in Russian)] <https://regnum.ru/news/1623675> (accessed: 14.02.2025).
10. Как в Иране поминают своих героев-мучеников (+фото). Исламосфера, 2019 [How Iran Commemorates Its Hero-Martyrs (+photos). Islamosfera, 2019 (in Russian)] <https://islamosfera.ru/en/kak-v-irane-pominayut-svoix-geroev-muchenikov-foto/> (accessed: 14.02.2025).
11. Иран призвал Пентагон рассекретить данные о человеческих потерях во время ирано-иракской войны. IRNA Русский, 2018 [Iran has urged the Pentagon to declassify data on human casualties during the Iran-Iraq War. IRNA Russian, 2018 (in Russian)] <https://ru.irna.ir/news/3581976/Иран-призвал-Пентагон-рассекретить-данные-о-человеческих-потерях> (accessed: 14.02.2025).
12. В Иране прошли массовые похороны погибших в войне 80-х годов в Ираке. ИА Красная Весна, 2022 [Mass funerals were held in Iran for those who died in the 1980s war in Iraq. Krasnaya Vesna, 2022 (in Russian)] <https://rossaprimavera.ru/news/f46cc3ff> (accessed: 14.02.2025).
13. Таший' ва хаксипари пейкар шахид Храч Хакопян (Похороны и захоронение тела мученика Грача Акопьяна (تشییع و خاکسپاری پیکر شهید هراچ هاکوپیان). ИРНА (ИРН 2018. ایرنا). [Tashiy' va khaksipari peykar shahid Hrach Hakopian (The funeral and burial of the martyr Hrach Akopian). IRNA (IRNA). 2018 (in Persian)] <https://www.irna.ir/photo/84062097/تشییع-و-خاکسپاری-پیکر-شهید-هراچ-هاکوپیان> (accessed: 14.02.2025).
14. Иринин Д. В Иране представили новую баллистическую ракету: Оружие: Наука и техника. Lenta.ru, 2022 [Irinin D. A New Ballistic Missile Unveiled in Iran: Weaponry: Science and Technology. Lenta.ru, 2022 (in Russian)] <https://lenta.ru/news/2022/09/23/rezvan/> (accessed: 14.02.2025).
15. New Iranian ballistic missiles were unveiled today. IRNA English, 2024. <https://en.irna.ir/news/85602726/New-Iranian-ballistic-missiles-were-unveiled-today> (accessed: 14.02.2025).
16. Iran parades new 'longest-range' drone on Iraq war anniversary, state media report. Reuters, 2023. <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-parades-new-longest-range-drone-iraq-war-anniversary-state-media-2023-09-22/> (accessed: 14.02.2025).

17. Iran parades 23 ballistic missiles, unveils new drone with 4,000 km range. Press TV, 2024. <https://www.presstv.ir/Detail/2024/09/21/733681/Iran-unveils-new-homegrown-Jihad-ballistic-missile,-Shahed-136B-drone-as-it-marks-Sacred-Defense-Week> (accessed: 14.02.2025).
18. ВСИРИ – Верховный совет исламской революции в Ираке.
19. Организация «Исламское государство Ирака и Леванта» признана террористической, и ее деятельность запрещена в РФ решением ВС РФ от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С.
20. Islamic State says Iran attack will not be the last – al Furqan. Reuters, 2018. <https://www.reuters.com/article/us-iran-military-attack-islamicstate/islamic-state-says-iran-attack-will-not-be-the-last-al-furqan-idUSKCN1M62FS/> (accessed: 14.02.2025).
21. The Latest: UN Chief Offers Condolences Over Attack in Iran. U.S. News, 2018. <https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-09-22/the-latest-iranian-news-agency-20-wounded-in-parade-attack> (accessed: 14.02.2025).
22. В Иране назвали презентацию «Хайбара» символом оборонной мощи страны. РИА Новости, 2023 [In Iran, the “Khaibar” presentation was called a symbol of the country's defensive power. RIA Novosti, 2023 (in Russian)] <https://ria.ru/20230525/raketa-1874166385.html> (accessed: 14.02.2025).
23. Iranian channels interrupted the broadcast and launched a military anthem. EADaily, 2024. <https://eadaily.com/en/news/2024/08/03/iranian-channels-interrupted-the-broadcast-and-launched-a-military-anthem> (accessed: 14.02.2025).
24. В Тегеране почтили память погибших за Иран солдат-евреев – видео. Haqqin, 2019 [In Tehran, the memory of Jewish soldiers who died for Iran was honored – video. Haqqin, 2019 (in Russian)] <https://haqqin.az/news/161891> (accessed: 14.02.2025).
25. Главный раввин Ирана: Израиль не имеет никакого отношения к иудаизму. IslamNews, 2020 [The Chief Rabbi of Iran: Israel has nothing to do with Judaism. IslamNews, 2020 (in Russian)] <https://islamnews.ru/glavnyy-ravvin-irana-izrail-ne-meet-nikakogo-otnosheniya-k-iudaizmu> (accessed: 14.02.2025).
26. Три улицы в Тегеране названы в честь армянских бойцов ирано-иракской войны. Sputnik Армения, 2021 [Three streets in Tehran have been named in honor of Armenian fighters of the Iran-Iraq War. Sputnik Armenia, 2021 (in Russian)] <https://am.sputniknews.ru/20210609/Tri-ulitsy-v-Tegerane-nazvany-v-chest-armyanskikh-boytsov-Irano-irakskoy-voyny-27863582.html> (accessed: 14.02.2025).
27. «Эльбрус» за Кушкой – Юрий Лямин. LiveJournal, 2017 [“Elbrus beyond Kushka” – Yuri Lyamin. LiveJournal, 2017 (in Russian)] <https://imp->

navigator.livejournal.com/654953.html?thread=9216361#t9216361 (accessed: 14.02.2025).

28. МИД Ирана: Тегеран не будет вести переговоры по ракетной программе. ТАСС, 2018 [Iran's Foreign Ministry: Tehran will not negotiate on its missile program. TASS, 2018 (in Russian)] <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5509617> (accessed: 14.02.2025).

29. Tomcats To Super Flankers: Iran Might Soon Receive Its Most Advanced Fighter In Almost 50 Years. Forbes, 2023. <https://www.forbes.com/sites/pauliddon/2023/05/12/tomcats-to-super-flankers-iran-might-soon-receive-its-most-advanced-fighter-in-almost-50-years/> (accessed: 14.02.2025).

30. Капцов О. Аятолла под чужим флагом. Военное обозрение, 2012 [Kaptsov O. The Ayatollah under a foreign flag. Voennoe obozrenie, 2012 (in Russian)] <https://topwar.ru/10524-ayatolla-pod-chuzhim-flagom.html> (accessed: 14.02.2025).

31. Рябов К. Экспортные модификации танка Chieftain. Военное обозрение, 2013 [Ryabov K. Export modifications of the Chieftain tank. Voennoe obozrenie, 2013 (in Russian)] <https://topwar.ru/30861-eksportnye-modifikacii-tanki-chieftain.html> (accessed: 14.02.2025).

32. Винник Е. Сколько солдат в Иране и какая у них техника? Вестник Кавказа, 2023 [Vinnik E. How many soldiers are there in Iran and what kind of equipment do they have? Vestnik Kavkaza, 2023 (in Russian)] <https://vestikavkaza.ru/analytics/skolko-soldat-v-irane-i-kakaa-u-nih-tehnika.html> (accessed: 14.02.2025).

33. Там же.

34. During the Sacred Defense, Iran single-handedly defeated the US, the USSR and the West. Khamenei.ir, 2020. <https://english.khamenei.ir/news/7970/During-the-Sacred-Defense-Iran-single-handedly-defeated-the> (accessed: 14.02.2025).

Список литературы / References

Але-Ахмад Дж. *Гарбзадеги*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024 [Ale-Ahmad J. *Gharbzadegi*. Moscow: Ad Marginem Press, 2024 (Russian translation)] <https://onlinelit.net/book/garbzadegi#tx> (accessed: 14.02.2025).

Алонцев М.А., Смагин Н.А. «Каждый день – Ашура»? Трансформация нарратива мученичества в общественно-политическом дискурсе современного Ирана. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2022. № 1. С. 119–149 [Alontsev M.A., Smagin N.A. “Every Day is Ashura”? The Transformation of the Martyrdom Narrative in the Socio-Political Discourse of Contemporary Iran. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2022. № 1. Pp. 119–149 (in Russian)].

Бадретдинова М.Э. Ядерная программа Ирана как инструмент для регионального лидерства. *Молодой ученый*. 2017. № 13 (147). С. 501–503 [Badretdinova M.E. Iran's Nuclear Program as a Tool for Regional Leadership. *Molodoj uchenyj*. 2017. No. 13 (147). Pp. 501–503 (in Russian)] <https://moluch.ru/archive/147/41319/> (accessed: 14.02.2025).

Виноградова С.А. Отражение традиционных идей и ценностей Ирана в международных договорах. *Образование и право*. 2021. № 4. С. 111–115 [Vinogradova S.A. The Reflection of Traditional Iranian Ideas and Values in International Treaties. *Obrazovanie i pravo*. 2021. No. 4. Pp. 111–115 (in Russian)].

Воскресенский В.Г. КСИР в структуре Вооруженных Сил Ирана и жизни иранского общества. *Национальная оборона*. 2023 [Voskresensky V.G. The IRGC in the Structure of Iran's Armed Forces and Iranian Society. *Natsional'naya oborona*. 2023 (in Russian)] <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/ksir-v-strukture-vooruzhennyh-sil-irana-i-zhizni-iranskogo-obshchestva-44451.shtml> (accessed: 14.02.2025).

Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х. Теория игр и международные отношения. *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 2. С. 79–89 [Degterev D.A., Degterev A.H. Game Theory and International Relations. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2011. No. 2. Pp. 79–89 (in Russian)] <https://mgimo.ru/upload/iblock/6c5/6c5bda17327825237d0eb1bfl1aa4d858.pdf> (accessed: 14.02.2025).

Кузнецов А.А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. [Kuznetsov A.A. Sunni-Shiite Contradictions in the Geopolitical Context of the Middle East Region (1979–2016). Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2020 (in Russian)].

Пезешк-зод И. *Дядюшка Наполеон*. М.: Художественная литература, 1981 [Pezeshk-zod I. *Da'i-i jan Napuli'un* (دایی جان ناپلئون). Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1981 (Russian translation)] https://royallib.com/read/pezeschkzod_iradg/dyadyushka_napoleon.html#0 (accessed: 14.02.2025).

Сажин В.И. Эволюция вооруженных сил Ирана в послереволюционный период. *Международная жизнь*. 2019 [Sazhin V.I. The Evolution of Iran's Armed Forces in the Post-Revolutionary Period. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2019 (in Russian)] <https://interaffairs.ru/news/show/22262> (accessed: 14.02.2025).

Сажин В.И., Бондарь Ю.М. *Военная мощь Исламской Республики Иран*. М.: Издательство Московского университета, 2014 [Sazhin V.I., Bondar' Y.M. *The Military Power of the Islamic Republic of Iran*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014 (in Russian)].

Сченснович В.Н. Иран: внешняя политика (аналитический обзор). *Россия и мусульманский мир*. 2019. № 3 (313). С. 73–87 [Schensnovich V.N. Iran: Foreign Policy (Analytical Review). *Rossiya i musul'manskij mir*. 2019. No. 3 (313). Pp. 73–87 (in Russian)].

Фаттахи М. *Фарангис*. М.: Садра, 2020 [Fattahi M. *Farangis* (فرنگیس). Moscow: Sadra, 2020 (Russian translation)] <https://onlinelit.net/book/farangis#tx> (accessed: 14.02.2025).

Хрусталева М.А. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. [Hrustalev M.A. *Analysis of International Situations and Political Expertise*. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press", 2015 (in Russian)].

Чикризова О.С. Дихотомия «Обездоленные – высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений. *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. 2017. № 2. С. 279–289 [Chikrizova O.S. The Dichotomy of "The Dispossessed vs. The Arrogant" in the Shiite Perception of International Relations. *Vestnik RUDN*. International Relations. 2017. No. 2. Pp. 279–289 (in Russian)].

Buzan B. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1998. https://www.academia.edu/35332225/Security_a_New_Framework_for_Analysis (accessed: 14.02.2025).

Cordesman A.H. *The Combination of Iraqi Offensives and Western Intervention Force Iran to Accept a Cease-Fire: September 1987 to March 1989*. The Lessons of Modern War – Volume II: Iran–Iraq War. Center for Strategic and International Studies, 2003. <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs->

public/legacy_files/files/media/csis/pubs/9005lessonsiraniraqii-chap10.pdf (accessed: 06.04.2025).

Elman C., Elman M.F. *Progress in International Relations Theory*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2003.

George A. The 'Operational Code': A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making. *International Studies Quarterly*, Vol. 13, No. 2. 1969. Pp. 190–222. https://is.muni.cz/el/fss/podzim2019/MVZb2056/um/operational_code_-_George.pdf (accessed: 14.02.2025).

ANNA POLYAKOVA

The Factor of the Iran-Iraq War in Forming Iran's Modern Foreign Policy and Military Strategy

MGIMO University, Moscow

polyakovaannaa@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-7245-2575

Abstract. The Iran-Iraq War (1980-1988) is not the only but a significant factor influencing Iran's foreign policy and military strategy. This article examines the war's impact on the strategic thinking of Iran's leadership, including the development of 'strategic depth', the defense industry, missile and nuclear programs, a proxy network, asymmetric warfare tactics, and the strengthened role of the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC).

The aim of this study is to identify the role of the Iran-Iraq War in shaping Iran's modern foreign policy discourse and military strategy. The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the topic, using constructivist, game-theoretic and structural-system approaches, operational codes theory, and content analysis. The significance of the study is determined by its relevance in understanding the long-term consequences of the war for Iran's behavior as a key regional actor in the Middle East.

The research relies on various sources, including public speeches by R. Khomeini and A. Khamenei, official documents and statements of Iran's authorities, and materials from Iranian, Russian, and Western media.

Keywords: Iran-Iraq War, Iran's foreign policy, Iran's military strategy, Iran's state ideology.

РАСТВОРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

**Цикл «История святого Стефана» Витторе Карпаччо
в контексте мамлюко-венецианских отношений
начала XVI века**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук, Москва; бакалавриат, 4 курс*

varastvorov@edu.hse.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу живописного цикла «История святого Стефана» Витторе Карпаччо в контексте отношений Венецианской республики и Мамлюкского султаната в условиях борьбы с Османской империей и Португалией. В результате прочтения образов и политических отсылок цикла и его соотнесения с ключевыми для рассматриваемых государств событиями выявлена определенная внешнеполитическая программа, отраженная в исследуемом визуальном материале.

Ключевые слова: Витторе Карпаччо, Мамлюкский султанат, Венецианская республика, святой Стефан, османо-мамлюкское соперничество.

Научный руководитель: Дружинина И.А., к. и. н., доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник центра византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН.

В начале XVI в. отношения Мамлюкского султаната и Венецианской республики, основанные на взаимовыгодных экономических процессах, испытывали серьезные вызовы. Во-первых, одну из ключевых ролей в Средиземноморье стала играть Османская империя, с которой Мамлюкский султанат уже вступал в военный конфликт (1485–1491). Во-вторых, открытие португальцами морских торговых путей в Индийском океане привели к столкновению с интересами Каира, который располагал инфраструктурой для доставки товаров с восточного побережья султаната в Средиземное море. Комплекс этих военно-политических и экономических факторов ставил под вопрос само существование Мамлюкского султаната.

Во многом решающую роль в данном противостоянии могла сыграть, оказав поддержку Каиру, Венеция. Ставку на своего ключевого европейского партнера делал и султанат, что доказывают активные дипломатические контакты: за короткое время было совершено мамлюкское посольство, закончившееся подписанием договора 1507 г. [Wansbrough, 1963, p. 22], и состоялось венецианское посольство, принятое султаном аль-Гаури и к тому же запечатленное на картине художника школы Джентиле Беллини [Behrens-Abouseif, 2024, p. 117; Fig. 21]. При этом внутри самой Венеции, по мнению автора, по-видимому, существовала внутренняя полемика о целесообразности поддержки Мамлюкского султаната, которая нашла свое выражение в различных живописных программах венецианских художников [Растворов, 2024, с. 195]. Об этом свидетельствует ряд особенностей рассматриваемых картин. Во-первых, исследуемый визуальный материал содержит достаточно точные изображения венецианцев и мамлюков: достаточно точные внешние образы акторов полотен привлекаются историками костюма в качестве источников [Behrens-Abouseif, 2024]. Во-вторых, для изображения мамлюков и венецианцев выбираются сюжеты, основанные на сценах из жизни святых (например, первомученика Стефана, апостола-евангелиста Марка), которые транслировали определенную смысловую программу кругу наблюдателей картин. В-третьих, выбранные художниками сцены включают не просто изображения мамлюков как символа «Востока», а помещают их в диалог с венецианцами, наделяют мамлюков определенными действиями в отношении святых.

Первым рассматриваемым художником, в творчестве которого есть обращение к мамлюкской тематике, а также прослеживается визуальная полемика об оказании Венецией поддержки султаната, стал Витторе Карпаччо (1465–1525/1526). Будучи одним из ведущих мастеров раннего венецианского Возрождения, Карпаччо создал масштабную живописную школу, оставил впечатляющее количество работ, знаменующих высокую популярность художника [Brooke, 2004, p. 303]. Одним

из последних масштабных циклов Карпаччо стала серия картин, посвященных житию первомученика Стефана: Посвящение святого Стефана в дьяконы [Staatliche Museen zu Berlin, 1511], Проповедь Святого Стефана [Louvre, Département des Peintures, 1^e quart du XVI^e siècle, ок. 1514], Диспут святого Стефана в Синагогии [Brera Pinacoteca, 1514], Мученичество святого Стефана [Staatsgalerie Stuttgart, 1520]. Работа над циклом заняла 9 лет (1511–1520), на которые пришлись важнейшие вехи в истории противостояния Мамлюкского султаната с Османской империей и Португалией, а также его поражение. И при деконструкции цикла – детальном анализе языка визуального материала, соотнесении его с датами завершения работы над картинами – обнаруживается взаимосвязь содержания полотен и внешнеполитических событий.

Начало работы над циклом приходится на время, когда мамлюки потерпели поражение от португальцев (1509 г.), потеряв позиции в Индийском океане [Petru, 2022, p. 50]. Венеция не поддержала султанат, однако в результате этого поражения сама столкнулась с рядом проблем. Так, османо-португальский союз угрожал торговому потоку из Индийского океана в Александрию, от которого зависела Венецианская республика. Это усилило полемику внутри Венеции о необходимости и важности помощи Каиру, а визуальным выразителем этой полемики становится именно Витторе Карпаччо.

Первые картины цикла посвящены обращению святого Стефана к христианству и его дальнейшей проповеди. В этих сценах мамлюки и венецианцы, помещенные в композиционный центр полотен, находятся в постоянном диалоге. При этом особое значение имеют выбранные сцены жития первомученика Стефана и связанные с ними традиции смыслового прочтения. Этим объясняется и выбор первомученика, не самого очевидного образа для сложных полемических выражений визуальным языком, для создания цикла: в Деяниях Апостолов Стефан предстает святым, постоянно участвующим в диспутах (символ полемики),

ищущим разрешение споров (в данном случае – о судьбе отношений с Мамлюкским султанатом).

Другой особенностью цикла является нарочитый акцент на помещении святого Стефана, жившего в I в. н.э., в контекст мусульманского города. Так, Иерусалим, связанный с житием святого Стефана [Marshall, 1984, p. 610], обретает характерные архитектурные и декоративные черты мамлюкского города: минареты, геральдические медальоны султанов Бурджи. Точность изображения особенностей городского пространства не является случайной: венецианский посол Доменико Тревизан в 1512 г. в течение двух месяцев был удостоен семи аудиенций у султана Кансуха аль-Гаури, посетил знаковые места Каира, Матарии, Иерусалима, Синая, а также составил доклад о своей миссии [Bauden, Dekkiche, 2019, p. 694]. Сам Карпаччо являлся свидетелем мамлюкского посольства в Венецию во главе с Тагри Берди, что вполне позволяло ему использовать накопленные знания и наблюдения о мамлюкском костюме, геральдике для составления своих живописных программ. Такой визуальный язык при этом, видимо, не является случайностью: более подходящим и популярным в контексте ренессансной традиции являлось бы изображение античного городского пространства, но Карпаччо нарочито отходит от этого правила.

При этом для Карпаччо мамлюки не являются выразителями обобщенного образа «восточного»: во многих своих картинах, посвященных религиозным сюжетам и созданных в близкие хронологические рамки, художник обходится без изображения мамлюков и мусульманского контекста. Примером такой работы является «Бегство в Египет» [National Gallery of Art, 1915]. Несмотря на подходящий сюжет для изображения египетского визуального контекста, Карпаччо фокусируется на обобщенных изображениях пейзажа и исключает из визуального ряда мамлюков.

Особый интерес представляет сюжет второй картины цикла «Проповедь святого Стефана». Так, пострадавший от ложного

навета первомученик смог оправдать себя защитительной речью [Деян. 6:10; Деян. 7]. Среди слушающих проповедь Стефана находится и сам мамлюкский султан, выделяющейся благодаря характерному головному убору «водяное колесо». Этот сюжет соответствует и событиям мамлюко-венецианских отношений тех лет, на которые пришлась работа над картиной. В 1511 году венецианский консул в Дамаске за получение писем от персидского Шаха Исмаила, соперника султаната, был обвинён в измене. В 1512 году Венеция отправила Доменико Тревизана в Каир для урегулирования этого дела, а его посольство увенчалось успехом [Bauden, Dekkiche, 2019, p. 693]. Шах Исмаил объявлял себя лидером шиитского мира, создавая тем самым оппозицию суннитским султанам османов и мамлюков, которые вступали в борьбу с персидским шахом в 1514–1516 гг. [Petru, 2022, p. 50]. Так, этим полотном Карпаччо выразил необходимость диалога с султанатом, который позволит сохранить выгодные для Венеции контакты с Каиром. При этом другой особенностью картины является предвосхищающий мучения Стефана образ – каменный постамент, разбитый у основания на отдельные камни. Именно камни стали орудием мученичества Стефана, ввиду чего их помещение на передний план не может оказаться случайным, но в то же время он не имеет и однозначной трактовки: или заказчики Карпаччо показывают опасность интриг венецианцев с врагами султанатов и необходимость конечного выбора, или, напротив, демонстрируют пагубность союза Венеции и султаната [Растворов, 2024, с. 199].

В третьей картине цикла визуальный язык Карпаччо теряет прежнюю остроту, но сохраняет смысловую полемическую выразительность, так как полотно посвящено диспуту Стефана в Синаедрионе. Картина лишена намеков на будущее мученичество (убраны каменные груды), но изобилует находящимися в процессе диалога венецианцами и мамлюками.

К моменту завершения работы над циклом произошли коренные перестановки сил в регионе. Пользуясь оказанной ранее мамлюкам помощью, османы продолжают экспансию в Йемене [Petry, 2022, p. 50], в 1516 г. на поле Мардж Дабик к северу от Алеппо османы нанесли сокрушительное поражение мамлюкам, в результате которого погиб и Кансух аль-Гаури [Илюшина, 2022, с. 384]. В 1517 г. Мамлюкский султанат прекратил свое существование как независимое государство. В 1520 г. Карпаччо завершает работу над последней картиной цикла – «Мученичество святого Стефана». Мамлюки здесь становятся мучителями святого, закидывая его камнями, уже появлявшимися на второй картине цикла. Отсутствуют любые символы диалога. Возможно, к этому моменту заказчики Карпаччо разочаровались в идее оказания помощи султанату и переориентировали свое внимание на выстраивание отношений с Османской империей.

Таким образом, в исследовании представлена новая оптика изучения наследия венецианского художника Витторе Карпаччо. Обращение к изображению мамлюков и соответствующих атрибутов в его творчестве, сопряженное с анализом политической ситуации начала XVI в., позволило выявить выраженную художником политическую программу Венецианской республики. Цикл «История святого Стефана» аллегорически транслирует взаимоотношения между двумя государствами, а также ставит вопрос о поддержке мамлюков в борьбе с Османской империей. Актуальным остается вопрос о заказчиках цикла, их политической роли внутри Венецианской республики и их персональных связях с Мамлюкским султанатом.

Список литературы / References

Илюшина М.Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Диссертация докт. истор. наук. СПб: НИУ ВШЭ, 2022 [Iliushina M. The Political History of the Burji Mamluk Sultanate (1382–1517): the Struggle for Power in a Non-Dynastic Succession System. Doctoral dissertation in History. St. Petersburg: National Research University Higher School of Economics, 2022 (in Russian)].

Растворов В.А. Живописные программы мастеров венецианского Возрождения начала XVI в. как визуализация полемики о венециано-мамлюкских отношениях. *ByzantinoCaucasica*. 2024. Выпуск 4. С. 193–214 [Rastvorov V.A. The Picturesque Programs of the Masters of the Venetian Renaissance in the Early 16th Century as a Visualization of the Debate in Venetian-Mamluk Relations. *ByzantinoCaucasica*. Vol. 4. Pp. 193–214 (in Russian)].

Bauden F., Dekkiche M. Mamluk Cairo, a crossroads for embassies. *Studies on diplomacy and diplomatics*. Vol. 161. Leiden, Boston: Brill, 2019.

Behrens-Abouseif D. Dress and dress code in medieval Cairo: a Mamluk obsession. Vol. 176. *The Near and Middle East*. Leiden, Boston: Brill, 2024.

Behrens-Abouseif D. Mamluk Artistic Relations with Latin Europe: Book Chapter. *La frontière méditerranéenne du XVe au XVIIe siècle: Échanges, circulations et affrontements*. Turnhout: Brepols, 2013. Pp. 351–374.

Brooke C. Vittore Carpaccio's Method of Composition in His Drawings for the Scuola di S. Giorgio Teleri. *Master Drawings*. Vol. 42, No. 4. New York: 2004. Pp. 302–314.

Fuess A. *The Syro-Egyptian Sultanate in Transformation, 1496–1498. Sultan al-Nāṣir Muḥammad b. Qāyṭbāy and the reformation of mamlūk institutions and symbols of state power*: Book Chapter. Leiden, Boston: Brill, 2020. Pp. 201–223.

Gallerie Academia, Venezia <https://www.gallerieaccademia.it> (accessed: 01.10.2024).

Louvres: Collections <https://collections.louvre.fr> (accessed: 01.10.2024).

Marshall D.R. Carpaccio, Saint Stephen, and the Topography of Jerusalem. *The Art Bulletin*. Vol. 66, No. 4. New York: CAA, 1984. Pp. 610–620.

National Gallery of Art: Collection <https://www.nga.gov/collection.html> (accessed: 15.02.2025).

Petry C. F. *The Mamluk Sultanate: A History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Staatliche Museen zu Berlin: Preußischer Kulturbesitz <https://sammlung.smb.museum> (accessed: 01.10.2024).

Staatsgalerie <https://www.staatsgalerie.de/de> (accessed: 01.10.2024).

Wansbrough J. A Mamluk Ambassador to Venice in 913/1507. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 26, No. 3. London: University of London, 1963. Pp. 503-530.

VIKTOR RASTVOROV

**The Painting Series “The History of Saint Stephen”
by Vittore Carpaccio in the Context of Mamluk-Venetian Relations
in the Early 16th Century**

*National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities,
Moscow, Russia, 4th year, Bachelor*

varastvorov@edu.hse.ru

Abstract: the study is dedicated to the analysis of Vittore Carpaccio's painting cycle *The History of Saint Stephen* in the context of the relations between the Republic of Venice and the Mamluk Sultanate amid their struggle against the Ottoman Empire and Portugal. Through the interpretation of visual imagery and political references within the cycle, and their correlation with key events relevant to the states in question, a specific foreign policy agenda reflected in the examined visual material has been identified.

Keywords: Vittore Carpaccio, Mamluk Sultanate, Republic of Venice, Saint Stephen, Ottoman-Mamluk rivalry.

СУСЛОВА АННА СЕРГЕЕВНА

Монгольская Армия на Ближнем Востоке

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, бакалавриат, 2 курс

Anasuslova595@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается положение монгольской армии в XIII веке на Ближнем Востоке: ее состав, комплектация, вооружение. Отмечен религиозный фактор, влияющий на состояние как самой армии, так и на взаимоотношения монголов с местным населением. На основе источников анализируется т.н. «желтый крестовый поход» Хулагу-хана (1217–1265).

Цель данной статьи – дать характеристику монгольской армии на фоне завоевания Ближнего Востока. Нами были поставлены следующие задачи: рассмотреть вооружение монгольской армии, изучить ее структуру и тактику, проанализировать военные действия монголов на территории Ирана в 1256–1258 г.

Ключевые слова: монгольская армия, монголы, становление Ильханата, Хулагу-хан.

Научный руководитель: Китинов Б.У., д. и. н., доцент кафедры всеобщей истории Факультета гуманитарных и социальных наук, РУДН.

Введение

Монгольская армия считается одной из сильнейших армий за всю историю человечества, многие ученые дают свои объяснения данному феномену, но единого мнения на этот счет не существует. Одни, как, например, Иванин М.И., считают, что феномен монгольской армии заключается в том, что монголы «промышляли только о войне» и «изучали преимущественно военное искусство» [Иванин, 1875, с. 252]. Ю.С. Худяков, ссылаясь на мнение Ю.Н. Рериха, обращает внимание на достижения тактики и военного искусства монголов: «Многое в военном искусстве монгольской конницы было настолько передовым и эффективным,

что продолжало использоваться полководцами вплоть до начала XX в.» [Худяков, 1985, с. 34]. В.Н. Лобов обращает внимание на хитрость монголов [Лобов, 1988, с. 192], а Г.В. Вернадский писал: «Среди главных условий успеха монголов были неподготовленность их соперников, отсутствие единства немонгольского мира и неспособность других понять устремленный характер монгольского натиска» [Вернадский, 1997, с. 13]. Как представляется, приведенные мнения ученых дополняют друг друга в оценке мощи монгольской армии. Таким образом, монгольская армия в изучаемый период являла собой вершину военного слова и техники.

Монгольская армия: военные и идеологические традиции

Тактика ведения боя, комплектование войска и идеологическая концепция проведения войны является изобретением не одних монголов, они возникли в результате сложения воинских традиций различных кочевых племен, таких, например, как кидани (создатели империи Ляо) и чжурчжени (создатели империи Цзинь) [Дробышев, 2015, с. 240–250; Горелик, 2002, с. 83].

В мирное время монголы занимались скотоводством, а при необходимости практически все мужское население принимало участие в военных походах. Делившись на десятки (арбаны), сотни (зууны), тысячи (мингяны) и десятки тысяч (тумены), монгольская армия представляла собой сложную иерархию, построенную на жесткой дисциплине и подчинении. Джувейни (1226–1283) так описывает их комплектацию: «Все люди разделены на десятки, и среди каждой один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идет до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, нарицаемый тысяцким. В сем соответствии и распорядке, какое дело ни возникнет, потребуется ли

человек или вещь, дело передается темнику, этим последним – тысяцкому и так далее до десятника» [Джувейни Ата Мелик, 2004, с. 23].

Таким образом, благодаря строгой дисциплине монгольская армия оставалась боеспособной и сплоченной, что способствовало проведению успешных операций в различных природных условиях: в степных зонах, лесостепных ареалах Руси, пустынных равнинах и гористой местности Ближнего Востока. Войско делилось на центральную часть, правое и левое крыло. Это помогало отдельным отрядам совершать маневр, при котором войско «налетало» на противника, осуществляя удар сразу с двух фронтов и центра. При этом хан брал на себя роль верховного главнокомандующего, а его сыновья и приближенные командовали крыльями [Кушкумбаев, 2014, с. 257].

Строгая дисциплина способствовала и проведению сложных и тщательно отработанных атак. После тренировок на охоте, когда зверя загоняли, устраивая на него облаву, мобильность войска усиливалась. Осуществлялось нанесение удара панцирной кавалерией по противнику с применением тактики «огня и удара», при которой удар наносился сразу по двум фронтам, а сама атака сопровождалась массовым обстрелом. Отступая, монголы старались нанести еще больший урон противнику, затем возвращались на прежние места, продолжая бой, поэтому неудивительно, что присутствует непреодолимый ужас перед этой степной армией [Карпини Джованни да Плано, 2008.; Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, 1973].

Такая тактика не предусматривала ведение боя на лесных территориях, предполагала вступление в ближний бой только при крайней необходимости, поэтому оружием первого порядка были стрелы (сумун).

Многообразие стрел позволяло монголам задействовать все способности кавалерии, которая считалась элитным родом войска

и наносила максимальный урон противнику. Использовались бронебойные, двурогие (плоский наконечник), стрелы-свистунки, которые при полете издавали характерный звук, пугавший противника. Но наиболее частыми в употреблении были с тупоугольным наконечником. Использовались луки: центральноазиатские, сложносоставные, достигавшие 150 см в длину, и рефлексивные ближневосточные – до 110 см [Горелик, 2002, с. 18].

Монголы обычно вели бой, обстреливая противника массивом стрел, сидя на лошади. Однако иногда им приходилось вести бой, спешиваясь. Поэтому ударом второго порядка было копье, которое использовали тяжеловооруженные конные отряды, а в рукопашной схватке были в ходу мечи, палаши¹, сабли и булавы (удар третьего порядка) [Горелик, 2002, с. 18].

Большую часть армии составляли люди средних и низших сословий. Одной из особенностей монгольской армии, как уже отмечалось, была всесословная организация, а идеолого-культурный (религиозный) синкретизм способствовал эффективной организации войска за счет привлечения высококвалифицированных специалистов, представлявших разные конфессии. Таким образом, «карьеру» в армии мог сделать любой человек, проявивший способности. Таким примером может служить Аргун Ака (1210-1275), который был выходцем из небогатого, но влиятельного сословия турхаут-кешиктенов [Рашид ад-Дин, 1964, с. 95].

Итак, местное население завоеванных территорий довольно часто привлекались к военному делу. Например, при захвате Багдада использовалась осадная техника, которой часто командовали представители покоренных народов [Храпачевский, 2004, с. 237]. Ан-Насави (кон. XII – нач. XIII в.) и Джувейни также упоминают о применении в армии специальных отрядов, сформированных из представителей покоренных народов, которых задействовали при осаде городов. «Татары гнали пленных

под прикрытиями-домами вроде таранов, сделанных из дерева и покрытыми шкурами. Если пленные возвращались, не доставив прикрытия к стене, им рубили головы» [Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, 1973, с. 91].

В монгольской армии особое место занимали вспомогательные рода войск, например, интендантская служба, занимающаяся обеспечением армии. Особо важна была роль разведки и отрядов, занимающихся психологическим воздействием на противника (такие формирования проезжали мимо рядов противника, выкрикивая различные фразы, способные демотивировать противника) [Худяков, 2017, с. 33].

Кроме того, монголы часто применяли хитрость во время ведения боя, например, изготавливали различные чучела, напоминающих людей, чтобы визуально увеличить свою армию [Плано де Карпини, 2008, с. 54].

Сохраняя кочевые традиции и воспринимая культурные особенности завоеванных регионов, монголы не только стали некими «переносчиками культуры». Подчинив территорию Китая, дойдя до Ближнего Востока и Европы, они смогли аккумулировать некоторые достижения народов, проживавших на тех территориях, а также передавать накопленные знания местному населению. Так, они смогли усовершенствовать военную технику, взяв на вооружение, например, арабские осадные машины (каменеты с противовесами), которые называли «маджаник». Кроме того, на счету монгольской армии были достижения осадного дела уйгуров, а также требуше². Изобилие техники способствовало тому, что монголам удавалось легко предпринимать осады некоторых населенных пунктов. Особенно ярко это проявилось во время похода на Ближний Восток, где больше применялась тактика осады населенных пунктов, а не открытый бой (Аламут, Багдад). Также на территории Ближнего Востока использовалась различная осадная техника: каменеты, требуше, «купола для штурма»³.

В европейских источниках сохранилось огромное количество представлений о монголах как о кровожадных варварах и предвестниках апокалипсиса [Бэкон Роджер, 2005, с. 480; Матфей Парижский, 1997, с. 264-301; Плано де Карпини, 2008, с. 94].

Ю.И. Дробышев и ряд других историков оспаривают такие высказывания. Борясь со стереотипами о кочевниках, он отмечает, что так называемая жестокость монголов связана больше с прагматическими целями: необходимо было запугать управляющих другими населенными пунктами, чьи владения лежали на пути завоевания, для более эффективного и быстрого проведения кампании [Дробышев, 2009, с. 165]. Подтверждение данному тезису мы можем найти в источниках [Джувейни Ата Мелик, 2004; Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, 1973; Рашид ад-Дин, 1964]. Монголы проявляли жестокость только к тем, кто оказывал сопротивление: так, при осаде Багдада не пострадали те жители, которые готовы были оказать монголам поддержку [Петрушевский, 1977, с. 232].

Джувейни так описывает верования монголов монгольской армии: «Поскольку Чингисхан не был приверженцем какой-либо веры и не следовал никакому исповеданию, он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими... И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал христиан и идолопоклонников. И дети, и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности» [Джувейни Ата Мелик, 2004, с. 20] Такой подход среди монголов сохранился и во второй половине XIII в.

Среди верований монголов был распространен шаманизм. Изначально шаманизм играл не только духовную, но и политическую роль. Однако, постепенно роль шаманов в политической жизни общества уменьшалась. Уже в правление Чингисхана (1206-1227) можно увидеть, что ведущие позиции как политике, так и в религии переходят к хану. Хан являлся «проявителем воли Неба», используя религию, как один

из инструментов обоснования военных действий, обосновывая их волей Неба. [Китинов, 2020, с. 92].

Наибольшее влияние на идеологию монгольской армии оказал буддизм после подчинения Чингисханом (ок. 1162–1227) государства Си Ся, а также после подчинения Тибета в 1250-х годах. В XIII в. буддизм стал одной из идеологий, подчеркивающей, как и шаманизм, духовную значимость хана: «Союз ламы и хана имел большое политическое значение, поскольку тем самым реализовывалась ранняя буддийская идея о духовном лидере, ведущем людей к благу (лама), и светском правителе (хан), который защищает религию и ее представителей, иначе говоря, были духовный учитель» [Китинов, 2020, с. 92].

Таким образом, можно увидеть, что большую роль в военной сфере играла и идеология. В частности, буддизм и шаманизм.

Иранская кампания

Завоевание Ближнего востока началось в первой половине XIII в. В 1220–1222 гг. Иранская кампания осуществлялась на территории Ирана и Азербайджана. А до того монголы подчинили Бухару и Хорезм. Получая отпор от жителей Кухистана, они смогли подчинить его только через 40 лет, после присоединения Аламута.

Согласно ан-Насави (пер. пол. XIII – 1249), экспансия монголов началась в 1219г. на территории Средней Азии. С этих пор монголы неоднократно вторгались на территорию Ирана, но не доходили до Багдада [Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, 1973, с. 59].

В 1251 г. титул хагана на всемонгольском Курултае получил Мэнгу (1208–1259). Стремясь расширить влияние монголов на Ближнем Востоке, в 1253г. был организован завоевательный поход на территорию Ирана под руководством Хулагу (1217–1265).

Примечательно, что изначально армия состояла непосредственно из монголов, впоследствии пополняясь контингентом союзников.

Именно в ходе этой кампании 1250-ых годов был захвачен Багдад (в 1258 г.). И хотя среди ученых, как отмечают М. Хоуп и Т. Мэй, нет одинакового мнения, ставил ли изначально хаган Мэнгу перед собой цель непосредственно основать там новую династию, можно отметить, что именно в 1258 г. монголы окончательно закрепились на территории Ирана. Но уместнее будет говорить об установлении полного военного контроля над этими территориями под непосредственным руководством Хулагу, а также смене временных ханских ставленников, управляющих этими территориями, на постоянных из числа ближайшего окружения хулагуидов [Хоуп, Мэй, 2022, с. 209]. Например, контроль за этими землями, делившихся на четыре округа, осуществляли члены монгольской знати из числа ойратов, в частности с 1243 по 1255 гг. они отходили под власть Аргун Аки [Хоуп, Мэй, 2022, с. 209].

Вторжением монголов на территорию Ирана воспользовались и соседние государства. После распада империи Сельджуков, образовавшие династии, в частности, Зангиды, Салгурины, поддерживали монголов для укрепления своей власти. В свою очередь правители Киликии и династия Багратидов, будучи христианами, надеялись обрести в лице монголов союзников в борьбе с мусульманами [Хоуп, Мэй, 2022, с. 208].

Одним из наиболее важных стратегических пунктов, стала упоминавшаяся выше исмаилитская крепость Аламут на границе Кухистана. «Насир ад-Дин Туси, совершеннейший и разумнейший [человек] мира, и многие великие лекари Раис-ад-довлэ, Муваффик-ад-довлэ и их сыновья, попавшие не по [своей] воле в это царство, воочию убедились, что поведение и деяния Рукн ад-Дина Хуршаха (1230–1256) беспорядочны и что в присущих ему свойствах заложены гнет и насилие и что в нем явны признаки безумия. Сердца их преисполнились огорчением и отвращением к службе еретикам, а склонность к приверженности к Хулагу-хану [становилась у них]

все сильнее, да и раньше они об этом мечтали. Они постоянно тайно совещались друг с другом о том, как то царство наилучшим образом и наилегчайшим путем могло бы быть им [Хулагу-ханом] завоевано» [Рашид ад-Дин, 1964. с. 28], – так описывает Рашид ад-Дин (1247–1318) результат политических распрей между шиитской и суннитской ветвью ислама, а также фактически констатирует приглашение монголов для завоевания Аламута.

При осаде крепости сильное сопротивление монголам оказали социальные низы, называемые «рунуд». Именно это обстоятельство могло на какой-то срок отсрочить сдачу крепости, однако Рукн ад-Дин Хуршах (1230–1256) по совету приближенных прекратил сопротивление. После этого Аламут как политический центр прекратил свое существование. При захвате крепости не пострадали те группы населения, которые не оказывали сопротивления. Хулагу-хан позволил местным жителям вывести все необходимое из города в течение трех дней, предоставил привилегии для службы при ханском дворе [Рашид ад-Дин, 1964, с. 31].

После осады и взятия Аламута монголы выдвинули войска в сторону Багдада. До этого, как отмечает Рашид ад-Дин, халиф аль-Мустасим (1213–1258) уже признал власть монголов. Летописец утверждает, что халиф должен был прислать Хулагу войска, однако этого не сделал [Рашид-ад Дин, 1964, с. 31].

Также необходимо отметить нестабильную ситуацию в самом Багдаде. Недовольством низов, связанным с паводками, обрушившимися на территорию Багдада, воспользовался даватдар (писец) Муджахид ад-дин Эйбек (XIII в.), который настроил недовольных против халифа. Это привело к смуте в городе (Багдаде), поэтому в условиях неустойчивого положения, аль-Мутасим не обладал какими-либо средствами, чтобы дать отпор монголам [Рашид ад-Дин, 1964, с. 33–34].

Анализируя работу Рашид ад-Дина и Джувейни, можно сделать вывод, что непосредственно перед наступлением на тот или иной город, хан посылал ельчи (посланника) для переговоров с правителем города, и предоставлял последнему выбор сдаться или продолжать вести оборону, предупреждая его, что ему не удастся спастись. Такую тенденцию мы можем проследить и в случае осады Аламута, и в случае осады Багдада.

Когда монголы приблизились к городу, визирь посоветовал халифу откупиться от врага, однако аль-Мутасим не послушал совета, что привело к незамедлительной осаде Багдада. Халифа пытались переубедить и члены политической элиты, но он был непреклонен, т.к. считал, что династия Аббасидов не может быть побеждена. Поэтому он отказался от предложения сдаться монголам. Это вызвало недовольство везира и даватдара. Раскол в обществе продолжался, так как Эйбек стремился настроить низы против везира. Таким образом, без опоры на везира молодому халифу было сложно принять верное решение. А Эйбек надеялся, что, поддерживая в обществе нестабильность, сможет посадить на престол другого правителя [Рашид ад-Дин, 1964, с. 33–38].

Стоит отметить, что войско аль-Мутасима было способно вести боевые действия на открытой местности, однако в битве у Анбара аббасиды потерпели поражение. Дойдя до Багдада, монгольское войско приступило к его осаде. Аббасидское войско предпринимало попытки отстоять город, но потерпело поражение [Рашид-ад-Дин, 1964, с. 40–44]. После началась осада города. Аббасиды не смогли удержать его. В феврале 1258 г. Багдад был захвачен [Рашид-ад-дин, 1964, с. 44]. Отметим, что тактика ведения боя и оружие, применяемое монголами на территории Ближнего Востока не отличалась от того, что использовалось на территории Азии и Европы [Рашид ад-дин, 1964, с. 33–38].

Непосредственно перед своим выступлением, как отмечает Рашид Ад-дин, Хулагу позвал в свой стан ходжу Насира-ад-дина (XIII в.), который должен был определить судьбу Багдада. На вопрос

хана он ответил следующее: «Вместо халифа будет Хулагу-хан» [Рашид-ад Дин, 1964, с. 39] Так и случилось, в результате похода на Багдад династия Аббасидов прекратила существовать на территории Ирана. Началось правление хулагуидов (1258–1353), а государство получило новое название – Ильханат.

Заключение

На появление феномена монгольской армии повлияли несколько факторов: сохранение военных кочевых традиций, дисциплина армии и религиозный синкретизм, способствовавший формированию единства войска и активному восприятию военных технологий и традиций других народов и государств. Особую роль сыграло политическое единство монгольских улусов.

Можно сказать, что успешные походы монголов в Центральную и Переднюю Азию подготовили плацдарм для успешного захвата Ирана. Кроме того, практически двадцатилетнее завоевание Кухистана, закончившееся захватом крепости Аламут, фактически предопределило дальнейшую судьбу Ирана.

На территории Ирана в XIII в. не было политического единства ни в религиозных, ни в политических вопросах. Кроме того, отрицание правителем Багдада реальной угрозы и нежелание признавать упадок правления династии Аббасидов привели к быстрому завоеванию территорий Ирана.

Примечания

1. Палаши – рубяще-колющее холодное оружие, подобное сабле, но с прямым и широким обоюдоострым к концу клинком.
2. Требуше – средневековая метательная машина гравитационного действия, предназначенная для осады городов.
3. «Купола для штурма» – деревянная крытая установка на катках, приспособленная к обороне; употреблялась для закрытого приближения осаждающего к городским стенам.

Список литературы / References

Алланиязов Т.К. *Военное дело кочевников Казахстана*. Алматы: Фонд – XXI век, 1996 [Allaniyazov T.K. Military affairs of the nomads of Kazakhstan. Almaty: Foundation – XXI Century, 1996 (in Russian)].

Андриенко В.А. *Искусство войны: Древний мир и Средние века*. М.: ЧИНАР, 2019 [Andrienko V. A. The art of war: The ancient world and the Middle Ages. Moscow: CHINAR, 2019 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968 [Bartold V.V. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples. Moscow: Nauka, 1968 (in Russian)]

Бэкон Р. *Избранное*. М.: Издательство Франсисканцев, 2005 [Bacon R. *Favorites*. Moscow: Publishing House of the Franciscans, 2005 (in Russian)].

Вернадский Г.В. *Монголы и Русь*. М.: АГАРФ, 1997 [Vernadsky G.V. *Mongols and Rus*. Moscow: AGARF, 1997 (in Russian)].

Горелик М.В. *Армии монголо-татар X-XIV веков*. Техника молодежи, 2002 [Gorelik M.V. *Armies of the Mongol-Tatars of the X-XIV centuries*. Technique of youth, 2002 (in Russian)].

Дробышев Ю.И. «Заповедники смерти» Монгольской империи. *Сибирский сборник – I: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*. Книга 2. отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160-169 [Drobyshev Yu. I. “Death Reserves” of the Mongolian Empire. *Siberian Collection – I: Funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories*. Book 2. edited by L.R. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAs, 2009. Pp. 160-169 (in Russian)].

Дробышев Ю.И. Киданьские истоки монгольского «мироустройства». *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 240-249 [Yu.I. Drobyshev. The Khitan origins of the mongolian “World Order”. *The Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia*. Barnaul: Alt. University, 2015. Pp. 240-250 (in Russian)].

Джувейни Ата Мелик. *Чингисхан. История завоевателя мира*. М.: Магистр, 2004 [Juveini Atta Melik. *Genghis Khan. History of the conqueror of peace*. Moscow: Master, 2004 (in Russian)].

Иванин М.И. *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане*. СПб.: Общественная польза, 1875 [Ivanin M.I. *On the art of war and the conquests of the Mongol-Tatars and Central*

Asian peoples Under Genghis Khan and Tamerlane. St. Petersburg: Public Benefit, 1875 (in Russian)].

Карпини Дж. да Плано. *История монголов, именуемых нами татарами*. М.: ТАУС, 2008 [Carpini G. da Plano. *The History of the Mongols, whom we call Tatars*. Moscow: TAUS, 2008 (in Russian)].

Китинов Б.У. «Чингисханы» XVII-XVIII вв.: между политикой и религией. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2023. № 4. С. 355–373 [Kitinov B.U. “Genghis Khan” of the XVII-XVIII Centuries: Between Politics and Religion. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia*. 2023. No. 4. Pp. 355–373 (in Russian)].

Китинов Б.У. *Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов* (середина XV – 1771 г.): дис. канд. истор. наук: 07.00.03. М. 2020 [Kitinov B.U. *The Buddhist factor in the political and ethnic history of the oirats* (mid. XV – 1771): dissertation of the kand. istor. nauk: 07.00.03. m. 2020 (in Russian)].

Кушкумбаев А.К. Тактическое построение войск в монгольскую эпоху. *Золотоордынская цивилизация*. 2014. № 7. С. 252-279 [Kushkumbaev A.K. Tactical formation of troops in the Mongolian era. *The Golden Horde civilization*. 2014. No. 7. Pp. 252-279 (in Russian)].

Ланда Р.Г. *История арабских стран. История стран востока*. М., 2005 [Landa R.G. *The history of Arab countries. The history of the country of the East*. Moscow. 2005 (in Russian)].

Лобов В.Н. *Военные хитрости в истории войн*. М.: Военное издательство, 1988 [Lobov V.N. *Military tricks in the history of wars*. Moscow: Military Publishing House, 1988 (in Russian)].

Матфей Парижский. Великая хроника. М.: Наука, 1979 [Matthew of Paris. *The Great Chronicle*. Moscow: Nauka Publ., 1979 (in Russian)].

Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). М.: Наука, 1975 [Meng-da Bei-lu (Full description of the Mongol-Tatars). Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian)].

Петрушевский И.П. *Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256–1253). Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука, 1977. С. 228–260 [Petrushevsky I.P. *Iran and Azerbaijan under the rule of the Hulaguids (1256–1253). Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 228–260 (in Russian)].

Рашид-ад Дин. *Сборник летописей*. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1964 [Rashid al-Din. *Collection of chronicles*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1964 (in Russian)].

Сокровенное сказание. Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство, 1990 [*A Secret Legend*. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1990 (in Russian)].

Храпачевский Р.П. *Военная держава Чингисхана*. М.: АСТ, 2004 [Khrapachevsky R.P. *The military power of Genghis Khan*. Moscow: AST, 2004 (in Russian)].

Худяков Ю.С. *Непобедимая армия монголов*. Наука из первых рук. 2017. С. 29–37 [Khudyakov Yu.S. *The invincible army of the Mongols*. First-hand science. 2017. Pp. 29-37 (in Russian)].

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Баку: Элм, 1973 [Shihab al-Din Muhammad al-Nasawi. *Biography of sultan Jalal al-Din Mankburna*. Baku: Elm, 1973 (in Russian)].

May T., Hope M. *The mongol world*. New York: Routledge. 2022.

Hope M. *Power, politics, and tradition in the Mongol empire and the Īlkhānate of Iran*. Oxford: Oxford Union Press. 2016.

ANNA SUSLOVA

The Mongolian Army in the Middle East

P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; 2nd year, Bachelor's degree

Anasuslova595@gmail.com

Abstract: The article examines the situation of the Mongolian army in the 13th century in the Middle East and Iran: its composition, equipment, and armament. The religious factor influencing the condition of both the army itself and the relationship of the Mongols with the local population is noted. Based on the sources, the so-called “yellow crusade” of Hulagu Khan.

The purpose of this article is to characterize the Mongolian army against the background of the conquest of the Middle East and Iran. We have set the following Tasks: To examine the armament of the Mongolian army, to study the structure of the Mongolian army, to study the tactics of the Mongolian army, to analyze the military actions of the Mongols in Iran in 1256–1258.

Keywords: Mongol army, Mongols, formation of the Ilkhanate, Hulagu Khan.

Хорошеньков Олег Георгиевич

**Формирование военной разведки Византийской империи
как важного инструмента регулирования
международных отношений**

*ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Исторический факультет, Нижний Новгород;
бакалавриат, 2 курс*

domashniicomputer@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – исследование процесса формирования военной разведки в Византийской империи в IV-VII вв. Анализ социального статуса послов, изучение методов сбора стратегических данных и их роли в регулировании международных отношений.

Значимость: изучение становления византийской военной разведки необходима для понимания механизма восстановления, удержания и расширения границ Византийской империи. Впервые в одной публикации собраны и систематизированы способы получения разведывательных данных в период раннего Средневековья, установлена взаимосвязь этих способов. Для всестороннего рассмотрения системы разведывательной деятельности Византии в статье использованы литературные источники и византийские военные руководства указанного периода.

Ключевые слова: Византийская империя, военная разведка, большая стратегия, рекогносцировка, шпионаж, фрурионы, перебежчики, «Стратегикон», трактат «О стратегии».

Научный руководитель: Ващева И.Ю., д. и. н., профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ ИМОМИ – Нижний Новгород.

Каждое государство в течение своей жизни выстраивает линию стратегическую политику, объединяя разведку, дипломатию и военные силы, необходимые, чтобы «определить собою результаты в мире других государств», как отмечал американский историк, специалист по международным отношениям и военной стратегии Э.Н. Люттвак.

Не исключением была и Византия. Более того, именно стратегическое поведение Византийской империи стало примером для многих государств и получило громкое название – «Большая стратегия».

Византийская «большая стратегия» – это сочетание военной силы, которую составляли методы ведения военных действий, и дипломатические приёмы, где часто использовались методы переманивания на свою сторону многочисленных врагов с помощью выплат и обращения в христианскую веру. Целью большой стратегии Византийской империи было сохранение собственной целостности и безопасность её граждан. И для успешного выполнения этой цели Византийской империи была необходима развитая и профессиональная военная разведка.

«Относительно разведчиков дело обстоит вот как. В прежнее время много людей, получая содержание от государства, шли в пределы врагов и проникали даже в самый дворец персидского царя, под видом ли торговли или под другим каким предлогом; они детально разведывали все и, вернувшись в пределы империи, могли сообщить начальникам тайные планы врагов. Начальники же, предупрежденные, принимали свои меры и поэтому для них ничего не случалось непредвиденного» [Прокопий Кессарийский, 1938, с. 353]. Такое свидетельство о разведывательной деятельности мы можем увидеть в книге «Тайная история», написанной Прокопием Кесарийским, византийским историком VI в., из чего логично вытекает вывод о развитой системе военного планирования и сбора разведывательной информации.

Обращаясь к статье «Военное искусство и разведка в Большой стратегии Византийской империи» В.Г. Кикнадзе, можно заметить такой факт – Византийская империя не располагала ни профессиональными разведчиками-дипломатами, ни дипломатами, поэтому их роль исполняли военные формирования и чиновники разных рангов, что и позволяло

добиться главного в стратегии – сбалансированного сотрудничества, при котором дипломатия, руководствовавшаяся превосходством в осведомлённости, подкреплялась боеспособными вооружёнными силами, а те получали поддержку хорошо осведомлённой дипломатии [Кикнадзе, 2017, с. 30]. Следует отметить, что А. В. Пикин, проводя анализ исторических сочинений Прииска Понтийского, Идация, Зосима о дипломатических миссиях, определил особенности социального статуса послов, подтвердив, что профессионального дипломатического корпуса позднеантичная византийская посольская практика не знала. В основном дипломатические функции осуществляли чиновники, причём не всегда имевшие высокий статус в империи: духовники, муниципальные и провинциальные управленцы, военачальники, родственники императора и др. [Пикин, 2016, с. 59].

Э.Н. Люттвак в своей книге «Стратегия Византийской империи» приводит тезис, описанный в византийских руководствах по военному делу - командирам необходимо активно собирать разведывательные данные всеми доступными средствами, поскольку византийский стиль ведения войны и дипломатии особенно нуждался в такого рода информации [Люттвак, 2010, с. 98.]

Кроме этого в книге приводятся следующие указания для стратега: «Командующий войском должен сначала провести сбор сведений посредством шпионов, пленных и понять, каково положение в каждом из мест, занятых врагами, в их поселениях и крепостях, а также численность и характер их военных сил» [Люттвак, 2010, с. 533–534].

Схожую мысль можно увидеть в литературном памятнике – Стратегиконе Маврикия (539–602, византийский император с 582 г.) документе, посвященном византийскому военному искусству конца VI – начала VII в. Исходя из указаний трактата, византийскому Стратигу во время военных действий, в первую очередь, следовало собрать сведения обо всем, что касается врагов, их передвижения,

численности и типа построения войск, с помощью плотно расставленных и многочисленных патрулей – и, таким образом, приспособиться к тому, чтобы не быть захваченными ими врасплох. Самому Стратигу не рекомендовалось руководить разведкой и стремительными нападениями [Стратегикон Маврикия, 2004, с. 128–129].

Далее следует снова упомянуть книгу Люттвака, где подробно описаны три способа сбора сведений, которые использовали византийские стратеги:

- Рекогносцировка или разведка боем, которую производили более мелкие, быстрые, но хорошо вооружённые боевые подразделения, как лёгкая конница и пешие патрули, действующие в авангарде главных сил. Целью рекогносцировки было испытание боем врагов мелкими неожиданными атаками, чтобы испытать моральное состояние и воинское мастерство противоположной стороны, а также для того, чтобы враг выслал свои более крупные силы, которые можно было рассмотреть и оценить [Люттвак, 2010, с. 98].

- Разведка на местности или оперативная разведка. Данный способ представлял собой скрытное обследование более отдалённых мест и находящихся там вражеских сил очень мелкими группами легковооружённых пеших (эксплуаторов или катаскопов) или конных воинов (прокурсаторов), которые избегают любых стычек с военным контингентом противника [Люттвак, 2010, с. 98–99].

- Шпионаж или агентурная разведка. Такой способ представлял собой сбор разведывательных данных на вражеской территории, посредством «тайных» агентов (спекуляторов), которые скрываются под видом купцов, местных жителей, воинов или должностных лиц. В придачу к агентам, просочившимся на территорию врага, были также «агенты на местах», то есть враждебно настроенные жители, должностные лица

или военачальники, поставляющие сведения «изнутри». Прямым продолжением шпионажа были тайные операции, цель которых состояла в ослаблении врага. Успех таких операций мог привести к лидирующему положению Византийской империи в международных отношениях с окружавшими её странами [Люттвак, 2010, с. 99–101].

Кроме способов ведения наземной разведки сохранились небольшие упоминания о принципах морской разведки, указанные в трудах Сириана Магистра: «Из состава флота выделяются 4 самых лёгких и быстрых корабля. Их задача – не сражаться, а наблюдать и докладывать, выслеживать вражеские корабли, спрятанные за мысами, островами, в портах или речных устьях. Два из них остаются на расстоянии 6 миль, другие два заходят дальше, так, чтобы можно было передавать сведения с корабля на корабль установленными ранее сигналами» [Кикнадзе, 2017, с.31]. Таким образом, можно сделать вывод о всестороннем развитии разведывательного аппарата Византийской империи.

Кроме принципов морской и наземной разведки в IX главе византийского трактата VI в. «О стратегии» неизвестного автора присутствует упоминание фрурионов, которые используются для наблюдения за подходом врагов, для приема вражеских перебежчиков и беженцев.

В том же трактате указаны конкретные правила по сооружению фрурионов:

1. Необходимо сооружать вблизи границ и не отодвигать далеко от маршрутов движения врагов, так чтобы ни один такой маршрут не остался без внимания тех, кто будет размещен во фрурионах.

2. Фрурионы не следует сооружать очень близко к открытым пространствам, иначе враги, используя преимущества открытой местности, возьмут под контроль как ближайшие, так и отдаленные

подходы и не позволят никому ни войти во фрурион, если такая необходимость возникнет, не снова, при желании, выйти оттуда.

3. Фрурионы должны быть обеспечены искусственными средствами защиты не менее, чем естественными.

4. Не следует сосредоточивать в них богатства и собирать много людей, чтобы не вынуждать врагов задерживаться возле них на длительное время. В противном случае это затруднит сбор боевых сил для войны, а им, подготовившимся заранее, облегчит вторжение [О стратегии..., 2007, с. 69–70].

Также в этом же трактате приводятся советы по обращению с перебежчиками: «С ними следовало обращаться обходительно, но и остерегаться. Наиболее выдающимся перебежчикам разрешалось пребывать в городе, а остальных следовало держать под подозрением. Пока их охраняли, Стратигу следовало скрытно выведать, почему они перешли на другую сторону. Только после этого их принимали, как своих людей. Впоследствии перебежчики могли доложить важные сведения о противоборствующей стороне и изменить ход войны и дальнейшую международную политику» [О стратегии..., 2007, с. 143–144].

Успех «Большой стратегии» зависел от тонкостей взаимодействия военной разведки и дипломатии. Как мы можем видеть, византийские и полководцы, и писатели уделяли большое внимание в своих произведениях описанию военной разведки Империи, что свидетельствует о её важности для ведения международных отношений. В последующие столетия эти сочинения легли в основу византийских руководств по военному делу и использовались командованием и администрацией для сохранения суверенитета империи и продвижения своих интересов за её пределы.

В заключение стоит привести высказывание императора Маврикия (539–602) из его «Стратегикона»: «Действия на войне подобны охоте. Подобно тому, как успех на охоте достигается

больше с помощью выслеживаний, сетей, засад, обманов, облав и других уловок, чем с помощью силы, все это нужно использовать и в войнах... Ведь действовать против врагов только в открытую и напролом, даже если победа над ними кажется очевидной, значит связывать исход дела с опасностью и неоправданным ущербом. Поэтому безрассудно добиваться победы, сопряженной с уроном без большой необходимости, – это приносит лишь призрачную славу» [Стратегикон Маврикия, 2004, с. 129].

Список литературы / References

Кикнадзе В.Г. Военное искусство и разведка в Большой стратегии Византийской империи. С. 30–31 [Kiknadze V.G. Military art and intelligence in the Grand Strategy of the Byzantine Empire. Pp. 30–31 (in Russian)] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17978459> (accessed: 11.10.2024).

Люттвак Э.Н. *Стратегия Византийской империи*. Пер. с англ. А.Н. Коваля. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010 г. С. 98–101, 533–534 [Lutvak E.N. *Grand Strategy of the Byzantine Empire*. Translated from English by A.N. Koval. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2010, Pp. 98–101, 533–534 (Russian translation)].

О стратегии. Византийский военный трактат VI века. Изд. подг. В.В. Кучьма. СПб.: Алетеия, 2007 г. С. 69–70, 143–144 [Περὶ στρατηγίας. The Byzantine military treatise of the VI century. Ed. V.V. Kuchma. St. Petersburg: Aletheia, 2007. Pp. 69–70, 143–144 (Russian translation)].

Пикин А.В. *Политические миссии церковных деятелей в системе посольского взаимодействия конца IV – первой четверти VI века*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ивановский государственный университет, 2016 [Pikin A.V. *Political missions of church leaders in the system of embassy interaction at the end of the IV – first quarter of the VI century*: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Ivanovo State University, 2016 (in Russian)].

Прокопий Кесарийский. *Тайная история* / Пер. С.П. Кондратьева. Вестник Древней Истории. 1938. № 4(5). С. 273–360. [Prokopii Kesariiskii. *The Secret History* / Per. S.P. Kondrat'eva. Vestnik Drevnei Istorii. 1938. No. 4(5). Pp. 273–360 (in Russian)].

Стратегикон Маврикия. Изд. подг. В.В. Кучма. СПб.: Алетея, 2004. С. 128–129. [ΜΑΥΡΙΚΙΟΥ ΣΤΡΑΤΗΓΙΚΟΝ. Ed. V.V. Kuchma. St. Petersburg: Aletheia, 2004. Pp. 128–129 (Russian translation)].

OLEG KHOROSHENKOV

The formation of military intelligence of the Byzantine Empire as an important instrument for regulating international relations

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, 2nd year of the Faculty of History, Bachelor's degree

domashniicomputer@yandex.ru

Annotation. Purpose: to study the process of military intelligence formation in the Byzantine Empire in the IV–VII centuries. Analysis of the social status of ambassadors, study of methods of collecting strategic data and their role in regulating international relations/

Significance: the study of the formation of Byzantine military intelligence is necessary to understand the mechanism of restoration, retention and expansion of the borders of the Byzantine Empire.

Novelty: Methods of obtaining intelligence data in the early Middle Ages were collected and systematized and the relationship between these methods was established for the first time in one publication. For a comprehensive review of the Byzantine intelligence system, the article uses literary sources and the Byzantine military standards of the specified period.

Keywords: Byzantine Empire, military intelligence, grand strategy, reconnaissance, espionage, saboteurs, defectors, Strategicon, treatise On Strategy.

ЦХОВРЕБОВА ДИАНА ЭДУАРДОВНА

Образ, инициация и жизненный путь идеального воина в нартском эпосе осетин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург; бакалавриат, 4 курс*

eduardovnadiana@mail.ru / detskhovrebova@edu.hse.ru

Аннотация. Целью нашего исследования было описать универсальные черты образа идеального воина в нартском эпосе осетин, выделить основные этапы его жизненного пути и мировоззрения, которого он придерживался при совершении тех или иных поступков. Также нами была сделана попытка определить, что именно, с точки зрения философии нартского эпоса, делает обычного человека истинным воином. Актуальность работы заключается в попытке впервые выделить универсальные характеристики, работающие для всех осетинских эпических персонажей через обращение не только к фольклорному, но и к этнографическому и лингвистическому материалу.

В результате анализа мы пришли к выводу о том, что главное в жизни нартского воина — достижение славы посредством совершения подвигов и следованию негласного этикета. В случае исполнения своих обязанностей герой получает имя, свидетельствующее о его статусе, а также возможность после смерти стать покровителем своей семьи и защищать их.

Ключевые слова: нартский эпос осетин, идеальный воин, воинские инициации осетин, слава.

Научный руководитель: Пахомова А.С., PhD, старший преподаватель, Департамент филологии, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ (СПб).

Нартский эпос осетин (VIII–VII веках до нашей эры) состоит из иранского и кавказского субстрата и включает в себя различные циклы, главными героями которых, как правило, становятся богатыри-нарты. Часто эпические сюжеты посвящены становлению воина и его инициативным практикам. Многие исследователи пытались выделить основные характеристики поведения

и жизненного пути героя. Для этого применяли этнографический подход [Фидаров, 2009, С. 70–77], сравнительно-исторический анализ [Дюмезиль, 1976, с. 191–192] и пытались разрабатывать отдельные сюжеты нартского эпоса [Таказов, 2017, с. 156–157]. В этой статье мы попытаемся рассмотреть на примере циклов о Батрадзе и Безымянном сыне Урызмага скрытую мотивацию поступков героев и их инициации, которая бы объединяла всех нартских воинов, а также хотели бы определить унифицированные черты характера и поведение эталонного героя.

Итак, изначально в самом эпосе уже существует нарт, который признаётся идеальным – Батрадз. Его характер и поведение в текстах сказаний приводятся самими нартами в качестве примера для подражания. Эталонным воином его считали и многие учёные-нартоведы [Дюмезиль, 1990, с. 43], [Абаев, 1990, с. 182], ведь именно в цикле о нём содержатся основные описания инициативных практик для юношей и описание добродетелей, которыми должен обладать мужчина. Согласно сказаниям, это храбрость в бою, умеренность в еде и питье и уважительное отношение к женщине [*Нарты: осетинский героический эпос*, 1989, с. 258–268]. Метафорически эти три качества называются «тремя сокровищами нартов» и Батрадз проходит испытания, доказывая наличие каждой из них.

Однако, на наш взгляд, эти черты характера оказываются лишь формальными ориентирами, и в нартском эпосе есть сказания, которые помогают раскрыть образ идеального воина и его жизненный путь гораздо глубже, затрагивая при этом этнографический и лингвистический материал. Это, в первую очередь, диалогия, объединённая одним героем, – «Безымянный сын Урызмага» и «Нарты Сорыхъойы таураегъ». Она повествует о неназванном сыне старейшего нарта Урызмага, который участвует в повествовании уже будучи мёртвым.

Итак, согласно сюжету «Безымянного сына Урызмага» [*Нарты*, 1957, с. 289] мальчик был отдан своей матерью Шатаной

на воспитание её родственникам – водным духам. Мотив этого поступка различается в зависимости от варианта сказания. В некоторых он не уточняется, в других описывается некий «рок», преследующий Урызмага, согласно которому все его дети умирали. Безутешная мать, пытаясь спасти своё дитя, прячет его в подводном царстве, не ставя в известность мужа: «Уже давно над нартом Урызмагом, / проклятье тяготело / И вот за это мы всю жизнь страдали, Все наши дети в детстве умирали. / Имели мы семнадцать сыновей, / И каждый жил не более трех дней. / Последнего ж, чтоб не покинул света, / Я отнесла тайком от всех к донбетрам» [Там же]. В дальнейшем же сюжет развивается всегда одинаково: Урызмаг, попадая в подводное царство, случайно убивает своего сына, а по возвращении в мир людей узнаёт, кого именно умертвил. Тут очевиден мотив убийства неузнанного сына отцом. Он достаточно популярен и присутствует, например, в русском фольклоре, а именно в былинах «Илья и Соколик», а также в былинных сюжетах об Илье Муромце, Сауле Левонидовиче, Добрыни Никитиче и так далее [Еремина, 2012, с. 510]. Также аналогию можно провести и с иранским книжным эпосом «Шахнаме» [Фирдоуси, 1960]. Однако главное отличие осетинского варианта от вышеперечисленных – это то, что безымянный мальчик был убит невинным ребёнком в детстве, и его смерть служит не концом сказания, а его началом.

Так, в предании мальчик, уже будучи мёртвым, желает посетить мир живых. Причём мотивировка этого поступка остаётся неясной вплоть до самого финала. Заключив сделку с покровителем Страны мёртвых, герой приходит к отцу и, не называясь, просит последнего отправиться с ним в военный поход. Такая дерзость приводит всех в замешательство, ведь Урызмаг – прославленный герой, поэтому беспризорный мальчик не имеет право не то что участвовать с ним набегах, но даже говорить: «Ответил нарт: “Как не сердиться мне. / Мальчишка и в седле его не видно, / Молокосос и вспомнить даже стыдно / Мне, старику, сказал, как будто равный: “Со мной в поход отправишься ты славный”»

[Там же]. Более того, если другие нарты увидят его в компании такого спутника это будет считаться позором: «Поедешь с ним – все будут насмехаться» [Там же]. Тем не менее он всё же принимает решение ехать, так как «честь не позволяет отказаться» от похода [Там же]. Можно предположить, что в этом случае Урызмаг, даже будучи старейшим из нартов и имея большой авторитет в обществе, не может просто отослать ребёнка, потому что не имеет права отказываться от любого военного похода, так как это будет означать его трусость или немощность. Обе вещи в социальном плане гораздо страшнее смерти, именно поэтому Урызмаг беспокоится. Он не хочет, чтобы его считали неспособным на подвиги. Однако выход всё же находится. Жена Урызмага, чародейка Шатана, придумывает план. Она с помощью магии насылает пургу. Благодаря этому супруги надеются, что мальчик, как инициатор похода, передумает туда отправляться, тогда честь Урызмага будет спасена, а ответственность за неудавшиеся сражения возьмёт на себя ребёнок. Но он не только остаётся на своём, но и спокойно принимает непогоду: «И видит: лошадь мальчик расседлал, / Под голову седло он положил, / Себя мохнатой буркою покрыл, / Среди травы – там снег и не бывал – / Заснул он сладко, словно век не спал» [*Нарты*, 1957, с. 296]. В этом фрагменте видно, что на мальчика не действуют чары, а его упорство – истинно геройская черта. Именно после этого эпизода Урызмаг убеждается в том, что встретил достойного спутника и окончательно принимает свою участь.

Далее герои успешно угоняют стада и делят скот на три части. Мальчик, как младший, должен первым выбрать себе долю, а Урызмаг опасается, как бы его не обделил: «Наверно, он себе возьмет две части, / А мне – одну, в его ведь это власти. / О, как я нартам покажусь тогда?» [*Нарты*, 1957, с. 300]. Однако герой проявляет щедрость: он отдаёт своему отцу всё, кроме одного белого бычка, которого наказывает заколоть на поминках в честь давно умершего сына: «Ну что ж, – ответил мальчик, – коли так. / Меня послушай, старый Урызмаг. / Вот – доля старшего, то –

предков воля, / А вот и младшего вторая доля. / Её тебе я в дар преподношу. / И этот дар принять тебя прошу. А белого бычка возьми для сына, / – Он безымянным стал не без причины, / – Чтоб, разобравшись, понял ты в чем дело / И для него поминки дома сделал» [Там же]. Тут происходит узнавание героя и Урызмаг понимает, что всё это время путешествовал со своим сыном. Что интересно, только в этом эпизоде раскрывается мотивировка мальчика – он, как и все мёртвые, желал поминок и решил таким образом самостоятельно добыть себе жертвенное животное. Но как в таком случае с этим может быть связана безымянность героя?

Отказ от поминок может приводить к забвению героя, но никак не к отсутствию у него имени. Вероятно, та мотивировка, которая приведена в тексте вторична, так как отражает только видимую, практическую, сторону подвига, вытесняя при этом основную. Для более глубокого анализа текста обратимся к эпическому подтексту – теории, выдвинутой Б. Н. Путиловым [Путилов, 1988, с. 177], которая подразумевает в эпосе наличие более сложных структур, утративших со временем своё значение, оставив в фольклоре лишь внешнюю оболочку, которая может казаться нелогичной. Для того, чтобы объяснить действия героя, предлагаем рассмотреть их через призму культурно-бытового наследия ираноязычных кочевых народов, чью философию и образ жизни переняли осетинские нартты. Для начала рассмотрим проблему безымянности мальчика. В осетинском языке слово «имя» (осет. – «*ном*») означает не только имя собственное, но и славу. В современном языке нельзя использовать эти два слова как синонимы, но в ряде устойчивых выражений видно, что раньше они таковыми были. Например, в некоторых сказаниях нартского эпоса уже можно найти фразы с такой коннотацией: «От нарттов славное имя осталось» (Narty nom kadaen bazzad) или «Вечной жизни предпочтительней вечное имя (слава)» (Ænusu cardæj ænusu nom xwyzdær u) [Мысыккаты, 2022, с. 134] в разговорной же речи можно услышать такое выражение, образованное от слова «ном» «номдзын уает» – буквально «становится именитым, известным», то есть

получать имя. Таким образом, проблемой для героя становится отсутствие не имени как такового, а славы.

Также о важности подвигов говорит и исторический контекст. В одной из своих работ В. Абаева [Абаев, 1990, с. 212–219] указывает, что социальный строй нартского общества отвергал любые формы государственности. В большинстве сказаний антагонистами выступают именно феодалы, те, кто пытаются ограничить свободу героев правилами или навязать чуждые им законы. Все подлинные богатыри нартского эпоса предпочитают жить вольно, видя смыслом своей жизни не служение кому-то, а совершение подвигов.

Ни земледелие, ни какой-либо другой вид деятельности не мог заменить нартам войну. О трепетном отношении к ней свидетельствует и кочевой период осетинской истории. Ж. Дюмезиль описывает, как самым почётным воином у скифов считался тот, кто принесёт больше всего скальпов своих врагов [Дюмезиль, 1990, с. 174]. Такому человеку позволялось во время всеобщего собрания выпить из специальной чаши «славы», что символизировало его превосходство над другими. Аналог похожего обряда есть и в нартском эпосе. Волшебная чаша Уацамонга (досл. пер. с осет. – «указательница, та, что указывает») могла определять героев и тех, кто говорит правду [Мысыккаты, Кочиев, 2022, с. 28]. Только лучший из лучших мог выпить из неё. Так, в сказании «Батрадз и чаша нартов Уацамонга» герой хвастается на всеобщем собрании своими подвигами и использует чашу в качестве доказательства правдивости своих слов: « – Охотился я вчера вечером, подымался по горному склону и семь вечерних дауагов убил. Правду сказал я, и так же в правде подымись, чаша Уацамонга, и стань на колени отцу моему Хамыцу. Плавно поднялась с земли чаша и опустилась на колени Хамыца» [Сказания о нартах, 1978, с. 107].

Исходя из контекста, который мы описали выше, можно сделать вывод о том, что безымянность мальчика свидетельствует

об отсутствии у него славы. Он не успевает совершить подвиги, так как умирает ребёнком, однако не может просто так упокоиться. Эпический подтекст указывает на то, что ему необходимо хотя бы на день вернуться в мир живых и совершить что-то значимое, чтобы умереть славным воином, то есть так, как это подобает членам его семьи и всем достойным нартам. Без этого он навсегда останется лишь духом. Возможно, что просьба устроить поминки не более чем вторичная мотивация, призванная объяснить его действия практической причиной на более поздних формах развития эпоса.

Мы уже разобрали мотивацию героя и попробовали восстановить исторический и этнографический контекст. Однако, на наш взгляд, на одной лишь славной смерти жизнь богатыря не заканчивается. Это видно, например, из предания о том же безымянном сыне Уархага – «Нарты Сорыхъойы таураегъ». В нём снова появляется известным нам мальчик, но уже в совершенно другой роли. Согласно фабуле сказания, Созырыко, будучи прославленным героем, начинает ради удовольствия калечить людей: «...кæмæн-иу йæ къабаз алыг кодта, кæмæн йæ хъус алыг кодта, кæмæн йæ фындз алыг кодта, афтæ тыхтæ кодта адæмæн» [*Нарты Кадджытае*, 2003, с. 366] (пер. автора: «Кому конечность отрежет, кому ухо отрежет, кому нос – так сильничал он над людьми»).

Стоит отметить, что отрезание конечностей являлось частью кочевой культуры. Дюмезиль указывает, что в особенности руки были своеобразным жертвоприношением богу войны – «скифскому Аресу» [Дюмезиль, 1990, с. 191–192]. Тем не менее отправление в мир мёртвых без какой-либо конечности – позор. Эту же мысль озвучивает и Урызмаг: «æмæ Мæрдтæм уæнгхæдджынай куы ацæуон, уæд мæрдты астæу худинаг уыдзæни» [*Нарты Кадджытае*, 2003, с. 366] (пер. автора: «И кто в Страну мёртвых без какой-либо конечности придёт, тому среди мёртвых позор будет»).

К моменту сказания нарт уже сильно стар, что не помешало Созырыко вызвать его на бой, чтобы посмеяться над ним и опозорить. Тогда Урызмаг решает призвать своего безымянного мёртвого сына. Для этого он приходит к умирающему мужчине и просит того, передать мальчику просьбу о помощи, что благополучно и случается. Сын, заключив сделку с хранителем Страны мёртвых, приходит к отцу, а от него идёт на бой с Созырыко. Их сражение происходит нестандартно: вместо того, чтобы драться по-настоящему, у них происходит магическое противостояние. Оба героя обладают волшебными игральными костями, ударив друг об друга которые, они творят разные чудеса: призывают свору собак, соколов, свиней и наблюдают за тем, чьи животные над чьими одержат победу: «Созырыхъо йæ дзыппæй дыууæ хъулы систа. Иу хъул иннæ хъулаёй ныццъыкк ластва, бузнаг нæлхуы дзы рагæпп ластва æмæ дæлаæ фæлидзы: “Гъе уый ма ауадз, куыдзы хъыбыл, æрцахс æй!” ... Хъултæм æрæвнæлдта, иуæй иннæйы ныццъыкк ластва, – цыппар егары æмæ дыууадæс къуыдыр куыдзы æмæ дыууадæс цуаноны рагæпп ластой. Созырыхъойы дыууæ агъды астæу æй æрцахстой» [*Нарты Кадджытае*, 2003, с. 368] (пер. автора: «Одну косточку о косточку ударил, и боров от него выпрыгнул и вон побежал: “Хе, собачин щенок, поймай его”... Снова взялся за косточки, одну о другую ударил – 4 гончих и 12 дворяшек, и 12 охотничьих (или охотников) выпрыгнули. У Созырыко между бёдер его поймали»).

Таким образом, в сказании описывается шаманский поединок: герои не используют физическую силу, а полагаются только на магические способности. И если умения Созырыко объясняются в начале сказания тем, он научился колдовским трюкам у родственников матери [*Нарты Кадджытае*, 2003, с. 365], то касательно безымянного мальчика никаких сведений не даётся. У него есть некие навыки, хотя обладание магией нетипично для нартских мёртвых. Так, в сказании «Сослан в Стране Мёртвых» герой отправляется в потусторонний мир, где встречается со своей умершей женой. Она говорит ему, что покойники могут

покровительствовать живым родственником и оберегать их от бед, но ни о каком прямом вмешательстве в жизнь людей не идёт и речи, только об изменении погоды: « – А это потому, нарт Сослан, – ответила Ведуха, – что всегда с тобой мысли мои... Когда в далеком походе сжигает тебя жаркое солнце, облаком лечу я над тобой и защищаю тебя от его лучей. А когда во время сражения на противников твоих падает сокрушительный ливень – это моих рук дело, это я помогаю твоим воинам одержать верх» [*Сказания о нартах*, 1978, с. 74]. В примере же с безымянным сыном мы видим настоящее колдовство, которое, несмотря на явное «нечистое» происхождение (его «чудеса» ничем не отличаются от таких же трюков Созырыко, которые названы «хәйрагдзинаәдтә», что буквально можно перевести как «чертовщина» или «что-то от чертей»), служит для защиты родственников. Мы можем предположить, что такая смена ролей закономерна для хорошего человека, который упокоившись становится духом-хранителем своего клана. Эта же идея упоминается и в вышеупомянутом сказании о Сослане.

Однако на этом обязанности мальчика не заканчиваются. Интерес представляет финал сказания, в котором безымянный сдирает кожу с ладоней и спины Созырыко, наказав тому больше никогда не причинять насилие другим людям, а перед тем, как причинить кому-то страдания, смотреть на свои ладони и чувствовать боль на спине: «Йе рагъәй йын дууә гәрзы суагъта, стәй йә армы тәәпәнәй дыууә чьепсы сәппәрста әмә загъта:

– Кәд ма искәмән тых кәнай, уәд-иу де рагъы рыст әрхъуыды кә, стәй дә армы тәәпәнтәм әркәс әмә тых макәмән уал кә!» [*Нарты Кадджытае*, 2003, с. 369] (пер. автора: «Из его спины ему два ремня сделал, потом из его ладони два кусочка кожи выбросил и сказал: – Когда ещё бы кого ты насильничал, тогда о своей спине думай, затем на ладони твои смотри и больше не сильничай ни над кем»).

Таким образом, герой не просто защищает свою семью, став духом-покровителем, но становится носителем определённого воинского этикета, наказывая и наставляя тех, кто его не исполняет.

Примечательно, что соблюдение такого свода правил релевантно для многих народов Кавказа, у которых последовательность насильственных действий чётко регламентирована для разных случаев. Следовательно, и проявление агрессии строго предписано, и человек, который хочет, чтобы его считали достойным, не имеет право проявлять свою силу, когда ему вздумается [Шереметьев, 2022, с. 481–519]. Об этом может свидетельствовать ещё один эпизод из нартского эпоса. В предании «Как Батрадз мстил за смерть отца» герой отрубает руку убийце своего родителя и приносит её своей матери – Шатане в качестве доказательства совершённой мести. Однако женщина остаётся недовольной говоря: «Враг освящен, коль пал на поле бранном. Таков обычай древний: не годится / Труп хоронить без уха и десницы» [Нарты, 1957, с. 217].

Итак, мы можем заметить трепетное отношение и уважение к врагам в нартском эпосе. Более того, даже во время кровной мести излишняя жестокость по отношению ним не приветствуется. Это распространяется на всех воинов, даже тех, кто признан воплощением абсолютного эпического идеала, как Батрадз.

Таким образом, в сказании о Созырыко и Безымянном мальчике мы можем заметить, как ребёнок уже не просто ищет славы, чтобы упокоиться, но становится полноценным духом-покровителем семьи, а также носителем воинского этикета, за соблюдением которого в мире живых пристально следит. Также именно на его примере, как нам кажется, можно проследить подлинный путь воина в осетинском нартском эпосе. Изначально – это стремление к совершению подвигов во имя славы, а после смерти душа героя может оберегать свою семью и карать тех, кто нарушил определённые правила, тем самым, переходя из разряда обычных духов к более значимым существам.

Список литературы / References

Абаев В.И. *Избранные труды: религия, фольклор, литература*. Владикавказ: Ир, 1990 [Abaev V.I. *Selected works: religion, folklore, literature*. Vladikavkaz: Ir, 1990 (in Russian)]

Абаев В.И., Джусоев Н.Г., Ивнев Р.А., Калоев Б.А. *Нарты: эпос осетинского народа*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957 [Abaev V.I., Dzhusoev N.G., Ivnev R.A., Kaloev B.A. *Narts: the epic of the Ossetian people*. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1957 (in Russian)].

Гутиева Э.Т. Древний сакральный мотив в тексте кадага «Безымянный сын Урузмага». *Вестник Владикавказского научного центра*. 2014. №14. С. 8–12 [Gutieva E.T. An ancient sacred motif in the kadag text “The Nameless Son of Uruzmag”. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. 2014. No. 14. Pp. 8–12 (in Russian)].

Дюмезиль Ж. *Осетинский эпос и мифология*. М.: Наука, 1976 [Dumézil G. *Le Livre des héros, légendes ossètes sur les Nartes*. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].

Дюмезиль Ж. *Скифы и нарты*. М.: Наука, 1990. [Dumézil G. *Romans de Scythie et d’alentour*. Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Либединский Ю.Н. *Сказания о нартах. Осетинский эпос*. М.: Советская Россия, 1978. С. 62–69 [Libedinskij Yu.N. *Tales of sleds. The Ossetian epic*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978. Pp. 62–69 (in Russian)].

Мыссыкаты Б. Индоевропейская поэтическая формула «Немеркнущая слава» в осетинской Нартиаде. *Nartamongæ*. 2020. № 1, 2. С. 131–177 [Myssykaty B. The Indoeuropean poetic formulae “Unfading glory” in the Ossetian Nartiada. *Nartamongæ*. 2020. No. 1, 2. Pp. 131–177 (in Russian)].

Мыссыкаты Б., Кочиев К.К. Чаша славы осетинской Нартиады: скифские и другие индоевропейские параллели. *Nartamongæ*. 2022. №XVII. С. 25–76 [Myssykaty B., Kochiev K.K. The Cup of Glory of the Ossetian Nartiad: Scythian and other Indo-European parallels. *Nartamongæ*. 2022. No. XVII. Pp. 25–76 (in Russian)].

Путилов Б.Н. *Героический эпос и действительность*. Л.: Наука, 1988 [Putilov B.N. *Heroic epic and reality*. Leningrad: Nauka, 1988 (in Russian)].

Раевский Д.С. *Мир скифской культуры*. М.: Языки славянских культур, 2006 [Raevskij D.S. *The world of Scythian culture*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2006 (in Russian)].

Таказов Ф.М. Признаки инициаций в нарттовском эпосе осетин. *Ростовский научный журнал*. 2017. №12. С. 155–160 [Takazov F.M. Signs of initiation in the Nart epic of the Ossetians. *Rostovskij nauchnyj zhurnal*. 2017. No. 12. Pp. 155–160 (in Russian)].

Фидаров Р.Ф. Обряд воинской инициации в осетинском нарттовском эпосе. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 114. С. 70–77 [Fidarov R.F. The rite of military initiation in the Ossetian Nart epic. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. No. 114. Pp. 70–77 (in Russian)].

Хаемыщаты Т.А., Джыккайты Ш. Нарты Кадджытае (Кадаги о нартах). *Дзаеджыхъаеу: Ирыстон*, 2003. С. 365–369 [Haemycaty T.A., Dzhykkajty Sh. Kadags of narts. *Dzaedzhyhaeu: Iryston*, 2003. Pp. 365–369 (in Ossetian)].

Хамицаева Т.А., Бязаров А.Х. Нарты: осетинский героический эпос. М.: Издательство Академии наук СССР, 1989. С. 315–346 [Hamicaeva T.A., Byazyarov A.H. Narty: the Ossetian heroic epic. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1989. Pp. 315–346 (in Russian)].

Шереметьев Д.А. Сдержанность и агрессивность. *Теория и практика регионоведения: Труды III Международной научно-практической регионоведческой конференции «Регионалистика Кавказа»*. СПб., 2022. Т. V. С. 481–519 [Sheremetev D.A. Restraint and aggressiveness. *Teoriya i praktika regionovedeniya: Trudy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi regionovedcheskoi konferentsii «Regionalistika Kavkaza»*. Saint-Petersburg. 2022. Vol. V. Pp. 481–519 (in Russian)].

DIANA TSKHOVREBOVA

The image of the ideal warrior in the Nart epic of the Ossetians

National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg

eduardovnadiana@mail.ru / detskhoverbova@edu.hse.ru

Abstract. In our work, the purpose of the study was to describe the universal features of the image of the ideal warrior in the Nart epic of the Ossetians, to highlight the main stages of his life path and the worldview that he adhered to when committing certain actions. We also made an attempt to determine what exactly, from the point of view of the philosophy of the Nart epic, makes an ordinary person a true warrior. The relevance of the work lies in an attempt to identify for the first time universal characteristics that work for all Ossetian epic characters through an appeal not only to folklore, but also to ethnographic and linguistic material.

As a result of the analysis, we came to the conclusion that the main thing in the life of a Nart warrior is to achieve glory through performing feats and following unspoken etiquette. In the case of fulfilling his duties, the hero receives a name indicating his status, as well as the opportunity to become the patron of his family and protect them after death.

Keywords: Nart epic of Ossetians, ideal warrior, Ossetian military initiations, glory.

ЧУЧУЛА МИХАИЛ ДЕНИСОВИЧ

**Невоенные формирования армейского типа в Иране
периода Белой революции 1963–1979 гг.**

Уральский федеральный университет, Екатеринбург; бакалавриат, 4 курс

miselborenskij@gmail.com

Аннотация. В реализации программы Белой революции, прослеживается оригинальность подхода к организации реформы. Этой оригинальности способствовала специфика властных отношений в Иране, на основе которых была организована администрация Белой революции и курирование невоенных армейских формирований. Три из них играли ключевую роль в реализации революционных программ: Сепак-е Данеш (Корпус знаний), Сепак-е Бехдашт (Корпус здравоохранения), Сепак-е Таравидж ва Абадани (Корпус реконструкции и развития). Реализация программ по модернизации была основана на использовании армейских формирований в связи с дефицитом кадров и ресурсов. Такие формирования активно использовались в государственной пропаганде. Использование их было частью формирования образа прогрессивного Ирана как за пределами страны, так и в ее пределах. Имплементация реформы и создание этих институтов привели к существенному модернизационному эффекту, но в то же время способствовали росту запроса на демократизацию.

Ключевые слова: Белая революция, невоенные армейские формирования, модернизация, Мохаммад Реза Пехлеви, Иран.

Научный руководитель: Возников Д.В., к. и. н., доцент кафедры востоковедения УрФУ (Екатеринбург).

Белая революция была амбициозным комплексом реформ, инициированных шахом Мохаммедом Резой Пехлеви в 1963 г. Эта программа коренным образом трансформировала облик Ирана, оказав глубокое влияние практически на все сферы жизни страны.

Несмотря на то, что в реализации преобразовательных мероприятий Белой революции, прослеживается и отмечается исследователями существенное влияние внешнего давления,

исходившего от администрации Кеннеди [Sabahi, 2001, p. 191; Collier, 2013], не вызывает сомнения высокая степень оригинальности проводимых реформ. Этой оригинальности способствовала специфика властных отношений в Иране, а также ограниченность участия западных специалистов в разработке реформ.

С началом реализации данной программы иранская политическая элита стала использовать специфический революционный язык. Так, шах заявил, что эпоха ригидных идеологий подошла к концу, поскольку «они не могут удовлетворить потребности общества, которое пребывает в постоянном состоянии революции» [цит. по: Bill J.A., 1970, p. 32]. Премьер-министр Амир Аббас Ховейда (1919–1979) также отмечал, что «старую структуру необходимо полностью уничтожить. Лишь тогда можно построить новую систему. Невозможно возводить прогрессивную систему на основе старого» [цит. по: Bill J.A., 1970, p. 32].

Центральное место в реализации и освещении модернизационных мероприятий получили подразделения армейского типа, такие, как «Корпус знаний», «Корпус здравоохранения» и «Корпус реконструкции и развития». Реализация программ Белой революции я была основана на использовании армейских формирований в связи с дефицитом кадров и ресурсов, которые государство могло выделить на эти цели. Государство сочетало принуждение через призыв на военную службу с возможностью финансовых выгод и перспективой прохождения службы легким относительно обычным способом. Таким образом, эти меры позволяли эффективно использовать ресурсы для достижения поставленных задач в области модернизации.

Дешевизна подобного способа привлечения специалистов была обусловлена тем, что для служащих этих армий, участие в них позволяло избежать обычной военной службы, а в случае женщин

представляло из себя возможность заработать в условиях ограниченных прав и возможностей выбора профессии. Также одним из вероятных факторов избрания этого пути реализации реформ, является представление о том, что подразделения с военной структурой легче контролировать. Кроме того, существовала необходимость более эффективного использования призывного ресурса в мирное время, поскольку военные подразделения не могли абсорбировать достаточное количество молодых людей. Важными факторами стали потребность в учителях, готовых переехать в сельские районы, неспособность государства мотивировать достаточное их количество рыночными методами и возможность использования пропагандистского потенциала таких инициатив.

Отмечается, что армейские подразделения изначально планировалось использовать как инструмент контрразведки, хотя эта идея так и не была формализована [Sabahi, 2001, p. 194].

Администрация Белой революции была организована в соответствии с традиционными властными отношениями. Например, общая программа по повышению грамотности и Корпус знаний, как основной инструмент реализации этой программы, находились под прямым контролем самых влиятельных представителей политической элиты, включая сестру шаха Ашраф и министра двора, а Министерство образования активно участвовало в различных программах, возглавляемых разными заместителями министра, что создавало конкурентную среду между ними [Bill, 1970, p. 32]. В то же время, части Корпуса реконструкции и развития могли в зависимости от необходимости переподчиняться разным министерствам. Таким образом, управление этими структурами отличалось громоздкостью, и осуществлялось на основе, в том числе, династийного принципа.

Корпус здравоохранения

В течение XIX – начала XX в. ситуация со здравоохранением и здоровьем населения Ирана оставляла желать лучшего. Люди

сталкивались с многочисленными проблемами в сфере санитарии и медицины. Катастрофически тяжелым было положение в сельских и окраинных городских районах. Крайне низкий уровень грамотности и доходов населения усугубляли неблагоприятные тенденции в области общественного здоровья.

Первый шах Пехлеви пытался улучшить ситуацию. В частности, им было создано Министерство общественного здравоохранения, с созданием которого правительство Ирана стало активнее участвовать в создании современных медицинских учреждений. Тем не менее, ситуация со здравоохранением, в особенности в сельской местности, оставалась тяжелой и требовала реформирования, а также перераспределения средств, которые выделялись на здравоохранение в категорически недостаточном количестве.

Шах утверждал, что целями создания Корпуса здравоохранения были повышение уровня общественного здоровья и воспитание здорового поколения, лечение больных и профилактика инфекционных заболеваний, вакцинация населения, санитарное просвещение, уход за матерями и детьми, а также обучение крестьян улучшению питания и условий проживания. Шах также отмечал, что развитие села сдерживалось феодалами. Так пишет он об этом в своей книге под названием «Белая Революция»: «Во времена децентрализации с теми, кто подвергал своих подданных жестокому и бесчеловечному обращению, очень часто происходило ужасное, когда феодалы убивали подданных или вешали их на колодках. Даже в тех случаях, когда этой жестокости не было, эксплуатации крестьян и несоблюдению их законных прав считалось нормой. Чтобы защитить интересы собственника, необходимо было держать крестьян в невежестве и бедности. Поэтому, насколько это возможно, создание школ и медицинских учреждений в деревнях всегда пресекалось» [цит. по: Sahami, Kermiyan-Baladadji, p. 115]. В целом, причины приведшие к созданию Корпуса

здравоохранения подобны тем, что стояли за созданием других подобных подразделений. Это дефицит квалифицированных кадров и стремление сократить затраты на развитие медицины.

К функциям, возложенным на Корпус здравоохранения, относились очистка прудов, очищение и строительство банных домов, клиник, систем водопровода в сельской местности, вакцинация населения, лечение зубов, исполнение функций сельских врачей терапевтов, при этом главным направлением деятельности на раннем этапе существования корпуса была вакцинация населения [Raiesifar et al., p. 5].

Корпус здравоохранения был подчинен Министерству Здравоохранения, которому в целях осуществления программы был существенно увеличен бюджет. Это дало старт активному строительству и развитию больниц и медицинских центров. В рамках данной инициативы Корпус Здравоохранения формировал медицинские бригады, состоявшие из одного врача и двух дипломированных помощников [Raiesifar et al., с. 4–5]. В первый и второй год существования корпуса его служащими было проведено по более чем по миллиону актов вакцинации [Sepah e Behdasht = Health corps. (to accompany) Atlas of Iran: white revolution = Atlas-i Enqelab-e Sefid-e Iran. Sahab G. D. I.].

В высокоразвитых регионах страны доля призываемых женщин врачей была выше и иногда даже превышала количество медсестер. Это справедливо в частности для Тегерана и Восточного Азербайджана, где количество набранных женщин-врачей превысило количество набранных в подразделения женщин медсестер в ходе второго и третьего призыва соответственно. [Prakandegiye Sepahan e Behdasht ... = Distribution of health corps: women's social services. (to accompany) Atlas of Iran: white revolution = Atlas-i Enqelab-e Sefid-e Iran. Sahab G. D. I.]. Как правило, женщины оставались служить в тех же регионах где были призваны, тогда как мужчины могли быть отправлены в другие части страны.

Имел место тренд на отправку большего количества врачей и медицинских ассистентов в отдаленные регионы, относительно призываемых там. Так, например, один из наиболее развитых регионов Ирана, Восточный Азербайджан, уступающий только остану Тегеран по количеству призываемых служащих корпуса, в 1972 г. лишь незначительно опережал по количеству размещенных в регионе врачей и ассистентов один из наименее развитых регионов Ирана – Систан и Белуджистан и уступает провинциям Хорасан-Резави и Керман [Paygahhaye Sepahe Behdasht = Health corps bases. (to accompany) Atlas of Iran: white revolution = Atlas-i Enqelab-e Sefid-e Iran. Sahab G. D. I.].

Оценить результаты данной программы можно по статистике, приводимой Советом Медицинского управления Ирана в 1972 г., согласно которой, ожидаемая продолжительность жизни женщин в 1966 г. составляла 47,5 года, в то время как для мужчин – 47,11 года. Однако в 1972 г. ожидаемая продолжительность жизни в стране возросла до 69,50 лет для мужчин и 51,25 лет для женщин. [Report of the Board of Health and Medical Affairs, 1974, pp. 62–63)]. Эти данные показывают стремительность тех преобразований, которые проводились в ходе Белой революции при активном использовании Корпуса Здравоохранения, который позволил организовать предоставление базового медицинского обслуживания в сельской местности.

Корпус знаний

Следующим подразделением, сформированным на основе тех же принципов, стал Корпус знаний. Согласно двум правительственным указам, изданным 26 октября и 3 декабря 1962 г. и одобренным парламентом 26 января 1963 г., молодые мужчины с дипломом о среднем образовании получили возможность проходить службу в Сепаш-е Данеш в качестве замены двухлетней военной службы [interview with Ġolām-rezā Šadrā'i, Tehran, 27 May 1997].

К 1962 году уровень охвата начального образования (число зачисленных учеников по сравнению с числом детей соответствующего возраста) в крупных городах достиг 79%, в то время как в сельских районах этот показатель составил всего 24%. Суммарно грамоте на начало 60-х были обучены менее 20% населения¹. Запись учеников в городских школах росла быстрее, чем в сельских, и эта тенденция указывала на то, что эта диспропорция будет сохраняться, главным образом из-за нехватки учителей, готовых работать в сельских местностях. Что касается уровня грамотности в стране, то, поскольку безграмотность напрямую связана с общественным сознанием, а соблюдение санитарных норм зависит от уровня осведомленности, в большинстве сельских районов наблюдалась прямая связь между безграмотностью и болезненностью, развитием суеверий и отказом от медицинских услуг.

Среди основных функций этого корпуса, связанных с решительной борьбой с безграмотностью, можно выделить: 1) обучение сельских женщин и детей, 2) подготовка и использование образовательных средств, создание библиотек в школах, 3) обучение скаутов и волонтеров Красного Льва и Солнца, 4) участие в учебных курсах и семинарах, организованных Министерством образования для улучшения методик преподавания, 5) руководство сельскими девушками и женщинами в вопросах домохозяйства и гигиены. Помимо решительной борьбы с безграмотностью, программа Литературного Корпуса имела также несколько других целей. Ожидалось, что программа произведет революционное влияние на социальные нормы, позволит ускорить формирование рыночной экономики, увеличить потребительский спрос, внедрить современные сельскохозяйственные методы, способствовать эмансипации женщин и росту среднего класса [The Imperial Government of Iran..., 1970, p. 68].

Следует отметить, что создание этого корпуса было большим шагом в секуляризации начального образования, ведь с появлением Корпуса грамотности образование в какой-то степени вышло из-под контроля мусульманского духовенства, которые обычно обучали молодое поколение в соответствии с традициями. Таким образом, эта программа была направлена также и на то, чтобы помочь режиму в создании современного светского государства. Персидский, как общий язык, был основным инструментом, используемым для насаждения духа национального единства и одновременно тем, что преподавалось служащими корпуса: «Я рассматривал централизованный контроль за государственным образованием как одно из средств обеспечения национального единства. Преподавание персидского языка по всей нашей стране способствовало укреплению общей связи между всеми», – писал шах в книге «Ответ Истории», уже находясь в изгнании [Pahlavi, 1980, p. 128].

Согласно закону, ратифицированному 4 июля 1968 г. и подписанному Шахом 15 июля, незамужние женщины с аттестатом средней школы или высшим образованием и без иждивенцев могли работать в сельских или отсталых городских районах недалеко от своего дома в течение восемнадцати месяцев. Для них было создано отдельное подразделение внутри корпуса – Сепак-е Данеш-е Дохтаран или Женский Корпус знаний. Женщины на этом виде военной службы получали заметно больше, чем мужчины, начиная с 1968 г. приблизительно на сумму эквивалентную 13 долларам в месяц. В отличие от мужчин размер жалования женщин был фиксированным, тогда как у мужчин он находился в зависимости от военного ранга [Pahlavi, 1967, p. 111, Sanghvi et al., 1967, p. 23]. Связано это было с тем, что мужчины в основном попадали в подразделение по призыву, а женщины – на добровольной основе и не могли получить военное звание. Также возможно, что конкретно в случае с этим подразделением именно фактор стремления демонстрации женской эмансипации играл основную роль. Девушки, проходящие службу в подразделении,

носили форму на европейский манер, надевали юбки, а не платки, участвовали в военных парадах и торжественных событиях.

Оценивая релевантность программы, американский наблюдатель отмечал, что эта программа была особенно подходящей для персидского характера, поскольку никакие другие стимулы, кроме силы или угрозы применения силы, не могли заставить иранцев оказать помощь своим соотечественникам или участвовать в деятельности невоенных корпусов [10 May 1966, n. A-749, *The Literacy Corps – Growing Maturity*, NARA SOC 6-5 Iran]. Тем не менее, стоимость обучения ученика в школах, организуемых корпусом, хоть и считалась минимальной, составляя треть от стоимости обучения ученика в обычной школе [Faris, p. 19]. То, что образование оставалось платным, а жители деревни оплачивали строительство образовательных объектов [Sanghvi et al., p. 23] ограничивало доступ к такому образованию бедных граждан Ирана, вызывая недовольство среди прогрессивно настроенных представителей молодежи, служащих в корпусе и проистекая из ограниченности ресурсов режима. Также существовали проблемы во взаимодействиях с неэффективной местной бюрократией и духовенством, которое воспринимало деятельность корпуса, как подрывающую их влияние. Уважение местных жителей к пожилым и их недоверие к чужакам не способствовали интеграции корпусников в общину. В этой ситуации оппозиция муллы часто оказывала влияние, поскольку он обладал значительным авторитетом, а участники Литературного корпуса были по большей части молодыми и неопытными [Street, pp. 8–11]. При этом, несмотря на то, что в корпус старались призывать представителей разных религиозных и этнических групп, первые роли в нем по-прежнему имели выходцы из персоязычной среды, что часто приводило к конфликтам с локальными меньшинствами. Все это вызывало сильное разочарование и деморализацию среди служащих.

В 1966 г. некоторые участники Корпуса знаний вовлеклись в политическую деятельность в рамках Исламской Народной Партии. Осенью 1965 г. 55 членов этой организации были арестованы, а в марте 1966 г. осуждены. Среди них было трое участников Литературного корпуса, а их лидер завершил свою службу в корпусе всего за несколько месяцев до ареста. Кроме того, в правительстве возникли опасения по поводу сообщений о том, что члены Корпуса распространяли антирежимные идеи в деревнях. В контексте такого крупного формирования, как Корпус знаний, подобные действия были вполне предсказуемы для страны подобной Ирану [10 May 1966, n. A-749, *The Literacy Corps – Growing Maturity*, NARA SOC 6-5 Iran].

Тем не менее, результаты реализации программы являются впечатляющими. Службу в корпусе прошли 166949 мужчин и 33642 женщины. Они обучили более 2,2 миллиона детей в возрасте от шести до двенадцати лет, которые до этого не посещали школу, а также около 1 миллиона взрослых [Sabahi, 2002, p. 19].

Корпус реконструкции и развития

Закон о создании Корпуса реконструкции и развития был принят в 1964 г. С целью повышения благосостояния сельских жителей, а также ознакомления их с новыми принципами сельского хозяйства, методами увеличения сельскохозяйственного и животноводческого производства, а также содействия, развития и улучшения сельской промышленности и помощи в вопросах, касающихся благоустройства и обновления сёл.

Корпус реконструкции и развития формировался из лиц с дипломом о среднем образовании и выше, которые были определяемы как превышающие потребности вооруженных сил, за вычетом тех, кто был назначаем на службу в Корпус знаний и Корпус здравоохранения.

Государство выделяло из числа членов корпуса, имеющих образование выше среднего в таких областях, как архитектура,

дорожное и строительное дело, электротехника, механика и экономика, количество, необходимое для Министерства благоустройства и жилищного строительства, министерства земельной реформы, а также Министерства экономики, для выполнения задач, соответствующих их профилю.

Бригады корпуса изначально формировались только для осуществления деятельности курируемой Министерством сельского хозяйства и Министерством благоустройства и жилищного строительства, при этом до четвертого призыва все призывники, проходящие службу в Министерстве благоустройства и жилищного строительства, были выпускниками колледжей, тогда как в Министерстве сельского хозяйства выпускники школ призывались всегда в большем количестве и с течением времени этот тренд только углублялся [Sepah e Tarveej va Apadani = Reconstruction and Development Corps. (to accompany) Atlas of Iran: white revolution = Atlas-i Enqelab-e Sefid-e Iran. Sahab G. D. I.]. Бригады, находящиеся в подчинении Министерства экономики и Министерства кооперации и сельских дел, начали формироваться в незначительном количестве начиная со второго призыва [Sepah e Tarveej va Apadani = Reconstruction and Development Corps. 1351. (to accompany) Atlas of Iran: white revolution = Atlas-i Enqelab-e Sefid-e Iran. Sahab G. D. I.], тогда как бригады, находящиеся в подчинении Министерства земельных реформ стали формироваться только в ходе шестого призыва [Sepah e Tarveej va Apadani = Reconstruction and Development Corps. (to accompany) Atlas of Iran: white revolution = Atlas-i Enqelab-e Sefid-e Iran. Sahab G. D. I.].

Пропаганда

Все три невоенных армейских формирования активно использовались в государственной пропаганде. Так, Армия Здравоохранения, Армия Знаний и упоминаются в гимне Министерства образования эпохи Пехлеви, а эмблемы всех трех армий изображались на купюре достоинством в сто риалов.

Также представители этих формирований были участниками военных и праздничных парадов. Использование их образа было частью формирования образа прогрессивного Ирана как за пределами страны, так и в ее пределах. Так, во время 13-й Генеральной конференции ЮНЕСКО шах Ирана поручил своей делегации предложить организовать международную конференцию в Тегеране для министров образования стран-участниц, чтобы обсудить лучшие способы решения проблемы безграмотности. В сентябре 1965 г. в Тегеране прошел первый Всемирный конгресс по искоренению безграмотности под эгидой ЮНЕСКО. На этом конгрессе министры образования из многих стран узнали о Корпусе знаний из речи шаха, согласно словам которого, в 1962 г. расходы на вооружение по всему миру составили 120 миллиардов долларов. По оценкам цитируемых им экспертов, лишь 1/30 этой суммы было бы достаточно для образования 700 миллионов безграмотных людей в мире [Pahlavi, 1967, p. 125].

Таким образом, несмотря на то, что имплементация реформы и создание этих институтов привели к существенному росту уровня грамотности, росту доступности здравоохранения и существенному модернизационному эффекту, оказанному на сельское хозяйство, параллельно с этим имелся и целый ряд негативных последствий. Исследователи отмечают, что многие представители Корпуса знаний занимались антиправительственной агитацией, что было связано с разочарованием в способности шахского режима осуществлять структурные реформы, казавшиеся необходимыми образованной молодежи, которая составляла костяк всех трех невоенных армейских подразделений Белой Революции. Корректно утверждать, что идеи, распространяемые шахом с помощью этих армейских формирований, обернулись против него и привели к росту запроса на демократизацию общества.

Примечания

1. Social Development and Revolution in Iran – Scientific Figure on ResearchGate. Available from: https://www.researchgate.net/figure/Literacy-Rates-in-Iran-1956-2016_fig7_354682184 (accessed:12.02.2025).

Список литературы / References

Bill J.A. Modernization and Reform From Above: The Case of Iran. *The Journal of Politics*. 1970. Т. 32. № 1. Pp. 19–40.

Collier D.R. To Prevent a Revolution: John F. Kennedy and the Promotion of Democracy in Iran. *Diplomacy & Statecraft*. 2013. Т. 24. № 3. Pp. 456–475.

Pahlavi M.R. *Answer to History*. New York. 1980.

Pahlavi M.R. *White Revolution*. Tehran. 1967.

Raiesifar A., Firouzkouhi M., Fooladi M., Parvizy S. Sociopolitical development of the nursing profession in Iran: a historical review. *J Med Ethics Hist Med*. 2016 Nov 5;9:13. Pp. 1–9.

Sabahi F. The literacy corps in Pahlavi Iran (1963-1979): political, social and literary implications. In: *CEMOTI*, no. 31. 2001. Jeune recherche. Pp. 191–220.

Sabahi F. The Literacy Corps in Pahlavi Iran, 1963-1979. *Isim Newsletter*. 10(1). 2002. Pp. 19–19.

Sajjādī Ş. BĪMĀRESTĀN. *Encyclopædia Iranica*. Т. IV, Fasc. 3. 1989. Pp. 257–261.

Sanghvi R., German C., Missen D., “The Literacy Corps,” in *The Revolution of the Shah and the People*. Vol. 7. London. 1967.

Street B.V. *Cultural Meanings of Illiteracy*. Geneva. 1990. Pp. 8–11.

The Imperial Government of Iran, Address of the ShahanshahAryamehr and reports by the Prime Minister and the Plan Organization managing director at the historic session at Plan Organization on 29 December 1970. Tehran. 1970.

MIKHAIL CHUCHULA

Non-military army-type formations in Iran during the White Revolution of 1963–1979

Ural Federal University, Yekaterinburg

miselborenskij@gmail.com

Abstract. The implementation of the White Revolution program shows a unique approach to carrying out reforms, which was facilitated by the specifics of the established power relations in Iran, based on which the administration of the White Revolution and the oversight of peaceful corpses was organized. Three army-type units played a key role in executing revolutionary programs, namely: Sepah-e Danesh (Literacy Corps), Sepah-e Behdasht (Health Corps), and Sepah-e Taravij va Abadani (Reconstruction and Development Corps).

The implementation of programs for rural modernization relied on the use of army-type formations due to a shortage of resources. These military units were actively employed in state propaganda. Their image was part of the effort to shape the image of a progressive Iran, both within the country and beyond its borders. The implementation of reforms and the creation of these institutions led to a significant modernization effect, but also fostered a growing demand for democratization.

Keywords: White Revolution, Peace corpses, Rural modernization, Mohammad Reza Pahlavi.

Организационный комитет конференции

ИВР РАН

- Пан Т.А. – к. и. н., в. н. с., зам. директора по науке ИВР РАН
- Французов С.А. – д. и. н., гл. н. с., зав. отделом Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Зайцева Д.В. – секретарь конференции, м. н. с. отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

НИУ ВШЭ

- Илюшина М.Ю. – д. и. н., зав. Кафедрой ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
- Новикова В., студентка 4 курса Кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
- Орлов И., сотрудник Факультета мировой экономики и мировой политики (НИУ ВШЭ)
- Антропова К., студентка 5 курса Кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
- Асалия А., студентка 5 курса Кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
- Руссу К., студент 2 курса магистратуры «Кросс-культурные исследования Азии и Африки в контексте международных отношений» Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

* Опубликованные в сборнике изображения принадлежат авторам либо взяты ими из открытых источников и не нарушают авторские права правообладателей.

** В оформлении обложки использовано изображение «Щит калкан» (инвентарный номер: В.О.-1065, Северная Африка или Турция, XVI–XVII вв.) из Коллекции восточного оружия Государственного Эрмитажа. Фото: Суетов С.В., Синявский К.В.

АРМИЯ И ВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ISBN 978-5-4391-1047-6



Заказ 36316 Тираж 100 экз.

Отпечатано
в Типографии «Арт-Экспресс»
тел. 331-33-22

199155 Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, к. 3, оф. 4
e-mail: zakaz@art-xpress.ru, www.art-xpress.ru

